This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav
4346
7. 3

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

БЕЗПЛАТНОЕ
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ Ж
* НОВЫЙ МІ

* БИБЛІОТЕКА *
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
* КНИГА IV * 1900 ГОДЪ. *

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА
ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

БАСУРМАНЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1900

Slav 4346.7.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 29 1938

Дозволено цензурою. Спб., 30-го марта 1900 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.

БАСУРМАНЪ

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РѢШЕНІЕ БЕЗЪ АПЕЛЛЯЦІИ

По крытому переходу, который велъ отъ двора великокняжескаго къ церкви Благовѣщенія, еще тогда деревянной, возвращался Иванъ Васильевичъ съ утренней молитвы. Когда онъ выходилъ изъ храма Божьяго, по ясному челу его носились пріятныя впечатлѣнія, оставленныя въ немъ молитвою; но чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ тяжелѣе гнѣвъ налегалъ на это чело и ярче вспыхивалъ во взорахъ. За нимъ, въ грустномъ раздумьѣ, слѣдовалъ красивый, статный молодецъ: это былъ сынъ его Иванъ.

Слѣдомъ ихъ шелъ бояринъ Мамонъ. Никто не ...лъ нарушить угрюмое молчаніе великаго князя. ...нъ младой старался скрадывать шорохъ шаговъ ...ихъ, чтобы не оскорбить имъ слуха отца въ такое ...мя, когда малѣйшее неловкое впечатлѣніе могло зрядить ужасную вспышку гнѣва. Онъ зналъ, что

гнѣвъ этотъ, не возбужденный потворствомъ или своекорыстіемъ приближенныхъ, могъ еще улечься, или, по-крайней-мѣрѣ, не имѣть роковыхъ послѣдствій. И потому берегъ онъ эту возможность, какъ искусный механикъ даетъ свободный пропускъ сердитымъ водамъ, накопившимся отъ непогоды, чтобы онѣ не прорвали плотины. На лицѣ боярина разыгрывались то удовольствіе злобы, то страхъ; и слухомъ и взоромъ жадно слѣдилъ онъ малѣйшее движеніе своего господина. Молчаніе ихъ похоже было на то, когда вынимаютъ изъ урны роковой жребій. Жребій былъ вынутъ: Иванъ Васильевичъ остановился въ серединѣ перехода и, обратясь къ сыну, сказалъ:

— Слышалъ, Иванъ, что сдѣлалъ твой любимый Хабаръ?

— Слышалъ, господине, — отвѣчалъ спокойно Іоаннъ младой.

— Легко вымолвить: заушилъ деспота морейскаго.

— А за что, сказали тебѣ, отче?

— Ни съ того, ни съ сего, вѣстимо хмѣльной! не впервой ему озорничать. Коли до нынѣшняго дня носилъ еще голову на плечахъ, такъ это ради тебя.

— Коли нынѣ снесетъ эту голову, такъ ради тебя, господине, и нашей православной Руси, — произнесъ съ твердостію Іоаннъ младой.—Когда пойдетъ на лобное мѣсто, я поцѣлую его въ эту голову.

— Какъ такъ?

Великій князь грозно посмотрѣлъ на Мамона; этотъ старался, сколько могъ, затаить свое смущеніе встрѣтилъ его очи съ твердостью.

— Вотъ, какъ дѣло было, — продолжалъ Іоанн

младой съ спокойствіемъ истины.—Вчера, на пиру у Андрея Ѳомича, были созваны, будто на посмѣхъ, и бояре твои и смердъ, старые и молодые гуляки. Хмѣльной, онъ братался со всѣми, пилъ за здоровье непотребной гречанки и обнимался съ чеботаремъ, что шьетъ на нее черевики. Ты вѣдаешь, какъ онъ распутствомъ своимъ безславитъ родъ свой и наноситъ скорбь матушкѣ, великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ. Въ самомъ разгулѣ хмѣля сталъ порочить русскую землю, и что стоитъ она только греками, и что вся сила и краса ея отъ грековъ, безъ нихъ-де мы бы и татаръ не выгнали, и Новгородъ не взяли, и Москвы не снаряжали. Лаялся, будто ты, господине, не помнишь его милостей и худо чтишь его; зато и подарилъ онъ шпанскому королю византійское царство свое, а не тебѣ...

— Ахъ! онъ собака!.. И конуру-то даютъ изъ милости, а даритъ царства. Одинъ братъ лижетъ мисы на поварнѣ у бесерменскаго царя и скоморошничаетъ у него; другой слоняется по угламъ да продаетъ первому глупцу кречетовъ за морями... Ну, чтожъ потомъ?

— Не посмѣю сказать, какъ онъ тебя облаялъ.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Молвилъ, что не отдалъ тебѣ Цареграда, тыде... Воля твоя, отче, языкъ не двигается...

— Иванъ, ты меня знаешь?

Этотъ вопросъ заставилъ бы и мертваго отвѣчать.

— Называлъ тебя псомъ, окаяннымъ. И Хабаръ ъ ему за то пощечину.

— И онъ не задушилъ его?..—закричалъ великій ъ, и не могъ болѣе слова вымолвить. Глаза его

ужасно запрыгали, дыханіе остановилось въ груди, будто сдавленной тяжелымъ камнемъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ сыну:—Воистину ли такъ?

— Спроси дьяка Бородатаго, бояръ постарше и понадежнѣе, что были на пиру, дворскаго лекаря Антона.

Иванъ Васильевичъ задумался.

— Нѣтъ, не надо. Ты мнѣ сказалъ, Иванъ: стану ли я допрашивать бояръ и дьяковъ?

Великій князь любилъ очень своего сына и увѣренъ былъ въ его благоразуміи и праводушіи.

— Ты же что?..—произнесъ онъ, грозно обратясь къ Мамону, и вслѣдъ за тѣмъ ударилъ его посохомъ по лицу.

Мамонъ чувствовалъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ, и отвѣчалъ съ твердостію:

— Воленъ, осударь, казнить меня, а я доложилъ тебѣ, что слышалъ: я самъ на пиру не былъ.

— А чтобъ ты впередъ вывѣдывалъ повѣрнѣе, заплати за безчестье Симскому-Хабару сто рублевъ, да отнеси ихъ самъ, да поклонись ему трижды въ ноги. Слышь?.. — Иванъ, — прибавилъ онъ, — вели, чтобы отнынѣ звали его во всякомъ дѣлѣ Хабаромъ. *Хабарю* [1]) русскому царю имѣть такого молодца. Не даромъ жалуешь его.

— А какъ попался на пиръ лекарь Антонъ?—спросилъ великій князь своего сына, когда Мамонъ удалился.

— Захворала гречанка Андрея Ѳомича. Позва и его, и когда онъ сдѣлалъ ей легкость, притащили и

---

1) Выгодно.

его на пиръ. Пить онъ отказался. Говорятъ, деспотъ подарилъ ему за леченіе золотую цѣпь, а какъ молвилъ обидное о тебѣ слово, такъ лекарь бросилъ дары назадъ. А цѣпь была дорогая.

Видно было по глазамъ великаго князя, что это извѣстіе льстило ему. Несмотря на то, онъ возразилъ:

— Неразумно, коли была дорогая.

Такъ развязалась участь Хабара: часомъ ранѣе нельзя было ручаться за жизнь его. Мамонъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ своего доноса, имѣя на своей сторонѣ и важность преступленія, и покровительство Софіи. Хотя великая княгиня и не любила брата за слабость его характера и развратное поведеніе, такъ безстыдно выставляемое, однакожъ на этотъ разъ приняла живо къ сердцу неслыханное униженіе его, какъбы оно сдѣлано было ей. Но Иванъ Васильевичъ однажды рѣшилъ, и никакія связи не могли измѣнить его приговора. Безсильная противъ этого опредѣленія, Софія обрекла Хабара своему недоброжелательству и съ этого времени стала питать на лекаря неудовольствіе. Надо прибавить, что между ею и супругою Іоанна младаго начинало возрождаться какое-то завистливое соперничество, и потому дѣло, выигранное княжичемъ, тронуло ее за живое. Брату жъ ея, послѣ рѣшенія великаго князя, оставалось выѣхать изъ Руси.

Какъ же попалъ въ ходатаи Іоаннъ младой? Отвага и тутъ помогла Хабару. Съ первымъ просвѣтомъ зари онъ явился къ нему и разсказалъ все, какъ было на ру деспота. Призваны для повѣрки его словъ матка-дьякъ, бояринъ, возражавшій Андрею Ѳомичу, е боярскихъ дѣтей и лекарь Антонъ. Всѣ подтвер- ли истину. Мы видѣли, что прямодушный, высокій

характеръ наслѣдника русскаго *стола* умѣлъ воспользоваться показаніями любимца своего и призванныхъ свидѣтелей и твердо стать на защиту истины и благороднаго подвига.

Не безъ тревоги сердечной Хабаръ и лекарь Антонъ, каждый на своей половинѣ, ожидали развязки этого происшествія. Одинъ хотя не каялся въ своемъ поступкѣ и повторилъ бы его, если бы опять представился такой же случай, хотя безстрашно готовъ былъ выдержать казнь, однакожъ боялся позора этой казни для престарѣлаго отца своего и сестры-невѣсты. Антонъ безпокоился о томъ же за него. Онъ начиналъ брать въ немъ живое участіе, сочувствуя его отвагѣ, грубой — это правда, но все-таки увлекательной по благородству ея источника: даже самымъ слабостямъ ея готовъ онъ былъ потворствовать. Желая заслужить любовь русскихъ, Антонъ и на вчерашнемъ пиру старался присоединиться къ ихъ сторонѣ, и радовался, что на этой сторонѣ были честь и правота. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ онъ, какъ молодые боярскіе дѣти, прощая ему ненавистное для нихъ имя басурмана, которое за нимъ ходило, отъ души расточали ему похвалы за то, что онъ отвергнулъ даръ деспота. Кто знаетъ? изъ этого желанія пріобрѣсть ихъ любовь, можетъ статься, не отдѣлился бы отъ нихъ въ дѣлѣ отваги, не столь похвальномъ. Винить ли его въ этомъ случаѣ? Пускай молодой человѣкъ на его мѣстѣ броситъ въ него камень!.. Можно судить, что онъ чувствовалъ, видя, какъ обстоятельства ежедневно болѣе и болѣе спрягали съ нимъ судьбу Хабара.

Любовь къ Анастасіи, усиленная препятствіями, конечно, играла важную роль во всѣхъ этихъ сердеч

ныхъ тревогахъ и въ участіи къ ея брату. Безъ цѣли, безъ отчета, часто подавляемая разсудкомъ, любовь эта всетаки дѣлала успѣхи. Она пустила еще сильнѣе побѣги отъ слѣдующаго обстоятельства.

Когда Антонъ возвращался съ Хабаромъ домой, заря, обѣщавшая прекрасный день, ужъ занималась. У воротъ своихъ они простились друзьями. Смотря на ихъ прощаніе, никто не подумалъ бы, чтобъ одинъ изъ нихъ считался въ семьѣ другого за служителя сатаны Сыну Образца сбереженъ былъ входъ въ калитку преданнымъ служителемъ. Антонъ отперъ свою ключомъ, который имѣлъ при себѣ. На крыльцѣ остановился онъ, чтобъ вздохнуть послѣ скорой ходьбы и подышать свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ. Сады по скату городской горы и рощи замоскворѣцкія оперялись, казалось, они покрыты были зеленою сѣтью; Москва-рѣка, свободная отъ ледяныхъ оковъ своихъ, отдергивала пологъ тумана, чтобы показать и спесивую красоту полногрудыхъ водъ своихъ, и свѣжую зелень своихъ береговъ. Сквозь улетающіе, фантастическіе покровы этого тумана виднѣлись то блестящій въ лучахъ вѣнецъ Донского монастыря, то бѣлая риза Симонова. Только-что успѣлъ Антонъ бросить жадный взглядъ на эту картину, для него новую, надъ нимъ стукнуло завѣтное окно. Смотритъ, и не вѣритъ глазамъ своимъ: не видѣніе ли ужъ? У окна Анастасія, въ такіе часы, когда и птицы еще лѣниво расправляютъ свои крылышки. Точно, она, только блѣдная, устная! Антону кажется, что глаза ея заплаканы, о она покачала ему головой, какъ бы упрекала его... ъ скинулъ беретъ и сталъ передъ ней, скрестивъ ки, будто молилъ ее о чемъ-то; но роковое окно

задвинулось, и опять скрылось его прекрасное видѣніе.

Не зная что подумать объ этомъ грустномъ явленіи, Антонъ постоялъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ; но видя, что окно вновь не отодвигается, и боясь нескромныхъ свидѣтелей, вошелъ къ себѣ. — «Анастасія печальна, проводитъ ночи въ слезахъ», — думалъ онъ; и вспоминая всѣ знаки ея участія къ нему, иноземцу, ненавистному для отца ея, съ грустнымъ и вмѣстѣ сладкимъ чувствомъ, съ гордостію и любовію, относилъ къ себѣ и нынѣшнее явленіе. Онъ заснулъ, когда солнце было уже высоко, но и во снѣ не покидалъ его образъ Анастасіи.

Вмѣстѣ съ его сердцемъ разберите сердце дѣвушки, воспитанной въ семейномъ заточеніи, не выходившей изъ кельи своей свѣтлицы и за ограду своего сада, и вдругъ влюбленной; прибавьте къ тому, что она каждый день видитъ предметъ своей любви; прибавьте заклятіе отца и мысль, что она очарована, что она, земная, не имѣетъ возможности противиться сверхъ-естественнымъ силамъ, которыхъ не отогнала даже святыня самой усердной, самой пламенной молитвы. Перебравъ все это, станете ли удивляться, что она уже не противится этимъ силамъ и совершенно предалась очарованію? Жадно слѣдя шаги милаго постояльца, Анастасія замѣтила вчера уходъ его изъ дому съ братомъ ея, — съ братомъ, который ведетъ разгульную жизнь, котораго отецъ журитъ иногда за ночныя похожденія. Не мудрено, онъ и любимца ея научитъ этой разгульной жизни. Долго ждала она Антона, и Антонъ не возвращался: никогда еще онъ такъ не опаздывалъ. Въ груди ея заговорила ревность — она упрекала

брата, упрекала милаго иноземца, съ которымъ не говорила еще слова, но котораго считала уже своимъ; тосковала, сердилась, бранила себя за холодность, плакала. И вотъ, наконецъ, онъ идетъ — пускай видитъ ея слабость, пускай знаетъ, что она плакала, и по немъ!

Не даромъ слывутъ наши пословицы золотыми. Одну изъ нихъ очень кстати примѣнить къ сердечному состоянію нашихъ влюбленныхъ: «дѣвушка въ терему, что запрещенный плодъ въ раю». Можно бы и такъ сказать: «что подъ деревомъ съ запрещеннымъ плодомъ въ раю».

Бѣдная пташка къ полдню была испугана появленіемъ злого коршуна, который такъ часто кружилъ надъ ея гнѣздомъ. Опять Мамонъ въ домѣ Образца, но теперь не такъ, какъ гордый вѣстникъ отъ великаго князя, а какъ приговоренный, въ сопровожденіи двухъ недѣльщиковъ и двухъ вооруженныхъ боярскихъ дѣтей. Прежде чѣмъ взяли его изъ дому, отобрали на немъ оружіе.

Именемъ господина, великаго князя, спрашиваютъ сына воеводы, Симскаго-Хабара. Не безъ сердечной тревоги готовъ онъ выслушать свой смертный приговоръ. Вмѣсто того объявляютъ ему, что бояринъ Мамонъ, по волѣ Ивана Васильевича, принесъ ему сто рублей безчестья и пришелъ земно бить челомъ. Да, пришелъ этотъ Мамонъ, гордый, ужасный въ своемъ мщеніи, просить у врага прощенія. И могъ ли онъ не идти? его прислалъ великій князь Иванъ Васильевичъ. рашны были его шафранное лицо, исковерканное левною бурей, его глаза, налитые кровью, лѣсъ ныхъ волосъ, вставшихъ на дыбы. Въ такомъ видѣ

представилъ бы художникъ сатану, скованнаго высшею силою.

И пришелъ онъ, и подалъ Хабару сто рублей.

— Сто рублей счетомъ, — сказалъ онъ твердымъ голосомъ, и палъ униженно предъ своимъ врагомъ, — разъ, другой. Тутъ онъ коварно, адски усмѣхнулся, палъ въ третій разъ. — То было княжее, а это мое, — сказалъ онъ, приложился къ ногѣ Хабара и оставилъ на ней кровавый, глубокій оттискъ зубами. — Вотъ это мое пятно, — повторилъ онъ и адски захохоталъ.

— Не даромъ звали его Мамономъ, — вскричалъ Хабаръ — такъ сильно былъ онъ пораненъ, и первымъ движеніемъ его было вырвать клокъ изъ бороды противника.

Ихъ тотчасъ розняли.

— *Поля, позываю* тебя *на поле!* — вскричалъ Мамонъ.

— На поле! — вскричалъ Хабаръ, — давно пора! Богъ да судитъ насъ!

И враги, поцѣловавъ крестъ, выбравъ каждый своего *стрятчаго* (секунданта) и *поручника*, разстались съ жаждою крови одинъ другого.

Образецъ, не желавшій видѣть униженія своего врага, не былъ при этой сценѣ. Когда-жъ узналъ развязку ея, благословилъ сына на судъ Божій. Несмотря на грозныя запрещенія духовныхъ властей, считалось постыднымъ дѣломъ отказаться отъ *поля*, на которое каждый за убой *волен* былъ вызвать. А запрещеніе духовныхъ отцовъ было ужасно [1]). «Аще который человѣкъ позовется на поле, да пріидетъ къ

---

[1]) См. «Посланіе митрополита Фотія къ новгородцамъ» въ 1410 году.

какому попу причаститись, ино ему святова причастья нѣтъ, ни цѣлованія крестнова. А кто утепетъ, лезши на поле, погубитъ душу, по великова Василія слову душегубецъ именуется, въ церковь да не входитъ, ни дары не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причастія же святова не пріемлетъ 17 лѣтъ... Убитова не хоронить». Каковъ наказъ для нашихъ православныхъ, набожныхъ предковъ! Но честь (только подъ другимъ именемъ), которая и для нихъ была дороже всего, надъ всѣмъ брала верхъ.

Когда донесли великому князю объ этомъ позывѣ, онъ сказалъ:

— Теперь не мое дѣло, а дѣло «Судебника».

Въ «Судебникѣ» стоялъ слѣдующій законъ:

«Кто у кого бороду вырветъ и послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати и битися на полѣ».

Противъ закона, уложеннаго самимъ великимъ княземъ съ сыномъ и боярами, нельзя было идти; только приказано полю быть не прежде, какъ полки воротятся изъ Твери. Для дѣла ратнаго еще нуженъ былъ такой молодецъ, какъ Хабаръ.

Слово «*поле*» омрачило домъ Образца, и безъ того несвѣтлый; это слово отозвалось, будто ударъ ножа, въ сердцѣ Анастасіи, знавшей, что она виновница ужасной вражды между отцомъ ея и Мамономъ и, можетъ быть, виною братниной смерти. Слово «*поле*» долго ходило по домамъ, какъ въ наши дни ходитъ роковая карточка съ черными каймами и съ изображеніемъ мертвой головы. Прохожіе, идя мимо домовъ Образца и Мамона, слышали ужъ въ нихъ пѣнье по сопшемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТѢЛЬНИКЪ

— Ахъ! няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!.
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси.
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...—Я не больна:
Я... знаешь, няня... влюблена.

Пушкинъ.

Довѣренность Хабара къ лекарю Антону была такъ велика, что онъ просилъ его полечить отъ раны, сдѣланной живымъ оружіемъ. Рана была довольно глубокая; но молодцуль, завороженному въ русскихъ снѣгахъ, въ фатализмѣ воспитанія, вѣдать опасенія и боль? При операціи, сдѣланной ему Антономъ, онъ не поморщился, какъ бы пчела слегка ужалила его. Благодаря живительной силѣ молодости, здоровья и пособію врача, исцѣленіе было скорое. Но и до выздоровленія онъ показалъ себя товарищамъ удальцамъ и, окутанный плащемъ-невидимкою ночи, укралъ у претендента на византійскій престолъ нѣсколько горящихъ поцѣлуевъ его Гаиды. Одно, что въ этомъ случаѣ безпокоило Хабара, такъ это грусть сестры, которой причиною, думалъ онъ, живое участіе къ нему. Другой причины онъ и не подозрѣвалъ.

Анастасія, имѣя теперь возможность отнести вину своей грусти къ походу, разлучавшему ее съ братомъ, и къ страшному поединку, не удерживала себя болѣе, не таила болѣе слезъ въ груди. Вскорѣ увѣрили ее, что *поля* не будетъ, что великій князь грозною волею своею помирилъ враговъ, Хабаръ удовлетворенъ, по законамъ за *кровавую рану*, нѣсколькими полтинами, и тому дѣлу былъ *положенъ* навсегда *погребъ*. Это убѣжденіе успокоило ее на счетъ брата и между тѣмъ обратило на одинъ предметъ всѣ помыслы, всѣ способности ея души, которыя раздѣлили было по себѣ два предмета, равно ей драгоцѣнные.

Равно ли? Богъ знаетъ! Заглянувъ окомъ своимъ въ глубину ея сердца, Онъ увидѣлъ бы въ немъ перевѣсъ на сторону басурмана. Такъ очарованіе овладѣло этимъ сердцемъ!

Анастасія цѣлый день видѣла, слышала, какъ полки собирались въ походъ. Бывало она веселилась, смотря изъ окна своей свѣтлицы на движеніе ихъ, торжественное, полное жизни: она утѣшалась мыслью, что, съ уходомъ изъ Москвы на войну бо́льшей части молодцовъ, ей свободнѣе будетъ съ подругами гулять и водить хороводы въ садахъ. Нынѣ же видъ этихъ полковъ былъ ей несносенъ. Казалось, они кругомъ осадили ее и преслѣдовали даже въ домѣ родительскомъ. Открывала ли окно́ своей свѣтлицы на Москву-рѣку — по великой улицѣ тянулось воинство густою массою. Отворяла ли другое окно — видѣла, какъ у церквей *городскихъ* духовенство благословляло *стяги*, какъ отцы, атери и *родичи* безпрестанно входили въ домы Божьи для *пострига* дѣтей и для служенія молебствій о благополучномъ походѣ; какъ Іоаннъ младой дѣлалъ смотръ

полкамъ. Открывала ли, при случаѣ, окно на дворъ постояльца? тутъ ничего не видѣла,—слезы туманили очи ея. И сидя въ углу своего дѣвичьяго заточенія, она не могла забыться: кругомъ отзывался топотъ конницы по деревяннымъ мостовымъ и вторгался въ ея свѣтлицу. Со всѣхъ сторонъ осажденное вѣстью о разлукѣ, сердце ея надрывалось тоскою невыносимою.

Въ наше время хорошее воспитаніе, гдѣ оно есть, уроки матери и наставницы, избранное чтеніе, изученіе съ малолѣтства Закона Божія съ нравственнымъ примѣненіемъ къ жизни, связи общественныя, — все это остерегаетъ заранѣе сердце дѣвушки отъ подводныхъ камней, мимо которыхъ оно должно плыть, пріучаетъ умъ ея быть всегда на стражѣ противъ обольщеній и различать ложь отъ истины, пагубное отъ полезнаго.

Чтожъ ограждало сердца нашихъ прабабушекъ отъ обольщенія, кромѣ стѣнъ и заборовъ? Какое благоразумное воспитаніе, какіе уроки и примѣры? Какія свѣтскія отношенія, повторяя опасность любви, знакомили съ этою опасностью, приготовляли сердце дѣвушки къ должной оборонѣ? Мать, частое обращеніе къ Богу и святымъ Его, это правда, замѣняли многое. Но руководство матери, большею частью, ограничивалось строгимъ наказомъ беречься недобраго глаза, ограждать себя крестомъ и молитвою отъ навожденія діавольскаго. И что добраго успѣвала создать родная въ сердцѣ дочери, то нерѣдко разрушали неблагоразумныя бесѣды мамки и сѣнныхъ дѣвушекъ, сказки о похожденіяхъ красавцевъ-царевичей, пѣсни, исполненныя сладости и тоски любви. Заборы были высоки, свѣтлицы и терема дѣвицъ крѣпко-накрѣпко защищены; но разъ слу-

чай помогъ влеченію сердца, или, просто, неопытности; разъ эта преграда разрушена, и грѣхъ, если не страсть, торжествовалъ надъ всѣмъ: надъ связями семейными, надъ стыдомъ дѣвическимъ, надъ святынею. Сколько примѣровъ, что дочери боярскія, обольщенныя налетными молодцами, убѣгали съ ними въ дремучіе лѣса и тамъ дѣлили съ ними грубую, злодѣйскую жизнь! Пѣсни, эти вѣрнѣйшія легенды нравовъ, лучше всего это подтвердятъ.

Какъ бы то ни было, по щучьему ли велѣнію, по навожденію ли нечистаго, по закону ли природы, Анастасія вся предалась своей любви, не думая ужъ защищаться отъ того, что почитала очарованіемъ. Такъ же, какъ и подруги ея, жила она въ дѣвическомъ заточеніи, воспитана была въ тѣхъ же предразсудкахъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же сказокъ и пѣсенъ, какія смущали ея подругъ. Но, замѣтьте, она не имѣла надъ собою ни ока матери, ни ежедневнаго благословенія ея, зато каждый день находила случай видѣть молодого, очаровательнаго иноземца, съ которымъ дѣлила ихъ только деревянная преграда. А такія ли преграды уничтожаетъ сердце!

Итакъ, Анастасія, преданная любви своей, разрывалась, что будетъ долго въ разлукѣ съ очарователемъ. Какъ ни заглядывала въ свое сердце, какъ не старалась вытѣснить изъ него латынщика, паписта, чернокнижника—не могла. А хоть убейте ее, она не знала, что такое латынщикъ, папистъ. Что-нибудь да страшное! Вѣроятно, слуга нечистаго, изъ роду проклятыхъ [illegible] святомъ соборѣ. Однакожъ крестникъ ея, Андрюша, [illegible] разъ увѣрялъ ее, клялся всѣми святыми, что Анонъ *хрестьянинъ*, вѣруетъ въ Бога, Пречистую и

угодниковъ Божіихъ. Какъ бы испытать его и вмѣстѣ какъ бы спасти отъ адскихъ мукъ? Думать и думать объ этомъ, и сердце внушило ей подвигъ великій, тяжкій для дѣвицы, воспитанной въ строгомъ православіи. Что дороже тѣльника (креста, носимаго на тѣлѣ, на груди) могло быть для нея? Эта святыня, благословеніе матери, не покидала ее съ самаго крещенія, охраняла ее отъ нездоровья и всякихъ бѣдъ, отъ стрѣлы громовой, летящей днемъ, отъ навѣта звѣзды, разсыпающейся во тьмѣ ночной, соединила ее съ небомъ, со всѣмъ, чѣмъ пламенная вѣра населяла небеса, съ ангеломъ-хранителемъ ея. Этотъ святой талисманъ, залогъ чистоты ея мыслей и чувствъ, обручалъ ее съ распятымъ Господомъ: онъ долженъ былъ идти въ завѣтное наслѣдіе къ ея потомству, какъ шелъ къ ней отъ бабушки и прабабушки ея, или сопровождать ее въ гробъ, непорочную, богобоязненную. Она должна была представить его на страшномъ судѣ безъ пятенъ, безъ ржавчины смертныхъ грѣховъ. И съ этою святынею, съ этимъ завѣтомъ родной и неба рѣшается она разстаться: его-то рѣшается отдать басурману для спасенія его души. А свою погубить?.. Нѣтъ, она сдѣлаетъ святое дѣло, обративъ латынщика въ вѣру крещеную, православную. Сколько мукъ, сколько борьбы и моленій стоитъ ей этотъ подвигъ!.. и все-таки она рѣшилась совершить его.

Для исполненія ея намѣренія нуженъ былъ Андрюша, крестникъ ея и повѣренный сердечныхъ тайнъ. Она стала ожидать его съ нетерпѣніемъ: время было дорого.

Отецъ и братъ уѣхали на Кучково поле смотрѣть какъ Аристотель будетъ *шибать* изъ огромной пушки

только-что вылитой имъ на славу. Большая часть дворчанъ туда же отправилась. Андрюша пришелъ навѣстить друга своего Антона, но не засталъ его дома. Андрюша собирается также въ походъ. Надняхъ готовится онъ къ *постригу* (на который согласился великій князь, несмотря, что ему не было еще узаконенныхъ 16 лѣтъ); можетъ быть, до похода не удастся ему увидѣть свою крестную мать, которую онъ всегда такъ любилъ. Ему жаль крестной матери, пригожей, ласковой, цѣлующей его такъ сладко, какъ, бывало, цѣловала его мать, и онъ пришелъ проститься съ нею. Сердце сердцу вѣсть даетъ.

Какъ приступить Анастасія къ тому, что хотѣла передать своему крестнику? И собиралась сказать, и боялась. Она была блѣдна, какъ мертвецъ, и вся дрожала, будто собиралась признаться въ ужасномъ преступленіи. Андрюша замѣтилъ ея состояніе, и спросилъ:

— Не больна ли ты?

— Неможется,—сказала Анастасія, и потомъ, немного погодя, сдѣлавъ надъ собою необыкновенное усиліе, взяла Андрюшу за руку, крѣпко пожала ее и спросила его: — Любишь ли ты свою крестную мать?

— Отца развѣ люблю больше тебя и Антона,—отвѣчалъ малютка, цѣлуя ея руку.

По врожденной дѣвушкѣ стыдливости и потому, что это противно было русскимъ обычаямъ, она никогда не позволяла ему цѣловать свою руку; теперь только слегка отдернула ее, встала, посмотрѣла, нѣтъ ли кого у дверей въ сѣняхъ, и когда увѣрилась, что никто не можетъ слышать ея бесѣды съ Андрюшей, нашла силу подтвердить ей, любитъ ли онъ лекаря.

— Опять скажу, не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для него и для тебя, — отвѣчалъ Андрюша голосомъ живого соучастія.

— Если такъ, я хотѣла тебя попросить вотъ о чемъ. Говорилъ ты мнѣ, что Антонъ крещеный?

— Говорилъ.

— Что онъ вѣритъ по-нашему въ Господа Бога и Матерь Божію и въ святыхъ угодниковъ?

— Готовъ и теперь поклясться, что это правда.

— Почему жъ, сказываютъ, не носитъ онъ *тѣльника?*

— Мой другъ говоритъ: у него крестъ въ сердцѣ

— Не пойму, что-то мудрено для меня. Вотъ видишь, если все это правда, если онъ не связался съ нечистою силой, надѣнетъ ли онъ мой *тѣльникъ?*

Глаза мальчика необыкновенно заблистали.

— Не люби меня, не пускай къ себѣ на глаза,— сказалъ онъ, — если другъ мой не надѣнетъ твоего креста и не будетъ носить его.

— Пожалуй... дамъ ему свой тѣльникъ... только смотри, Андрюша, голубчикъ мой..

Она не договорила; но онъ понялъ душою, что въ ея словахъ былъ запросъ о жизни и смерти.

Дрожащими руками, вся пылая, Анастасія скинула съ себя тѣльникъ. Это былъ большой серебряный крестъ съ грубымъ изображеніемъ на немъ, чернью, распятаго Спасителя; къ нему привязана была и ладанка. Смотря боязливо на дверь, она надѣла его Андрюшѣ на шею и спрятала глубоко на груди его. Все это старалась сдѣлать такъ поспѣшно, какъ бы боялась одуматься; но пальцы ея путались въ шелковомъ гайтанѣ: гайтанъ съ трудомъ отставалъ отъ нихъ.

— Скажи ему, чтобъ онъ крестился по-нашему, вставая отъ сна и на сонъ грядущій, — примолвила Анастасія.—Но... смотри, Андрюша, не выдай меня, не погуби.. отцу не открой... побожись.

Она говорила только: «отцу», увѣренная, что крестникъ и безъ просьбы никому другому не скажетъ.

И Андрюша, дрожа, будто участникъ въ преступленіи, скрѣпилъ тайну, ему ввѣренную, самою ужасною клятвою, какую только зналъ.

— Можетъ быть,—прибавилъ онъ, смутно понимая душевную тревогу своей крестной матери и желая ее и себя утѣшить,—можетъ быть, Настя, мы введемъ его этимъ тѣльникомъ въ нашу вѣру. Господь знаетъ, даръ твой не будетъ ли у него на груди, когда будешь стоять съ нимъ въ церкви подъ вѣнцомъ.

— Нѣтъ, Андрюша, не говори мнѣ про вѣнецъ... не для того это дѣлаю... мнѣ жаль только, что онъ басурманъ... хотѣла бы спасти его на томъ свѣтѣ отъ смолы горячей...

— Ахъ, Настя, если не ему идти въ рай, такъ кто же будетъ въ немъ?

Послышался кашель мамки. Заключившіе тайный союзъ спѣшили оправиться отъ смущенія и потомъ проститься. Андрюша обѣщалъ еще увидѣться съ крестною матерью до похода.

Когда онъ ушелъ, Анастасіи стало на груди холодно, очень холодно, какъ будто кусокъ льду на ней лежалъ. Она погрузилась въ страшныя думы. Въ первый еще разъ пришла ей на мысль трудность скрыть отъ мамки, что на ней нѣтъ тѣльника. Куда его дѣла? Гдѣ могла потерять? Забывшись, она шептала про-себя невнятныя слова, потомъ шарила на себѣ

крестъ и, не находя его, готова была хоть броситься въ воду. Она промѣняла благословеніе матери на грѣхъ смертный; она продала себя сатанѣ. Бѣдная! видно, доведена до этого чародѣйною силой!..

— Что съ тобою, родная моя? — спрашивала ее мамка,—ты вся горишь, ты сидя вздрагиваешь и говоришь сама съ собою непонятныя рѣчи.

— Худо можется, матушка, сама не знаю съ чего.

— Не сглазилъ ли кто тебя? Не нанесло ли вѣтромъ? Выпей-ка, душка, богоявленской водицы — немочь будто рукою сниметъ.

Анастасія послушалась своей мамки, съ крестомъ и молитвою выпила воды и стало ей какъ будто легче. На долго ли?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИЦАРЬ ПОПЛЕВЪ

Здѣсь мѣсто разсказать, какое новое лицо пришло участвовать въ драмѣ нашего героя и, можетъ быть, разыграть въ ней одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій. Это былъ имперскій рыцарь Николай Поппель, племянникъ и пріемышъ барона Эренштейна. Пригожъ, статенъ, ловокъ, самонадѣянъ и гордъ, онъ имѣлъ всѣ наружныя достоинства и всѣ блестящіе пороки, чтобы понравиться придворному одинакихъ съ нимъ свойствъ. Эренштейнъ, усыновляя его, угождалъ тѣмъ себѣ и императору, который оказывалъ особенную благосклонность Поппелю за путешествіе въ Московію, землю чудесъ, какъ этотъ разсказывалъ. Императоръ благодарилъ барона за достойный выборъ. Послѣ того смѣлъ ли баронъ, весь во власти честолюбія, думавшій только о возвышеніи своемъ, допустить до себя и мысль, чтобъ признаніемъ сына-лекаря, отчужденнаго отъ него съ малолѣтства, омрачить на вѣки фамильный щитъ свой, который онъ самъ сочеталъ съ щитомъ одной увѣнчанной особы; смѣлъ ли открытіемъ обмана раздражить своего повелителя? Сердце его очерствѣло въ

битвахъ за придворные вѣнки, и голосъ природы не былъ ему слышенъ въ хорѣ страстей, напѣвавшихъ ему свои пѣсни на одинъ и тотъ же мотивъ. Казалось, все согласилось, чтобы въ немъ питать эту мелкую страсть и подавить малѣйшую искру совѣсти, все, и дворъ, при которомъ онъ влекъ, съ своими собратами, колесницу фортуны чрезъ развалины феодализма, и самый возничій этой колесницы. Дворъ погрязалъ въ суетности, императоръ малодушіемъ своимъ дивилъ чужія земли и умѣлъ заставить своихъ подданныхъ презирать себя. Этотъ императоръ былъ Фридрихъ III, сильный средствами имперіи, но ничтожный своею особой. Помните, какъ онъ испугалъ было первосвященника римскаго, внезапно нагрянувъ къ нему наканунѣ праздника Рождества Христова; какъ вся эта продѣлка, заставившая Римъ вооружиться, кончилась тѣмъ, что Фридрихъ цѣловалъ руки и ноги у папы, держалъ у него стремя, читалъ всенародно Евангеліе въ одеждѣ церковнаго причетника и наконецъ уѣхалъ, осмѣянный тѣми самыми, которые такъ испугались было его? Величіе души и слабости государя сообщаются его двору и даже расходятся по массѣ народной: это давнымъ-давно сказано и не разъ повторено. Мудрено ли, что къ характеру барона, слабому, шаткому, безпрестанно погруженному въ омутѣ эгоизма и тщеславія, прилипла новая тина отъ порочной власти? Если онъ и думалъ иногда о сынѣ, такъ это для того только, чтобы не допустить вѣсти объ его плебейскомъ существованіи до ушей императора и придворныхъ. Къ чести нашего времени, такіе характеры кажутся намъ уродливыми; но въ XV вѣкѣ и гораздо послѣ еще они были не рѣдки.

Слыша о любви Антона къ наукѣ, слыша о привязанности къ нему врача Фіоравенти, баронъ радовался тому и другому: то и другое должно было разрушить навсегда унизительную связь съ отчужденнымъ. Самоотверженная любовь баронессы къ сыну не пугала ея супруга: съ этой стороны онъ былъ обезпеченъ клятвою Амаліи, что она не посмѣетъ открыть происхожденіе Антона и искать правамъ его законнаго утвержденія. На этомъ условіи позволено ей было видѣться съ сыномъ въ бѣдномъ богемскомъ замкѣ. Послѣ свиданія съ нимъ, она попытала еще тронуть жестокосердаго отца. Но, не успѣвъ въ этомъ и раздразнивъ мужа только своею настойчивостью до того, что онъ началъ еще грубѣе поступать съ нею, она удалилась въ свой богемскій замокъ. Тамъ заключила себя, какъ въ монастырѣ, проводя дни въ молитвахъ о благополучіи любимца своего. Выборъ Поппеля въ наслѣдники ихъ имени и состоянія жестоко огорчилъ было ее; но вѣсти изъ Московіи черезъ соотечественниковъ жида Захарія, вѣрнаго въ выполненіи своей благодарности, вѣсти о милостяхъ тамошняго царя къ Антону, о почестяхъ и богатствѣ, которыя его ожидаютъ, утѣшили бѣдную мать. Съ этого времени всѣ мысли ея и чувства обратились на востокъ. Московія сдѣлалась для нея дороже ея отечества: страну эту, которую доселѣ почитала варварскою, начала, она представлять себѣ какимъ-то эдемомъ, — одно имя ея приводило ее въ сладкій трепетъ; всѣ слухи о ней собирала она съ жадностью, отыскивая въ нихъ хоть малѣйшій слѣдъ милаго сына. Тамъ хорошо ему безъ баронства, тамъ нечего ему опасаться. Почему жъ Антону и не остаться въ Московіи? По первому при-

зыву его и она рѣшится ѣхать въ эту землю, которую уже передвинула сердцемъ ближе къ себѣ; тамъ и смерть будетъ сладка въ глазахъ того, кѣмъ теперь жизнь только и дорога.

Мы видѣли, что спокойствіе барона на счетъ отчужденнаго сына было нарушено извѣстіемъ Фіоравенти о посвященіи его въ лекари; видѣли, какъ баронъ вышелъ изъ оборонительнаго положенія и сталъ дѣйствовать наступательно орудіями ужасными, заставившими укрыть Антона подъ защиту русскаго великаго князя. Между тѣмъ слухи о милостяхъ московскаго государя къ лекарю Эренштейну еще болѣе встревожили гордаго отца и заставили его стать на новой, усиленной стражѣ. Онъ началъ опасаться, чтобы Антонъ, посредствомъ сношеній Іоанна съ императоромъ, которыя становились чаще, не вздумалъ, по наущенію Фіоравенти, искать потерянныхъ правъ своихъ и не обнаружилъ всего, что въ тайнѣ его рожденія и воспитанія было такъ горько и унизительно для сердца баронскаго. И потому, узнавъ, что императоръ намѣренъ отправить въ Московію новаго посла для скрѣпленія дружескихъ сношеній съ ея государемъ, онъ старался, чтобы порученіе это сдѣлали племяннику и пріемышу его Поппелю. На это Фридриха III тѣмъ легче было склонить, что Поппель былъ,—какъ мы уже, кажется, сказали,—за нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Московіи, и, слѣдственно, зналъ хорошо тамошняго властителя и дворъ его. Тогда племянникъ барона посѣщалъ эту страну болѣе какъ счастливый искатель приключеній. Къ случаю только поручено ему было отъ короля римскаго, Максиміліана, узнать, что за страна находится на востокѣ, о которой слухи стали доходить и до цесарскаго дома, и

которой дѣла начинали по-немногу вязаться съ дѣлами Европы. Такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву безъ свиты, русскіе не вѣрили, чтобы онъ былъ посломъ отъ нѣмецкаго государя. Однакожъ онъ могъ похвалиться милостями великаго князя, которому пріятно было у новосозданнаго двора своего видѣть иностранцевъ, пріѣзжавшихъ удивляться его могуществу, и разносить потомъ вѣсти объ этомъ могуществѣ въ своихъ земляхъ. На этотъ разъ *лицарь Поплевъ*, какъ называли его на Руси, пріѣхалъ въ Москву настоящимъ посломъ отъ императора, съ дарами и уполномочіемъ.

Не посвященный въ семейныя тайны дяди, онъ, между тѣмъ, и отъ него былъ уполномоченъ узнать, что за самозванецъ Эренштейнъ находится лекаремъ при дворѣ Іоанна, и стараться всячески, не вредя ему, увѣрить московитскаго государя, что лекарь Антонъ низкаго происхожденія и присвоилъ себѣ самовластно дворянское прозваніе, столь знаменитое въ Германіи. Если же Антонъ безумышленно вздумалъ принять имя Эренштейна и смиренно носить его, не хвастаясь родствомъ и не предъявляя никакихъ правъ на баронство, то поручено было Поппелю оставить его въ покоѣ. Кому же вѣрнѣе было сдѣлать такое порученіе, какъ не избранному въ наслѣдники имени и состоянія гордаго барона? Конечно, рыцарь Поппель, вооруженный такимъ полномочіемъ и такими богатыми надеждами, долженъ былъ храбро защищать свои права. Надо ...ло только опасаться, чтобы онъ, по легкости характера своего, не переступалъ даннаго полномочія. ...ъ пріѣхалъ въ Москву за два дня до смотра огром...й пушки.

Въ день его пріѣзда посѣтилъ Антона дьякъ Кури-

цынъ. Всякое посѣщеніе этого умнаго, любознательнаго дьяка означалось или милостью и ласковымъ словомъ великаго князя, или предостереженіемъ отъ чего-либо недобраго. Все это говорилъ и дѣлалъ онъ будто во имя какого-то таинственнаго лица, которое *приказало* ему быть хранителемъ Антона и попечителемъ о его благосостояніи. Приказалъ? Кто же могъ это быть, какъ не великій князь! Однакожъ это былъ не онъ. Если же Курицынъ и не несъ какого-нибудь душевнаго и вещественнаго гостинца, такъ самая бесѣда его, исполненная жажды познаній, была всегда пріятнымъ подаркомъ для Эренштейна. Такимъ образомъ пустыня Антонова населялась болѣе и болѣе любовью, радушіемъ и дружбою, которыя, думалъ онъ въ первые дни своего пріѣзда, не посѣтятъ его никогда на Руси. Одно, что его сильно огорчило, такъ это суровое отчужденіе отъ него самого Образца.

Дьякъ, увѣдомивъ его о пріѣздѣ Поппеля, прибавилъ, что онъ долженъ, по приказанію таинственнаго господина своего, котораго называлъ иногда и наставникомъ, стать съ этого времени у Антона на усиленной стражѣ. Вмѣстѣ съ этою оговоркой подалъ ему письмо. Оно было писано знакомою рукою моравскаго *брата*. Боже! письмо отъ матери. Посланіе нѣсколько разъ расцѣловано прежде, нежели дрожащія руки Антона переломили печать. Имъ извѣщали милаго сына, сколько радуются благополучію его, намекая также, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя составляютъ фамильную тайну, мать желала бы чтобъ Антонъ оставался подолѣе въ Московіи, куда она пріѣхала бы, еслибъ онъ нашелъ себѣ осѣдлость въ этой сторонѣ. Баронесса наказывала ему быть

осторожнымъ съ посломъ императора, рыцаремъ Поппелемъ.

«Этотъ человѣкъ для тебя опасенъ, — прибавляла нѣжная мать, — его усыновилъ баронъ Эренштейнъ, дальній нашъ родственникъ, который въ милости у императора, гордъ, тщеславенъ до безмѣрности, и почтетъ себя и весь родъ свой оскорбленнымъ, услышавъ, что однофамилецъ его лекаремъ».

Какою нѣжною любовью благоухало письмо! Антонъ читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ всѣ выраженія, которыя только женщина, мать или другое любящее существо умѣетъ расточать съ такимъ простымъ, сильнымъ краснорѣчіемъ. Эти выраженія не отыскиваются въ умѣ и воображеніи: они просто выпадаютъ на перо изъ сердца. Такъ дорогія жемчужины легко выкатываются изъ своей колыбели при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, между тѣмъ какъ самыя бѣдныя, незрѣлыя добывать надо, раскрывая съ трудомъ крѣпко сомкнутыя уста раковины. Любящій мужчина скажетъ *почти* то же, но все не *то*, можетъ быть умнѣе, но никогда такъ вкрадчиво-сладко. Мать убѣждала Антона остаться на Руси; она сама хотѣла пріѣхать къ нему. Почему-жъ не такъ? думалъ молодой человѣкъ, разгаравшійся отъ этой мечты, которой подлаживало сердце. Воля ея не есть ли воля судьбы? Властитель Руси *держитъ его въ великой чести;* Іоаннъ младой—наслѣдникъ престола, добрый, великодушный, надежда Руси, особенно расположенъ къ нему; русіе, по крайней мѣрѣ многіе, перестаютъ питать къ му отвращеніе и современемъ его полюбятъ; вотъ и жъ ними пріобрѣлъ онъ себѣ друзей. Воспитателя жетъ онъ навѣстить когда-нибудь. Было еще одно

существо, которое день-отъ-дня становилось для него дороже, которое въ его мечтахъ ластилось около него, прижималось къ груди, и такъ убѣдительно, такъ нѣжно упрашивало остаться съ нимъ. Вы угадаете, что это была Анастасія. Для нея промѣняетъ онъ родину, чудное небо Италіи, ея землю, эту роскошную, цвѣточную колыбель, въ которой вѣтерокъ, упитанный ароматами и нѣгою, качаетъ баловня природы подъ ладъ тассовыхъ октавъ; для нея промѣняетъ колизей, мадоннъ, академіи, все это на зеленое небо сѣвера, на глубокіе снѣга, угрюмыя сосны и брусяныя избы съ невѣжествомъ, въ нихъ обитающимъ. Чтожъ? родину принесетъ ему мать; чудное небо Италіи найдетъ онъ въ глазахъ Анастасіи; пламя полудня на устахъ ея; всѣ радости, все возможное счастіе въ ея любви. Но онъ не единовѣрецъ ей; поэтому и дано ему унизительное имя басурмана, которое равняетъ его, въ глазахъ русскихъ, съ татариномъ. Только принявъ русскую вѣру, можетъ онъ уничтожить всѣ преграды, все разстояніе, которое отдѣляетъ его такъ рѣзко отъ семейства Образца; только съ этимъ условіемъ рука Анастасьина можетъ ему принадлежать. Но тогда будетъ онъ отступникомъ для своихъ видовъ. Никогда на это не рѣшится.

«Нѣтъ, не мнѣ владѣть этимъ сокровищемъ», — говорилъ онъ самъ съ собою.

И, между тѣмъ, сладкія думы, роясь въ головѣ и сердцѣ пламеннаго мечтателя, сулили ему какія-то непонятныя надежды. Самыя препятствія, самая странность любви нѣмца къ русской дѣвушкѣ разжигали еще болѣе любовь его.

«Будь остороженъ съ Поппелемъ, умоляю тебя,

милый другъ»: эти слова матери наводили мрачную тѣнь на письмо ея и сердце его. Странно! и Курицынъ предупреждалъ его о томъ же.—«Виноватъ ли»,—говорилъ Антонъ дьяку въ искренней бесѣдѣ съ нимъ,—«что я родился Эренштейномъ и что судьбѣ угодно было произвести на свѣтъ какого-то одноименнаго мнѣ, чванливаго барона! Богъ съ нимъ, не набиваюсь къ нему въ родство и даже готовъ забыть о немъ, какъ будто и не слыхалъ никогда. Баронъ бездѣтенъ и усыновилъ Поппеля: не боятся ли эти господа, чтобы я когда-нибудь предъявилъ свои права на наслѣдство? О! пусть будутъ они спокойны на этотъ счетъ. Я довольно гордъ, чтобы отринуть всѣ возможныя почести и богатства, хотя бы присуждалъ мнѣ ихъ законъ, не только что униженно, происками вымаливать эти почести и богатства. Имя мое есть моя законная собственность; не перемѣню его для угожденія какому-нибудь чопорному барону. Оно почетно для меня не потому, что имперскій баронъ носитъ его, а потому, что я его ношу. Званіе мое не положило на него пятна, и я буду умѣть заставить уважать его, если-бъ кто и осмѣлился унизить. Не оскорблю самъ прежде никого,—мать моя и люди, желающіе мнѣ добра, могутъ въ этомъ увѣриться,—но не попущу оскорбленія себѣ. И природа и воспитаніе научили меня платить кровью за обиду чести: не даромъ эту обиду называютъ кровною! Буду остороженъ съ Поппелемъ: этого учитъ мать. Какъ можно подалѣе отъ него! Но если чванливый господчикъ самъ наскочитъ на меня, пускай не пеняетъ».

Лицаря Поплева приняли на этотъ разъ въ Москвѣ особенными почестями, какъ посла императорскаго.

Приставы встрѣтили его за 10 верстъ отъ города. Поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ былъ наряженъ поѣздъ, составленный изъ великаго дворецкаго, дьяка Курицына и нѣсколькихъ бояръ. При этой церемоніи находился неизбѣжный Бартоломей, который обязанъ былъ переводить имъ слово-въ-слово рѣчи посла. Блескъ золотыхъ одеждъ былъ ослѣпителенъ; казалось, солнце радовалось въ нихъ. Депутація прибыла къ послу на подворье. Пріемъ и рѣчи бояръ выражали глубокое уваженіе, но смиренная простота ихъ и церемоніальный этикетъ раздували только тщеславіе рыцаря и ослѣпляли его. Простачковъ этихъ онъ готовился провесть. Всѣхъ лукавѣе казался ему и почиталъ себя Бартоломей. Между тѣмъ мужички— какъ называлъ ихъ заочно посолъ — умѣли тотчасъ проникнуть его насквозь и запастися вѣрною описью его умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ.

Посолъ, въ чаду своего величія, чванился, ломался, говорилъ необдуманно и неприлично. Онъ часто поправлялъ свои усики, игралъ золотою бахромою своей епанчи, гладилъ съ чадолюбіемъ бархатъ одежды и брянчалъ острогами, точь-въ-точь какъ мальчикъ передъ бывшими своими товарищами, школьниками, надѣвшій въ первый разъ офицерскій мундиръ.

— Вотъ, когда я пріѣзжалъ къ вамъ, — говорилъ онъ кобенясь,—вы, господа бароны, не повѣрили, что я посолъ великаго императора. У него, сказывали вы, слугъ мало; онъ не бросаетъ корабельниками, не даритъ насъ бархатами. Теперь видите? — Онъ указалъ на множество дворянъ-слугъ, стоявшихъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи и богато одѣтыхъ.

— Видимъ, господине лицарь Поплевъ, — отвѣчалъ

дворецкій. — Пожалуй, не вмѣни намъ въ вину прежняго нашего невѣрія: люди простые, глупые, живемъ въ глуши, не знаемъ заморскихъ обычаевъ.

— Благородныхъ, высокоблагородныхъ корабельниковъ нужно ли? Я могу устлать ими вашу *Великую* улицу. Венеціанскимъ бархатомъ окутаю всѣ чины ваши.

Депутація униженно поклонилась золотому тельцу.

— Грамата ль, по вашему *листъ*, нужна вамъ отъ моего великаго императора, обладателя полувселенной, и вотъ (онъ указалъ на серебряный ковчежецъ, стоявшій на столѣ) я привезъ грамату свѣтлѣйшему вашему князю. Вы плохо честили меня, но вашъ государь далеко видитъ очами разума: онъ тотчасъ понялъ рыцаря Поппеля. Зато мой повелитель предлагаетъ великому князю, своему дражайшему другу, пожаловать его въ короли.

— Нашъ осподарь, великій князь всея Руси, Иванъ Васильевичъ,—отвѣчалъ дьякъ Курицынъ съ твердостью и выпрямясь,—хочетъ дружбы цесаря, а не милостей: равный равнаго не жалуетъ. Говорю къ слову; а коли твоей милости довѣрено что отъ твоего императора, то высокія слова его не намъ слышать, а нашему осподарю, великому князю всея Руси, — не намъ и отвѣчать.

Поппель немного покраснѣлъ и спѣшилъ скрыть свое смущеніе въ побрякушкахъ остроговъ. Слова ...ка замкнули ему на время уста и заставили его ...думаться. И было надъ чѣмъ: онъ увѣрилъ Фридриха, ...о Іоаннъ, хотя и государь сильный, богатый, почтетъ ...акожъ за милость, если императоръ нѣмецкій по...луетъ его въ короли. Но дѣло было сдѣлано: онъ

везъ предложеніе о томъ великому князю, и все еще надѣялся обольстить честолюбивое сердце его званіемъ короля. Когда прошло смущеніе Поппеля, онъ изъявилъ желаніе своего государя получить въ даръ отъ Ивана Васильевича живыхъ лосей и вмѣстѣ одного изъ *вогулятъ* [1]), которые ѣдятъ сырое мясо, и прибавлялъ, что императоръ *злобилъ* на него, почему онъ въ первую поѣздку свою не привезъ такихъ звѣрей и людей. Потомъ, приподнявъ чванливо голову, спросилъ дворецкаго:

— Давно ли находится въ Московіи лекарь Антонъ?

— Съ Герасима-грачевника, — отвѣчалъ дворецкій.

— И всемочнѣйшій, начальнѣйшій Іоаннъ допускаетъ побродягу до своего лица!

— Осударь нашъ, великій князь всея Руси держитъ лекаря Онтона въ великой чести и часто жалуетъ его видѣть свои царскія очи, а отъ нихъ и смердъ просвѣщается.

— Жаль, очень жаль. Это просто жидокъ, обманщикъ; я знавалъ его въ Нюрембергѣ. Онъ сначала лечилъ тамъ лошадей, потомъ вздумалъ спознаться съ нечистымъ и пустился въ чернокнижіе.

Переводчикъ усмѣхнулся и, обратясь къ боярамъ, сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы хотѣлъ сказать: «вотъ, видите, я вамъ говорилъ».

— Потомъ, — продолжалъ Поппель, — началъ лечить людей, и разомъ переморилъ десятка съ два. Его хотѣли повѣсить, да онъ какъ-то успѣлъ скрыться — убѣжать въ вашу землю.

---

[1]) Вогуличи, жители Угорской земли, незадолго до того покоренной Іоанну, нынѣ обитатели Березовскаго уѣзда, Тобольской губерніи.

Бояре съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга. Одинъ дьякъ Курицынъ не показалъ на лицѣ малѣйшаго знака удивленія или страха: только губы его означали глубокое презрѣніе. Не стоило тратить словъ противъ рыцаря; мужъ не вступаетъ въ споръ съ мальчикомъ. Бартоломей ковыльнулъ ножкой и, сдѣлавъ изъ своей фигуры вопросительный знакъ, промолвилъ:

— Жидокъ?.. Должно быть несомнѣнно такъ, высокопочтеннѣйшій посолъ! Я тотчасъ увидѣлъ, лишь взглянулъ на него, и сказывалъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. Поганый жидокъ! Да, да, несомнѣнно! И говоритъ въ носъ на израильскій ладъ, и такой же трусъ, какъ обыкновенно бываютъ изъ еврейской породы. Иногда чванливъ, только-что не плюетъ на небо, въ другой стоитъ на него лишь прикрикнуть хорошенько, тотчасъ задрожитъ, какъ листъ тополевый.

— Радуюсь, что здѣсь вы по крайней мѣрѣ проникли его, почтенный переводчикъ.

— Теперь и многіе разумѣютъ его ничтожнымъ лекаришкой; по мнѣ и вся Москва затрубила про него. Безъ хвастовства сказать, высокомощнѣйшій посолъ, мнѣ стоитъ только намекнуть, ужъ во всѣхъ концахъ города кричатъ: быть по сему; дворской переводчикъ это сказалъ. О, Русь меня знаетъ, и я знаю Русь!

— Прошу васъ и мнѣ быть полезнымъ въ передачѣ моихъ словъ.

— Не преминую, не преминую. Разнесу новыя эти о немъ на крыльяхъ усердія (тутъ онъ ковыльнулъ хромою ногой) и любви къ высокой истинѣ (нѣтъ запятая). Какъ благодарили бы здѣсь васъ, благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ рыцарей, если бъ

вы успѣли склонить нашего государя, чтобы вышвырнуть жидка за рубежъ Московіи!

— Это легко сдѣлать. Я открою глаза Іоанну: я предложу ему другого лекаря. Есть у меня одинъ на примѣтѣ, не этому обманщику чета. Именно майстеръ Леонъ, придворный врачъ императора, — такой веселчакъ, балагуръ,—и чудно знаетъ свое дѣло. Вообрази, разъ императоръ хотѣлъ испытать, до чего простирается его искусство; велѣлъ потравить его собаками. Собаки истерзали его, но сами издохли, а онъ? — думаешь умеръ, по-крайней мѣрѣ слегъ? Нѣтъ, замѣнилъ всѣ раненыя мѣста живьемъ и на другой день, смѣясь, явился ко двору, будто ни въ чемъ не бывалъ.

— Чудо!—воскликнулъ переводчикъ, и спѣшилъ передать депутаціи подвигъ врачебнаго искусства.

Бояре перекрестились отъ изумленія и ужаса; одинъ Курицынъ, въ знакъ сомнѣнія, покачалъ головой.

— А какъ зовутъ здѣшняго... ну... жидка-то?..

— Онтонъ-лекарь,—отвѣчалъ дворецкій.

— Есть, надѣюсь, у него какое прозвище?

— Кажись, Герштанъ, господине.

— То есть Эренштейнъ,—присовокупилъ переводчикъ.

— Эренштейнъ? Да знаетъ ли онъ, въ чью епанчу нарядился!.. Во всей имперіи, я думаю, во всемъ мірѣ есть одинъ только баронъ Эренштейнъ; онъ находится при моемъ императорѣ Фридрихѣ III, владѣетъ великими землями и богаче многихъ удѣльныхъ князей русскихъ. Дѣтей онъ не имѣетъ, и я, рыцарь Поппель, какъ вы меня видите, удостоенъ имъ и императоромъ въ наслѣдники знаменитаго имени и состоянія барона Эренштейна.

— Всемогущій вѣдаетъ, кого почтить столь высокими милостями,—сказалъ переводчикъ.

— Мы проучимъ этого самозванца! мы вышколимъ его!—прервалъ Поппель горячась и кобенясь; потомъ обратился къ депутаціи и промолвилъ, почтительно поклонясь:—На первый разъ позвольте откланяться вамъ, именитые мужи, и просить васъ передать высокомощнѣйшему, свѣтлѣйшему государю всей Руси мою благодарность за высокую честь, которую онъ оказалъ мнѣ, прославъ васъ ко мнѣ съ поздравленіемъ. Чувствую во глубинѣ души эту честь, и постараюсь достойно заслужить ее.

Бояре почтительно откланялись, оставивъ у посла, какъ водилось, двухъ приставовъ для почета и не менѣе для присмотра за его дѣйствіями. Поппель махнулъ переводчику, чтобы онъ остался.

— Сходи, любезный, къ лекарю Антону, — сказалъ онъ Бартоломею,—и скажи ему, что я, посолъ римскаго императора, приказалъ ему, подданному императора, тотчасъ явиться ко мнѣ.

— Не лечить ли ужъ кого изъ вашихъ слугъ? Боже сохрани! Разъ вздумалъ одинъ здѣшній баронъ, старичекъ, полечиться у него: какъ пить далъ—отправилъ на тотъ свѣтъ! Да и мальчикъ баронскій, слуга, котораго онъ любилъ, какъ сына, лишь приложился къ губамъ мертваго, чтобы съ нимъ проститься послѣднимъ христіанскимъ цѣлованіемъ, тутъ же испу-
лъ духъ. Такъ сильно было зелье, которое Антонъ
ь покойному!

— О, не безпокойся, я и кошки своей не поручу
. Исполни только мое желаніе.

Весь не свой, будучи одержимъ бѣсомъ знамени-

тости, явился Бартоломей къ лекарю Антону. Тонъ, видъ, осанка, походка, несмотря, на хромоту, все въ немъ означало какую-то важность, невиданную, неслыханную въ немъ доселѣ. Это изступленіе не укрылось отъ Эренштейна. Онъ помѣрилъ его съ ногъ до головы, осмотрѣлъ кругомъ и засмѣялся.

Переводчикъ началъ говорить, задыхаясь отъ усталости, но сохраняя все свое ужасное величіе:

— Посолъ всемощнѣйшаго, всесвѣтлѣйшаго императора нѣмецкаго Фридриха III, благороднѣйшій рыцарь Поппель, по прозванію баронъ Эренштейнъ (здѣсь онъ иронически посмотрѣлъ на Антона), приказалъ тебѣ, лекарю Антону, немедленно явиться къ нему.

— Приказалъ?.. мнѣ?.. немедленно?..—сказалъ Антонъ, продолжая смѣяться отъ всей души. — Ты, видно, ослушался, господинъ великій посолъ великаго посла?

— Передаю тебѣ, что слышалъ своими ушами.

— Правда, есть чѣмъ и слышать!.. Нѣтъ ли у него больныхъ?

— Нѣтъ.

— А если я не пойду, крѣпка ли будетъ голова, на плечахъ моихъ?

— Не ручаюсь. Берегись, Антонъ-лекарь!

— Такъ поди, скажи ты, всесвѣтный переводчикъ, своему свѣтлѣйшему послу и рыцарю и барону, что онъ невѣжа; что если желаетъ меня видѣть, пусть явится ко мнѣ, Антону-лекарю, по прозванію Эренштейну, просто—безъ баронства. Да еще кстати передай дураку, бывшему книгопечатнику Бартоломе, что если онъ осмѣлится заглянуть ко мнѣ хоть

нимъ глазкомъ, такъ я ему обрублю его длинныя уши. Слышишь ли?

Здѣсь онъ могучей рукой заставилъ переводчика сдѣлать искусный пируэтъ, отворилъ дверь и толкнулъ за нее презрѣнное существо, такъ что ножки его залепетали по полу, будто считали ступени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДАРЫ

Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Пушкинъ.

Москва, разметавшаяся по слободамъ, по садамъ и концамъ, заключала въ себѣ между ними то рощи, то поля, то луговины. Самыя обширныя изъ полей были *Воронцово* и *Кучково*. На первомъ стоялъ теремъ великокняжескій съ садами,—любимое лѣтнее жилище московскихъ вѣнценосцевъ: здѣсь тѣшились они соколиною охотой; отсюда выѣзжали на ловлю дикихъ звѣрей въ дремучіе лѣса, облегавшіе Яузу съ востока; отсюда могли любоваться на Кремль свой, и Замоскворѣчье съ Даниловскимъ монастыремъ, и городище за Яузою. Прямо черезъ эту рѣку, шумную, пересѣкаемую многими мельницами, глядѣла очи-въ-очи на теремъ великокняжескій святыня Андроньевской обители. *Васильевъ лугъ* (тамъ, гдѣ нынѣ Воспитательный домъ), большею частью болотистый, отсѣкалъ *Великую* улицу и выше *Варьскую*. *Кучково поле* начиналось отъ *Срѣтенской* церкви, съ именемъ которой пробуждается воспоминаніе объ освобожденіи нашемъ отъ ига

татарскаго. Высокій валъ провожалъ его до кузницы Занеглинья, и тутъ, разставаясь съ нимъ, служилъ оградою этому посаду съ прудомъ его и кидался въ Москву-рѣку. Путается воображеніе въ преслѣдованіи другихъ границъ Кучкова поля, ежегодно стѣсняемаго новыми нитями улицъ, которыя сновалъ умножавшійся людъ московскій. Географія того времени такъ неотчетлива, такъ неясна, что терпѣніе самого Бальби нашло бы въ ней камень преткновенія.

Чего не было на Кучковомъ полѣ? И тучныя пажити, и богатыя нивы, и рощи, и дымящіяся болота. Тамъ, между улицами, паслись стада, блистали подчасъ ряды косцовъ, мелькали жницы въ волнахъ жатвы, кричали перепелъ и коростель, соловей заливался въ пламенныхъ пѣсняхъ и стонъ зарѣзаннаго умиралъ неуслышанный. Въ тотъ день, въ который хотимъ посѣтить Кучково поле,—день весенній, озаряемый играющимъ солнышкомъ—на лугу, раскинувшемся отъ Срѣтенской церкви до болота (гдѣ нынѣ Чистые пруды), народъ пестрѣлъ многочисленными толпами и ожидалъ чего-то съ радостнымъ нетерпѣніемъ. Самъ великій князь съ сыномъ своимъ и дворскими людьми (къ которымъ успѣлъ присоединиться Андрюша) стояли верхами подлѣ рощи, осѣнявшей стѣны монастыря, и, казалось, раздѣляли это нетерпѣніе. Въ виду ихъ, у болота, построенъ былъ деревянный городокъ, въ который хотѣли *шибать* изъ огромной пушки, вылитой Аристотелемъ [1]). Нѣсколько ...льчаковъ, очертя голову, забрались чѣмъ-свѣтъ въ

Самая огромная пушка того времени, царь-пушка, была вы-
Іебосисомъ.

эту крѣпостцу и тамъ притаились, боясь, чтобы недѣльщики не выгнали ихъ оттуда, то-есть, чтобъ не спасли ихъ отъ смертной опасности. Въ рощѣ стоялъ пѣшкомъ и *лицарь Поплевъ*, закрываясь приставами и Бартоломеемъ отъ взоровъ великаго князя, которому еще не представлялся. Онъ спросилъ переводчика не видать ли гдѣ лекаря Антона, успѣвшаго такъ досадить ему своимъ непослушаніемъ. И чтожъ съ нимъ сдѣлалось, когда переводчикъ показалъ ему на статнаго, пригожаго нѣмца, въ бархатной епанечкѣ, обложенной золотомъ, управлявшаго рьянымъ конемъ! Великій князь нерѣдко обращался къ своему лекарю и, повидимому, очень милостиво съ нимъ разговаривалъ. Горько же ошибся Поппель, составивъ себѣ заранѣе въ воображеніи портретъ Антона, котораго намалевалъ маленькимъ, тощимъ, неуклюжимъ, съ рыжею бородкой. По лицу его выступили багровыя пятна, глаза налились завистью и злобою; онъ искусалъ себѣ губы. Ему казалось, что онъ видитъ въ молодомъ нѣмцѣ своего соперника и при повелителѣ Руси, и въ соисканіи его фамильныхъ правъ. Лекарь помрачилъ его пригожествомъ, осанкой, одѣтъ не бѣднѣе посла императорскаго и даже съ большимъ вкусомъ. Только остроговъ у него недостаетъ (и это замѣтилъ Поппель!..), чтобы походить совершенно на знатнаго рыцаря; но и остроги можетъ пожаловать ему великій князь. Съ этого времени Антонъ обреченъ на униженіе. Втоптать его въ грязь, уничтожить,—вотъ обѣтъ, который даетъ себѣ благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ рыцарей!.. Бѣдный Антонъ, и тутъ опять виноватъ ты, зачѣмъ родился такъ благовиденъ.

«Ѣдетъ, ѣдетъ!» — закричалъ народъ, и вслѣдъ з

этими возгласами, со стороны кузницъ, чернѣвшихъ на обоихъ берегахъ Неглинной рѣчки, потянулась пестрая толпа и надъ ней зѣвнула огромная, мѣдная пасть. Это была пушка необыкновенной величины и толщины. Она, казалось, возлегла на плеча народа, который ее тянулъ, и тяжело переваливалась съ боку-на-бокъ. Радостные крики сопровождали и встрѣчали ее. За нею Аристотель слѣдовалъ верхомъ; тѣ изъ народа, которые были поближе къ нему, превозносили его могущество, цѣловали даже его ноги.— «Эку ты матушку сотворилъ!»—говорили они съ восторгомъ, пораженные идеей силы, которую онъ отлилъ.—Попытайте такъ успѣшно тронуть толпу идеей изящнаго!

Когда пушка пришла на назначенное, мѣсто Аристотель приказалъ затинщику-нѣмцу (обыкновенно нѣмцы исправляли должность артиллеристовъ) снять ее съ передковъ; потомъ, прицѣлясь въ *городокъ*, установилъ ее на колодѣ (станкѣ или лафетѣ), и велѣлъ затинщику всыпать въ нее *затинъ* и вкатить ядро едва ли не съ человѣчью голову. Народу сказано отойдти подалѣе. *Пальникъ* горѣлъ ужъ въ рукѣ самого Аристотеля; онъ готовился положить его на завтраку и—остановился. Мрачная дума пробѣжала по лицу, рука дрогнула. Что, если пушку разорветъ?.. Не за себя боится онъ, нѣтъ, а за свое созданіе, за храмъ, который съ нимъ погибнетъ! Онъ поднялъ глаза къ небу, перекрестился, приложилъ пальникъ къ ушкѣ — мѣдная пасть послала отъ себя вспышку ыма, грянулъ ударъ. Окрестность повторила его въ ногочисленныхъ перекатахъ. Казалось, основанія или поколебались. Часть народа пала ницъ, думая,

что по полю катится огромная желѣзная колесница. Еще ударъ сильнѣе, еще, и народъ, попривыкшій къ этому грому, началъ вставать и осѣняться крестомъ отъ напасти молніеносной. Смотритъ — городокъ ужъ весь въ огнѣ. Лишь только Аристотель объявилъ, что *шибать* болѣе не будетъ, громкія восклицанія огласили воздухъ, и художникъ очутился на рукахъ радостноіі толпы. Въ такомъ торжествѣ отнесли его къ великому князю. Иванъ Васильевичъ былъ внѣ себя отъ радости, надѣлъ мастеру на шею золотую цѣпь, поцѣловалъ его въ макушку головы и назвалъ *золотоносцемъ*. Народъ радовался таковому благоволенію къ человѣку, который отливалъ колокола для призыва къ молитвѣ, лилъ пушки на голову *вороговъ* и собирался строить домъ Пречистой.

Вдругъ изъ горѣвшихъ развалинъ городка поднялись веселые возгласы; вѣтерокъ отпахнулъ дымную занавѣсь, и показались, одна за другою, двѣ головы отчаянныхъ молодцовъ, засѣвшихъ въ крѣпостцѣ. Провидѣніе хранило ихъ. Кромѣ незначительнаго поврежденія рукъ и ногъ, съ ними не случилось никаихъ бѣдъ.

— Ай да, ребята, ай да, молодцы! — кричалъ имъ народъ.

Изъ этой-то похвалы жертвовали они своею жизнью! Таковъ искони русскій человѣкъ.

Великій князь, радуясь удачному шибанію изъ пушки и обѣщаясь употребить ее при осадѣ Твери, простился съ Аристотелемъ и поскакалъ въ *городъ*; за нимъ послѣдовалъ весь поѣздъ дворчанъ его, въ томъ числѣ и лекарь Антонъ. Отъ лошадей ихъ поднялось облако пыли и, несясь на рощу, окутало посла императорскаго. Чернь едва замѣтила его и оставила безъ вни

манія: одно зрѣлище по превосходству отвлекло отъ другого. Угрюмый Поппель, нахлобучивъ на глаза беретъ и вонзивъ остроги въ коня, отплатилъ на бѣдномъ животномъ свою досаду. Пріѣхавъ домой, онъ заперся съ своими мрачными думами.

Напротивъ, Антонъ былъ весь радость, весь торжество. Нынѣшній день великій князь особенно благоволилъ къ нему. Были на то двѣ причины: онъ зналъ, что Аристотель, слуга ему столь полезный, столь необходимый, любилъ Антона, какъ сына, и старался въ этомъ случаѣ показать свое доброе расположеніе художнику на близкихъ ему; Іоаннъ слышалъ уже объ оскорбительномъ отзывѣ посла на счетъ его придворнаго лекаря, и хотѣлъ милостивымъ своимъ обращеніемъ къ обиженному отплатить заносчивому рыцарю. Подъѣзжая вмѣстѣ съ Андрюшей къ своему жилищу, Антонъ не думалъ болѣе о невзгодѣ, набѣжавшей на него съ нѣмецкаго подворья. Онъ однакожъ не столько радовался милостямъ великаго князя, какъ голосу сердца, сулившаго ему что-то особенно пріятное. Предчувствіе это подтверждали загадочныя слова Андрюши, который обѣщалъ, какъ скоро они домой пріѣдутъ, сдѣлать ему такой дорогой, безцѣнный подарокъ, какого онъ себѣ и вообразить не можетъ. «Анастасія въ долѣ этой тайны», думалъ молодой человѣкъ, и стремилъ впередъ коня своего. Когда ворота на его половинѣ отворились, онъ, не дождясь, чтобы приняли высокую подворотню, отважно перескочилъ черезъ нее.

— Говори скорѣй, скорѣй, милый Андрюша, что у тебя за тайна? — спрашивалъ Антонъ, лишь только вошли они въ горницу.

Дитя приняло важный видъ.

— То, что я хочу передать тебѣ — не шутка, — сказалъ онъ трогательнымъ голосомъ и слегка вздрагивая: — говорятъ, въ этомъ дѣлѣ спасеніе твоей души.

— Объясни жъ, не мучь меня.

— Здѣсь, въ Москвѣ, разносятся слухи, что ты связался съ нечистымъ. Знаю, это неправда, это клевета глупыхъ и злыхъ людей. Ты, просто, латынской вѣры, какъ отецъ мой, какъ и я былъ, все христіанинъ же. Однако, видно, вѣра русская почему-нибудь лучше вашей: безъ того бъ не заставили меня перемѣнить на нее прежнюю. Ты говоришь, у тебя крестъ въ сердцѣ. Мы, съ Настей, этого не понимаемъ, и очень огорчаемся нашимъ невѣдѣніемъ. Хочешь утѣшить насъ? (Андрюша вынулъ тяжелый серебряный тѣльникъ изъ-за пазухи и снялъ его съ шеи). Возьми вотъ этотъ крестъ, на которомъ изображеніе Спасителя, надѣнь его и носи. Это крестъ Анастасіи, благословеніе ея матери. Она сняла его для тебя, для спасенія твоей души и во здравіе тебѣ. Пускай охраняетъ онъ тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ и проведетъ... въ нашъ русскій храмъ. Ахъ! если бы въ одно время встрѣтилъ тамъ мою крестную мать.

Андрюша говорилъ это, и слезы падали по горѣвшимъ щекамъ краснорѣчиваго миссіонера. Не выдержалъ и молодой другъ его: онъ обливалъ драгоцѣнный даръ слезами, осыпалъ его жаркими поцѣлуями. Перекрестясь, Антонъ надѣлъ тѣльникъ.

— Видишь, — говорилъ онъ, — я надѣлъ крестъ е съ радостью, съ восторгомъ, скажи это Анастасіг скажи, что я каждый день буду молиться на нег что я никогда не покину этого креста, развѣ снимут

его съ меня мертваго!.. Нѣтъ, нѣтъ, что я дѣлаю, что я говорю, безумный? — присовокупилъ онъ, опомнясь отъ перваго восторга.

Въ головѣ его блеснула ужасная мысль. Онъ любилъ Анастасію чистою, пламенною любовью, съ какою цѣлью, самъ не зналъ; но теперь куда велъ его тѣльникъ? Не обручалъ ли его съ Анастасіей, какъ жениха съ невѣстой, — съ русской, которая не иначе можетъ быть его, какъ тогда, когда перемѣнитъ онъ вѣру! Чтобы получить Анастасію, надо сдѣлаться отступникомъ... Крестъ тяжелый надѣвалъ онъ. Но смѣлъ ли отъ него отказаться?.. Въ какомъ видѣ представится онъ ей тогда? Чернокнижникомъ, нечистымъ, въ связи съ дьяволомъ!.. Неужели броситься въ роковую будущность?.. Онъ подумалъ также, что Анастасія, изъ любви къ нему, лишаясь креста, благословенія матери, будетъ каяться въ своемъ поступкѣ, что мысли объ этомъ лишеніи истерзаютъ ее. И, между тѣмъ, онъ оставилъ крестъ у себя хоть на день: завтра же отдастъ назадъ черезъ Андрюшу. Этимъ докажетъ Анастасіи, что не имѣетъ связей съ нечистымъ и хорошій христіанинъ; отдавъ же тѣльникъ, успокоитъ ее. Такъ онъ мирилъ совѣсть и долгъ свой съ любовью.

— Не скрою отъ тебя, — сказалъ онъ своему маленькому другу, приступая къ этому подвигу, — что Анастасія сдѣлала неосторожно, прислав мнѣ такой драгоцѣнный подарокъ тайкомъ отъ отца, хотя въ ея поступкѣ было только желаніе сестры спасти душу брата. И я необдуманно можетъ быть насказалъ, чего тебѣ и не надо было бы слышать. Вотъ и ты, бѣдняжка, попалъ въ эту тревогу, которая не по тебѣ!..

Всему я причиною. Прости мнѣ, милый другъ, милый братъ мой!.. Ты не знаешь пагубныхъ страстей, которыя терзаютъ человѣка и могутъ помрачить разсудокъ до того, что высокое Божіе твореніе уподобится животному. И не знай этихъ страстей, чистое, прекрасное созданіе! Годы твои—годы райскіе; горе тому, кто растравитъ ихъ!.. Вотъ видишь, я взялъ крестъ и надѣлъ съ благоговѣніемъ христіанина, но завтра возвращу его. Не хочу доставить ей причинъ къ раскаянію: благословеніе матери должно быть для нея дорого. Тоска ея отравитъ для меня сладость подарка: онъ будетъ напоминать мнѣ только, что это жертва тяжкая, что она уноситъ съ собою ея здоровье, ея спокойствіе. А для сохраненія того и другого готовъ самъ на всѣ жертвы, на всѣ муки. Узнай повѣрнѣе, нынче жъ, если можно, теперь, нѣтъ ли для нея какой опасности; вглядись хорошенько въ лицо ея, не замѣтишь ли на немъ слѣда болѣзни, тѣни унынія; вслушайся въ ея рѣчи, въ ея голосъ... не утай отъ меня ничего. Отъ меня скажи ей все, что ты видѣлъ, слышалъ теперь; благодари ее за драгоцѣнный даръ; скажи, что отнынѣ буду креститься русскимъ крестомъ, буду молиться русскими молитвами. Не правда ль, ты научишь меня русскимъ молитвамъ? Начну и кончу ихъ воспоминаніемъ о ней.

Все это говорилъ Антонъ, прерывая рѣчь то поцѣлуями дорогому миссіонеру, то вынимая изъ груди крестъ и прижимая его къ губамъ своимъ. Малютка въ первый разъ видѣлъ друга своего въ такомъ тревожномъ состояніи: губы его судорожно произносили слова, глаза горѣли какимъ-то изступленіемъ, щеки пылали. Этой душевной тревоги испугался Андрюша;

онъ каялся уже, что, исполнивъ порученіе крестной матери, лишилъ, можетъ статься, ихъ обоихъ спокойствія и здоровья. Какъ могъ, старался онъ успокоить своего друга, обѣщаясь ему сдѣлать все, что онъ желалъ. Но докучливые свидѣтели помѣшали ему въ тотъ же день переговорить съ Анастасіей о великой тайнѣ ихъ.

Опасенія Антона были пророческія; гроза вскорѣ скопилась надъ головою очарованной дѣвушки.

Въ полночь старая мамка осторожно встала и посмотрѣла, каково спитъ ея питомица. Бѣдная вся горѣла, лебединая грудь ея тяжко подымалась. Мамка хотѣла прикрыть ее куньимъ одѣяльцемъ. Смотритъ ястребиными глазами: — «ахти, Мать Пресвятая Богородица! тѣльника-то на ней нѣтъ»! — едва не вскрикнула старуха. — «Господи, Господи, куда жъ дѣвался тѣльникъ! Искать кругомъ — нѣтъ. Можетъ статься, оборвался гайтанъ, и онъ лежитъ у голубушки подъ изголовцемъ. Ждать-пождать утра». Мамка цѣлую ночь не смыкала глазъ. Наутро искала тѣльника на кровати, подъ кроватью — не видать. Стала замѣчать, не спохватится ли Анастасія Васильевна. Нѣтъ, ни словечка объ этомъ. Только одѣваясь, дитя боярское въ смущеніи закрывало отъ нея грудь свою. Мамка осмѣлилась спросить о тѣльникѣ: Анастасія зарыдала и наконецъ, на всѣ увѣщанія, обѣты и клятвы не говорить отцу, сказала, что, вѣроятно, потеряла крестъ, [illegible]ляя на дняхъ въ саду, что искала и не могла найти.

[illegible] какими муками могло сравниться состояніе Анастасіи при этомъ случаѣ! Да и мамкѣ было не легко. [illegible]казать боярину, поставятъ ей въ вину, что не видала, какъ тѣльникъ пропалъ; не сказать, голову

снести. Сказать и не сказать, на этомъ старуха едва не рехнулась. Кончилось тѣмъ, что, убоясь огорчить свою питомицу и въ надеждѣ отыскать пропажу, она утаила бѣду отъ боярина, грознаго и неумолимаго въ подобныхъ случаяхъ.

Едва не забылъ я сказать, что въ этотъ самый день рыцарь Поппель приходилъ къ Аристотелю жаловаться на дерзость лекаря, порученнаго, какъ онъ слышалъ, вниманію художника.

— Онъ сдѣлалъ должное, — отвѣчалъ художникъ.

— Жидокъ! ослушался посла императорскаго! — вскричалъ заносчивый Поппель.

— Клевета, недостойная простого мужа, не только сановника государственнаго!.. Уберегите ее для бывшаго книгопечатника Бартоломея. Одинъ глупецъ повѣритъ ей.

— По крайней мѣрѣ, цирюльникъ!

— Скажи вѣрнѣе — врачъ при дворѣ московскаго государя! Знай, воспитанникъ брата моего такой же благородной крови, какъ и ты, и имѣетъ равныя съ тобою права на уваженіе.

— Развѣ потому что баронится! Не хочешь ли, господинъ художникъ, вывесть его въ настоящіе бароны?

— Легче всего. Стоитъ ему только потребовать, что ему принадлежитъ.

— Право?.. И, конечно, въ бароны Эренштейны

— Во что онъ есть, безъ сомнѣнія.

— Московская новость! По крайней мѣрѣ ее и знаютъ при дворѣ моего государя.

— Если нужно будетъ, и тамъ ее узнаютъ, какъ древнее, кровное право.

Поппель горячился болѣе и болѣе, и задыхался отъ гнѣва; художникъ говорилъ съ приличнымъ хладнокровіемъ и твердостью.

— Знаешь ли ты самъ, что это право мое, и я готовъ защищать его мечомъ.

— На этотъ разъ мечъ рыцаря переломится о законъ и слово императора.

— Именемъ его величества я потребую отъ тебя объясненій твоимъ загадкамъ.

— Дамъ ихъ, когда сочту нужнымъ! Уважаю твоего государя наравнѣ съ другими вѣнценосцами, но не подчиняюсь его власти. Я гражданинъ Венеціи, и здѣсь подъ сильною защитой русскаго государя, Іоанна, именемъ третьяго.

— Мой мечъ заставитъ тебя объясниться.

Аристотель засмѣялся.

— И сейчасъ, если имѣешь хоть искру благородства.

Поппель схватился за рукоять меча.

— Потише, молодой человѣкъ,—сказалъ съ важностью художникъ, положа свою руку на плечо рыцаря,—умѣрь свою горячность; она ничего не поможетъ твоему дѣлу. Не заставь думать, что орудіе чести въ твоихъ рукахъ только опасная игрушка въ рукахъ ребенка, и что императоръ нѣмецкій нарядилъ двору московскому представлять свое лицо не ра-наго мужа, а задорнаго мальчика. Образумься, го-динъ рыцарь! Взгляни на мои сѣдины; по лѣтамъ ъ я могъ бы быть отцомъ тебѣ, а ты зовешь на безумную драку? Какая слава могучею рукой

юноши сразиться съ хилою рукою старика! Будетъ чѣмъ похвастаться!.. И въ моемъ домѣ! Не назовутъ ли насъ обоихъ безумными? Повѣрь, я не обнажу меча; ты можешь напасть на безоружнаго и промѣнять имя рыцаря на имя разбойника. Что я не трусъ, скажутъ тебѣ государь московскій и лучшіе воеводы его. И потому совѣтую тебѣ употребить свое оружіе и свой пылъ на лучшее дѣло и искать болѣе равной битвы. Еще прибавлю тебѣ, господинъ рыцарь: насиліе, каково бы оно ни было, ускоритъ только нарушеніе правъ, которыми ты незаконно награжденъ. Будь благоразуменъ и не горячись: можетъ быть, сама судьба поможетъ тебѣ на зло справедливости.

Сказавъ это, Аристотель просилъ рыцаря оставить его и не отвлекать отъ важнаго дѣла, порученнаго ему великимъ княземъ: въ противномъ случаѣ хотѣлъ позвать изъ сѣней приставовъ, имѣвшихъ надзоръ за посломъ.

Рыцарь Поппель былъ заносчивъ, а не храбръ; у такихъ людей не бываетъ истинной храбости: онъ выказывалъ только ея формы, которыя могутъ обманывать одну неопытность.—«Какъ хорошо сложенъ этотъ мужчина!»—говорятъ, любуясь прекрасными формами иного денди на склонѣ лѣтъ.—«Вата, сударь, одна вата и искусство, болѣе ничего»!—скажетъ вамъ его слуга, и разоблачитъ передъ вами этого поддѣльнаго Антиноя. Такова была и храбрость Поппеля. Пристыженный, съ добрымъ урокомъ и мутною идеей о соперникѣ, который готовился оспаривать права его на наслѣдс[illegible] знатнаго имени и богатаго состоянія, вышелъ онъ [illegible] художника. Но и тутъ не хотѣлъ признаться въ [illegible] бѣдѣ надъ нимъ. Поднявъ гордо носикъ, какъ ут[illegible]

ладья, брошенная могучимъ валомъ на берегъ, онъ запѣлъ въ дверяхъ веселую пѣсенку:

У Карла было у Великаго
Семь незаконныхъ дѣтей:
Всѣмъ снился вѣнецъ золотой —
Лишь одному онъ достался.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОХОДЪ

Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду къ лѣсамъ тоску губить,
Пойду къ рѣкамъ печаль топить,
Пойду въ поле тоску терять...
Въ густыхъ лѣсахъ она со мной!
Въ струяхъ рѣки течетъ слезой!
Въ чистомъ полѣ траву сушитъ!
Отъ батюшки, отъ матушки,
Скрываюся, шатаюся.

Мерзлаковъ.

Молодость, словно крѣпкій медъ, бьетъ черезъ край, пока не установится. Разгулу ея посвятилъ Хабаръ цѣлую ночь, въ которую то вино, то съ друзьями тяжба за первенство на игрищахъ, то любовь — попеременно вызывали на бой его могучія силы. И вездѣ вышелъ онъ побѣдителемъ.

Утренняя звѣзда проводила его изъ воротъ деспота морейскаго; алая заря улыбнулась ему дома.

Вскорѣ на боярской половинѣ началось необыкновенное движеніе. Туда и сюда суетились дворчане, несли оружіе изъ кладовой, пытали доброту коней, снаряжали обильнымъ вытьемъ и пирогами оружейна конюшаго и прочихъ холоповъ, которые должны бы идти въ походъ вмѣстѣ съ сыномъ воеводы. Во вре этой суеты послышался усиленный конскій топотъ

вслѣдъ за тѣмъ многочисленный поѣздъ остановился у воротъ. Всѣ, составлявшіе его, подобраны молодецъ къ молодцу, перо къ перу. Щеки — что твоя малина, въ глазахъ огонь соколиный: взглянутъ на друга—рублемъ дарятъ, взглянутъ на недруга — крови хотятъ. Они въ коротенькихъ кафтанахъ изъ нѣмецкаго сукна; подъ низенькими шапочками, которыя щегольски заломились на одинъ бокъ, сказываются буйныя головушки; ремень, отороченный серебромъ, стягиваетъ ихъ станъ; у боку длинный ножъ и кинжалъ въ ножнахъ, *описанныхъ на златѣ*, сзади—ослопъ, только-что молодцу на подъемъ. Отъ нихъ отдѣлились человѣка три, слѣзли съ лошадей и дали о себѣ знать кольцомъ приворотнаго столба. Это были *іоловы* и *сотники*, избранные отъ нѣсколькихъ *десятень сурожанъ* и *суконниковъ*, которые *охотились искать ратной чести* подъ Тверью. Они, съ дозволенія великаго князя, пріѣхали бить челомъ Хабару-Симскому, чтобы онъ взялъ ихъ подъ свое воеводство. Сынъ Образца, извѣстный удальствомъ въ пирахъ и на городскихъ побоищахъ, не менѣе славился ратной отвагой. Онъ водилъ уже разъ охотниковъ противъ Мордвы *на лыжахъ* и добылъ съ ними хорошую долю славы для себя и для нихъ. Въ его наѣздѣ на Мордву видны были однакожъ не одна отвага, удѣлъ каждаго рядового ратника, но и быстрый, сметливый взглядъ вождя, умѣнье пользоваться средствами непріятельской страны, нравами тѣхъ, противъ кого воевалъ, и искусство внушать любовь къ себѣ и порядокъ въ нахъ, подчинившихся ему добровольно. Князь Далъ Дмитріевичъ Холмскій, поручавшій ему отдѣльй отрядъ подъ Казанью, послѣ этого опыта предзывалъ въ немъ *знатнаго* полководца. Достоинства

эти умѣлъ оцѣнить Иванъ Васильевичъ, и за нихъ-то извинялъ въ Хабарѣ буйныя вспышки молодости, хотя говорилъ обыкновенно, при такихъ случаяхъ, что прощаетъ его въ уваженіе любви къ нему Іоанна младого. И нынѣ Хабаръ съ радостью принялъ начальство надъ охотниками. Всѣ они были угощены изъ братины, которую самъ старый воевода обнесъ по нимъ, пожелавъ каждому того, что каждый изъ нихъ шелъ добывать. Завтра положено было собраться у церкви *Іоанна, списателя лѣствицы, «что подъ колоколами»*, отслужить тамъ молебенъ, потомъ въ приходской церкви *Николы льняного*, и оттуда прямо *всѣсть* на коня. Образецъ обѣщалъ испросить для нихъ у Ивана Васильевича милость—пустить ихъ въ передовые, съ тѣмъ, чтобы они, вмѣстѣ съ государевыми *окольничимъ* и *путнымъ*, очищали путь отъ всякаго недобраго человѣка и случая.

На другой день, ни свѣтъ, ни заря, все въ домѣ Образца было уже на ногахъ. Когда пришелъ часъ снаряжать сына въ походъ, лицо воеводы осѣнилось грустью. Это была не порывистая грусть, подобная весеннимъ водамъ, которыя неистово мечутся въ разныя стороны, вопятъ на всю окрестность и вдругъ исчезаютъ, какъ бы ихъ не бывало. Нѣтъ, печаль отца походила на бѣлый ключъ, который едва замѣтно бьетъ изъ-подъ тяжелаго камня и между тѣмъ отъ вѣка питаетъ широкую рѣку. Много мрачныхъ думъ въ прошедшую ночь посѣтило душу старца. И было ему надъ чѣмъ задуматься. Онъ потерялъ ужъ на войнѣ одного сына: милый юноша и теперь нерѣдко в одеждѣ ангельской посѣщаетъ его и, указывая, съ то ской невыразимою, на рану, которая точитъ ему груд кажется, говоритъ: «отецъ, больно, очень больно!» З

нимъ слѣдовала мать. Сколько драгоцѣнныхъ потерь! И нынѣ старецъ, глядящій имъ вслѣдъ, отпускаетъ на войну послѣдняго сына. Если война и побережетъ его, такъ его ждетъ *поле* въ Москвѣ. Если падетъ — кто останется подпорою сестры, еще не пристроенной? Но безчестье хуже смерти: «мертвые срама не имутъ» — искони завѣтное слово русскихъ. И безъ того позора не пережить! Вся надежда на *судъ Божій*; милости Господни неизреченны. Съ упованіемъ на нихъ Образецъ идетъ въ *божницу*, куда, по приказанію его, слѣдуютъ за нимъ Хабаръ и Анастасія.

Идутъ молча, объятые чувствомъ благоговѣнія. Пришли въ божницу. Единственное окно ея завѣшено. Въ сумракѣ, слабо побѣжденномъ таинственнымъ свѣтомъ отъ лампады, среди глубокой тишины, изрѣдка нарушаемой вспышками свѣтильни, смотрятъ на васъ со всѣхъ сторонъ темные лики Спасителя, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Отъ нихъ, кажется, повѣяло холодомъ не здѣшняго міра. Здѣсь никуда не укроешься отъ ихъ взоровъ: со всѣхъ сторонъ слѣдятъ они васъ въ малѣйшіе изгибы мыслей и чувствованій. Истомленныя лица, тощіе члены, сухія ребра — плоть, уморенная въ молитвахъ и постѣ, страданія — крестъ, все говоритъ здѣсь о побѣдѣ воли надъ страстями. Сами примѣръ тѣлесной и душевной чистоты, они требуютъ ее отъ приходящихъ въ божницу, это святое собраніе ихъ.

Къ нимъ-то прибѣгала Анастасія въ тревогѣ сердной, отъ нихъ просила себѣ помощи противъ искуненій нечистаго, и не было помощи ей, слабой волю, предавшейся страсти, которую принимала за немного обольстителя!

Образецъ три раза со крестомъ и молитвою повергнулся передъ иконами, три раза повергнулись за нимъ сынъ и дочь. Послѣ этого благоговѣйнаго вступленія, старецъ прочелъ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго». Такъ и донынѣ у насъ на Руси, православный воинъ, идя на брань, почти всегда вооружается этимъ надежнымъ щитомъ [1]). Хабаръ съ сильнымъ чувствомъ повторялъ слова отца. Все приготовляло Анастасію къ чему-то страшному: она трепетала, какъ голубица, застигнутая въ полѣ, гдѣ негдѣ ей укрыть себя передъ грозой, готовой надъ ней разразиться. Когда молельщики встали, Образецъ взялъ съ искоса небольшой образъ Георгія-побѣдоносца, литый изъ серебра, съ ушкомъ для ношенія на груди.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, держа лѣвой рукой образъ, а правою сотворивъ три крестныя знаменія,—этимъ Божіемъ милосердіемъ благословляю тебя, единственный и любезный сынъ мой, Иванъ, и молю, да подастъ тебѣ святой великомученикъ Георгій побѣду и одолѣніе надъ врагомъ. Береги это сокровище, аки зеницу ока, не покидай его никогда, развѣ Господь попуститъ врогу отнять его у тебя. Знаю тебя, Иванъ, не у живого отнимутъ, а развѣ у мертваго. Помни на всякій часъ благословеніе родительское».

Анастасія побѣлѣла, какъ снѣгъ, и вся дрожала; на грудь ея налегъ тяжелый камень, въ ушахъ ударяло молотомъ. Ей слышалось, будто всѣ лики св-

---

[1]) Я зналъ нѣсколько знаменитыхъ полководцевъ 1812—14 годовъ, которые носили на груди этотъ псаломъ, зашитый въ ладонк вмѣстѣ съ крестомъ.

тыхъ, одинъ за другимъ, грозно повторяли слова отца ея. Онъ продолжалъ:

«Велико дѣло это благословеніе. Кто его не помнитъ или ни во что считаетъ, отъ того Самъ Отецъ небесный отвратитъ лицо Свое и на вѣки отступится, забвенъ тотъ будетъ и во царствіи небесномъ, и адово будетъ достояніе. Блюди свято слова мои».

Каждое слово Образца падало на сердце Анастасіи, какъ смола горячая. Ей казалось, она призвана на страшный судъ Христовъ услышать проклятіе отца и свой вѣчный приговоръ. Она не выдержала и горько зарыдала, свѣтъ помутился въ глазахъ, ноги стали подкашиваться. Образецъ услышалъ ея рыданія и прервалъ свое напутствіе.

— Настя! Настя! что съ тобою?—спросилъ онъ съ живымъ участіемъ дочь, нѣжно любимую.

Она не въ силахъ была ничего вымолвить и упала на руки брата. Перекрестясь, бояринъ положилъ образъ на прежнее мѣсто, и потомъ спѣшилъ окропить дочь свою богоявленскою водой, которая всегда стояла въ запасѣ въ божницѣ. Анастасія очнулась, и когда увидѣла себя окруженною отцомъ, братомъ, въ какомъ-то темномъ, тѣсномъ склепѣ, закричала дикимъ голосомъ и обращая вокругъ себя мутные взоры.

— Свѣтъ мой, дитя мое милое, голубица ты моя, что съ тобою? — говорилъ отецъ. — Опомнись; ты въ божницѣ. Знать, попортилъ тебя недобрый глазъ. По---лись-ка Пречистой: Она, милосердая, избавитъ тебя ь напасти.

Отецъ и сынъ подвели ее къ иконѣ Божіей Ма-ри: братъ съ трудомъ поднялъ ея руку, и она, дрожа, творила крестное знаменіе. Тяжело, глубоко вздох-

нула она, ледяными устами приложилась къ образу и потомъ показала рукой, чтобы ее скорѣе вывели. Ей чудилось, что Пречистая покачала ей съ упрекомъ головою.

Когда Анастасію привели въ ея свѣтлицу, ей сдѣлалось легче. Ржаніе коня у крыльца Антонова заставило ее содрогнуться и опомниться. Оно навело ея мысли на милаго чужеземца и опасность, какой подвергла бы себя и его, если бы обнаружила тайну тѣльника. Чувство раскаянія пересилено любовью, и мѣсто его заступило лукавое желаніе отвесть подозрѣніе отца и брата отъ настоящей причины ея болѣзни, когда бы это подозрѣніе и могло существовать. Она собиралась обманывать, но еще не умѣла. Слова: разлука съ братомъ, опасенія войны, грусть одиночества, слова несвязныя, холодныя, замирали на устахъ ея. Легко было увѣрить и безъ словъ, что всѣ эти причины были настоящія. Голубь, ключевая вода, бѣлопутный снѣжокъ, представлялись въ умѣ отца и брата не чище Анастасіи. Образецъ убилъ бы того, кто бъ осмѣлился сказать противное; его зашибло бы смертнымъ ударомъ, если бъ онъ самъ противное узналъ. Въ головѣ его хоть и вертѣлась мысль о *порчѣ*, можетъ статься и басурманомъ, но чтобы сама Анастасія осмѣлилась быть въ сердечномъ заговорѣ съ нимъ, этого и въ помышленіи у боярина не было. Какъ бы то ни случилось, успокоенные нѣсколько ея выздоровленіемъ, воевода и сынъ его возвратились въ божницу, не безъ страха однакожъ, что благословені прерванное такъ ужасно, вѣщуетъ для нихъ худо Отецъ боялся, не причиной ли этого несчастнаго случ гнѣвъ Божій на сына его за разгульную жизнь. Взя

въ помощь слова святыхъ отцовъ, примѣры чистоты, и непорочности знаменитыхъ русскихъ воиновъ, удостоившихся славы земной и вѣнца нетлѣннаго на небесахъ, онъ убѣждалъ Хабара исправиться.

— На тебѣ болѣе, нежели на комъ другомъ, — говорилъ Образецъ, — лежитъ тяжкій отвѣтъ за грѣхи мои. Тебя Господь наградилъ разумомъ, силою тѣлесной, отвагой. Овому талантъ, овому два, тебѣ ихъ дано много, и всѣ ихъ топчешь въ грязи. Князь Холмскій хвалитъ воинскія способности твои, обнадеживаетъ, что ты современемъ замѣнишь меня. Старики, бывшіе ратные товарищи мои, твои соратники, мое сердце, все говоритъ мнѣ, что имя Хабара-Симскаго еще слышнѣе будетъ на Руси, нежели имя Образца-Симскаго. Твой отецъ, твой господинъ—великій князь, твоя родная земля ожидаютъ этого отъ тебя. Не посрами моей сѣдой головы, не потревожь костей монхъ, когда лягу въ гробу, праха матери и брата своего. Не забудь, у тебя сестра невѣста въ порѣ; твой позоръ можетъ падать на нее, на весь родъ твой. Помни, тебя ждетъ здѣсь *поле, судъ Божій*; къ нему долженъ ты предстать съ чистымъ покаяніемъ, омытый отъ всякія скверны. Иванъ, пора тебѣ одуматься, пора также вспомнить, что мнѣ осталось жить недолго. Скоро перейду и я въ иной міръ. Что прикажешь тогда сказать родной своей...

Въ голосѣ старца дрожали слезы, хотя въ строгихъ очахъ не было ихъ. По лицу Хабара слезы бѣжали ньемъ. Онъ палъ въ ноги отцу и далъ ему обѣтъ именемъ Господа, именемъ матери, исправиться отнынѣ нѣмъ заслужить любовь родителей здѣсь на землѣ и гробомъ. Въ свидѣтели бралъ угодниковъ Божіихъ.

Обѣтъ былъ искрененъ, силы и твердости воли доставало на исполненіе его.

Лица отца и сына просіяли, такъ же радостно было и въ душѣ ихъ. Вмѣстѣ съ ними, казалось, освѣтилась ярче и божница, и лики святыхъ привѣтнѣе на нихъ глядѣли.

Наконецъ заблаговѣстили къ обѣднѣ. Печально звучали колокола: они почти каждый домъ извѣщали о разлукѣ съ однимъ изъ дорогихъ жильцовъ его. Анастасія превозмогла себя и, не дожидаясь, чтобы братъ пришелъ съ нею проститься, сама сошла къ нему. Хабаръ, котораго Иванъ Васильевичъ назвалъ посыльнымъ воеводой, былъ ужъ въ полномъ вооруженіи. Дядька его съ гордостью смотрѣлъ то на своего *воспитомца*, то на сіяющіе доспѣхи его, словно на свое твореніе. Одного онъ выпѣсталъ на славу, другіе, также на славу, вычистилъ нынѣ, какъ скло. Въ прощаніи брата и сестры сказалась любовь самая нѣжная, самая трогательная. Нѣсколько разъ желѣзная броня его была орошена слезами, нѣсколько разъ грубые наручники печатлѣли слѣды его объятій на нѣжномъ тѣлѣ Анастасіи. Всѣ дворчане толпою собрались у крыльца и напутствовали боярскаго сына благословеніями. Отецъ проводилъ его до церкви.

На встрѣчу имъ кто-то борзо скакалъ на статномъ конѣ, клубя подъ собою пыль. Народъ останавливался передъ нимъ и скидалъ шапки. По богатому вооруженію его, по стальному, украшенному бирюзою шлему, по серебряной насѣчкѣ латъ и меча, осыпаемыхъ лучами солнца, вы приняли бы его за знатна юношу, только-что постриженнаго. Но по лицу, рост ухваткамъ, видѣнъ былъ въ немъ дитя, который ут

шался конемъ и нарядомъ своимъ, какъ игрушкой. Это былъ Андрюша, сынъ Аристотелевъ, — самъ игрушка великаго князя. Онъ ѣхалъ отъ церкви Благовѣщенія, гдѣ совершали надъ нимъ обрядъ *пострига*. Видъ его поразилъ Образца: онъ напомнилъ ему милое дѣтище. Таковъ былъ младшій сынъ его, когда собирался съ нимъ на войну противъ крыжаковъ. Бояринъ спѣшилъ войти въ церковь и молитвами заглушить въ сердцѣ своемъ печальный голосъ природы. Прощаясь съ послѣднимъ сыномъ, онъ крѣпко обнялъ его.

— Господь съ тобою, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и эти слова сопутствовали Хабару во весь походъ, привѣчали его, лишь только онъ открывалъ глаза, и смыкала ему вѣжди на сонъ грядущій. Этими словами онъ былъ вооруженъ крѣпче, нежели желѣзными латами и мечомъ своимъ.

Андрюша успѣлъ видѣться съ Анастасіей, пока бояринъ не возвратился изъ церкви. Въ сѣняхъ верхней свѣтлицы мамка встрѣтила его и, поздравивъ съ постригомъ, ласково, осторожно спросила: «не видалъ ли голубчикъ-*молодикъ* барышнина тѣльника». Можетъ статься, она обронила его, Андрюша нашелъ, захотѣлъ пошутить надъ ней и спряталъ. При этомъ неожиданномъ вопросѣ, маленькій воинъ вспыхнулъ, какъ порохъ, но спѣшилъ оправиться и сказалъ съ сердцемъ:

— Шутишь что ли надо мною, мамка?

И начала она клястись и божиться, что говорила правду, только просила не сказывать объ этомъ ни Анастасіи, ни боярину.

— Знаешь, какой онъ грозный, — прибавляла она, — чуть часъ снесетъ голову съ бѣдной старушки. А кабы вѣдалъ, мой птенчикъ, мое наливное яблочко, какъ

мать твоя крестная горюетъ, мечется во всѣ стороны, не пьетъ, не ѣстъ, а во снѣ только и говоритъ что о тѣльникѣ, да, кажись, прости Господи, и поганаго басурмана прибираетъ. Знать, ангелъ-хранитель отступился отъ моего дитятки.

Старушка ждала отвѣта отъ Андрюши — Андрюша былъ ужъ въ свѣтлицѣ своей крестной матери. Здѣсь встрѣтили его улыбкою, привѣтомъ, задушевными ласками, но подъ этими розами не укрылась отъ вниманія малютки змѣя-тоска; она проникала невольно въ словахъ, въ движеніяхъ Анастасіи. Недолго повертѣлся онь въ свѣтлицѣ. Съ добычей грустныхъ замѣчаній сошелъ онъ къ лекарю, и все разсказалъ ему. Какъ поразилъ Антона этотъ разсказъ! Онъ бранилъ себя, проклиналъ, зачѣмъ послушался двухъ дѣтей, воспользовался слабостью неопытной дѣвушки и взялъ отъ нея даръ, который могъ бы погубить ее навѣки. Разстаться съ нимъ, напечатлѣть на немъ прощальный поцѣлуй и молить Бога, чтобы крестъ пришелъ вовремя осѣнить грудь Анастасіи отъ всякихъ бѣдъ и напастей — вотъ что Антонъ спѣшилъ сдѣлать. Молитва его услышана, тѣльникъ полученъ вовремя.

Затрепетала Анастасія, увидавъ свой крестъ. «Видно, не снесъ его!..» подумала она, и какое-то отчаяніе ею овладѣло. Легче-бъ, если бы отецъ узналъ о потерѣ тѣльника! Что сдѣлалось съ ней? Ея помыслы, бывало, не отвергли-бъ небесные жители, въ сердце ея могла бы глядѣть сама Божественная Дѣва! А теперь въ душѣ кипятъ черныя страсти; рука едва не оттолкнула тѣльника, губы едва не произнесли: пропадай же, душа моя!.. но ангелъ-хранитель остановилъ ее на краю пропасти. Она схватила крестъ и

слезами на глазахъ прижала къ груди. Крестный сынъ ея, урывками и украдкой отъ сторожкихъ глазъ и слуха мамки, передалъ ей свой разговоръ со старушкой, мучительныя опасенія Антона, чтобы не узнали о пропажѣ драгоцѣннаго креста, опасенія на счетъ ея здоровья и спокойствія; Андрюша разсказалъ все, все, что ни говорилъ другъ его, и Анастасія не могла не благодарить того и другого. Она обѣщала себѣ быть благоразумнѣй и осторожнѣй, хотѣла дать обѣщаніе перестать любить, но не могла. Тѣльникъ перешелъ съ груди милаго басурмана на грудь ея и, вмѣстѣ съ словами Андрюши, только-что раздулъ прежнее пламя.

Хитрая мамка, несмотря что ничего не слыхала изъ бесѣды крестной матери и сынка, догадалась, что между ними кроется тайна. Догадки эти усилились, когда она, раздѣвая свою воспитанницу, увидѣла на груди ея серебряный тѣльникъ, который старалась Анастасія, будто нарочно, выказать. Передать прямо эти догадки боярину она не смѣла: могли быть неудовольствія для нея самой, для Анастасіи, для Андрюши; не залить бы скоро пожара этихъ непріятностей. Однакожъ надо было предупредить новыя. Для успѣха въ этомъ, стоило умненько, да хитренько, намекнуть боярину, что Андрюшѣ непригоже ходить въ свѣтлицу боярышни. Ему, дескать, хоть и четырнадцать годковъ — дѣтская пора! къ тому жъ онъ такой разумникъ, такой смиренникъ, — однакожъ Андрюша *поригъ* по милости великаго князя Ивана Васильевича; съ именемъ пострига вертится у каждаго въ головѣ: „и онъ на войну готовъ, такъ не дитя! Кто пойдетъ равляться съ его годками? Злые языки разомъ на-

мекнутъ недоброе, хоть и не посмѣютъ сказать. Честь дѣвическая должна быть какъ скло: отъ нечистаго дыханія оно не загрязнится, но потускнѣетъ. Какъ задумала мамка, такъ и сдѣлала. Бояринъ хвалилъ ее за разумный совѣтъ и обѣщалъ, какъ скоро Андрюша возвратится изъ похода, запретить ему входить въ опочивальню Анастасіи и позволять ему говорить съ нею только при отцѣ и братѣ.

Все улажено какъ нельзя лучше. Самъ Антонъ, виновникъ семейной тревоги, до сихъ поръ скрытый, старался отдалить малѣйшія подозрѣнія отъ прекраснаго созданія, за честь котораго готовъ былъ отдать жизнь свою. Онъ не искалъ болѣе случая видѣться съ Анастасіей. На другой день долженъ онъ былъ отправиться въ походъ вмѣстѣ съ великокняжескимъ поѣздомъ: онъ теперь же потребовалъ своего коня и ускакалъ со двора боярскаго съ тѣмъ, чтобы переночевать у Аристотеля, и ужъ оттуда въ путь, обѣщаясь не вступать ногою въ тотъ домъ, гдѣ жила Анастасія. — Время, — думалъ онъ, — разумъ, невозможность видѣться, побѣдятъ сердечную тревогу, можетъ быть прихоть дѣвушки, заключенной въ четырехъ стѣнахъ. По крайней мѣрѣ ей возвращу свокойствіе.

Оставшись одинъ съ самимъ собою, онъ оглянулся на путь, пройденный имъ на Руси въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ нее? Не для того ль, чтобы посвятить себя служенію наукѣ и человѣчеству, чтобы совершить *подвигъ* на пользу ихъ? Чтожъ совершилъ этотъ жрецъ высокаго и прекраснаго? Вылечилъ попугая, мастерски щеголялъ, успѣлъ понравиться великому князю и отравилъ сердце неопытной дѣвушки. Чудные, знаменитые подвиги! Ст

ило изъ-за нихъ пріѣзжать такъ далеко! Въ Италіи онъ былъ хоть свободенъ, а теперь онъ не въ силахъ разорвать свои цѣпи. Онъ не можетъ возвратиться на родину, онъ промѣнялъ ее на чужую землю; на Руси отнынѣ долженъ жить и умереть. Къ дому русскаго боярина, его недруга, прикованы сердце, мысли, все существо его; въ этомъ домѣ—все благо и несчастіе его жизни, здѣсь его судьба. Вотъ отчетъ, который далъ себѣ Антонъ въ своемъ настоящемъ положеніи.

Въ борьбѣ съ своею страстью, онъ обѣщалъ высвободить себя изъ неволи ея и умирить всѣ голоса, возставшіе противъ него изъ глубины его совѣсти. Обѣщалъ, да! Посмотримъ, у кого изъ молодыхъ людей, почти одинакихъ лѣтъ, достанетъ силы воли совершить свой обѣтъ — у русскаго ли разгульнаго молодца, или у степеннаго падуанскаго бакалавра.

Ворота на половинѣ басурманской заперли замкомъ. Анастасія это видѣла. Слухъ и сердце ея жадно слѣдили топотъ лошади, замиравшій вдали, ловили послѣдній звукъ подковы, какъ послѣднее біеніе пульса милаго человѣка, котораго теряютъ на вѣки. Онъ исчезъ... Бѣдная ужаснулась своего одиночества, сердце ея замерло. Ей казалось, отецъ, братъ, родные — весь міръ покинулъ ее, несчастную сироту. О! съ какою радостью помѣнялась бы теперь на муки нынѣшняго утра и прошедшихъ дней, лишь бы ей знать, что *онъ* тутъ, недалеко отъ нея, въ одномъ съ [illegible] домѣ, что ей можно будетъ увидѣть его, встрѣ[illegible]ь его взоры, хоть ждать его возврата!

Необыкновенный шумъ разстроилъ печальныя сли Анастасіи; топотъ конницы залилъ прилегающія [illegible]цы.

— Слышишь? *играютъ въ набатъ* [1])! — вскричала мамка, бросаясь къ окну. — Посмотри, ласточица ты моя, большой полкъ идетъ. На ратникахъ жаромъ горятъ колонтари и шеломы. Вотъ и самъ воевода полка. Въ рукахъ у него шестоперъ изукрашенъ самоцвѣтами. На небѣ одно солнышко, а тутъ что ни камышекъ, то солнышко. Да какой же молодой, пригожій! Ахти, мать моя, да это княжичъ Иванъ! Охъ, охъ, кабы не Олена Волошанка, быть бы тебѣ княгиней; царь-государь миловалъ бы тебя, цѣловалъ бы во малиновы уста. Стала бы ты, моя голубица, покоить и меня на старости лѣтъ, подъ кунье одѣялице, на лебяжьи пуховики укладывать, въ золотъ атласъ рядить, медами крѣпкими поить. Надо же было на бѣду подвернуться Волошанкѣ да помутить наше счастіе, отнять у насъ женишка, дорогого, незамѣннаго. Пріѣхалъ сюда на Русь, только что жидовскую ересь къ намъ привезла съ дьякомъ Курицынымъ. Чтобы дьяку поганому да ей тутъ же ни пути, ни дороги! Посмотри, сударикъ-то мой, Иванъ Ивановичъ, какъ грустенъ да пасмуренъ, словно вчера овдовѣлъ. Все по тебѣ тужитъ, моя родная. Поровнялся со дворомъ нашимъ, не утерпѣло молодецкое сердце, посмотрѣлъ-таки сюда умильно. Вотъ и стягъ государевъ везутъ на возу. Смотри, какъ полощется по вѣтерку. Крестись же, родная, на ликъ Спасителя...

Старушка сама усердно творила кресты, и Анастасія, несмотря въ окно, сидя на своей кровати, машинально крестилась. Мамка продолжала:

— Ликъ-то золотомъ шитъ. Сказываютъ, Сос а

---

[1]) Бьютъ въ литавры.

Ѳоминишна сама вышивала. Эки молодцы, будто писаны! Не угадать: можетъ статься, одинъ тебѣ и суженый, Настасья Васильевна. Это что?.. Господи, свѣты мои! Посмотри, не морочатъ ли меня глаза на старости. Ахти, это онъ, воистину онъ, голубчикъ нашъ, соловушко нашъ, Афанасій Никитичъ. Босыя ноженьки его спутаны желѣзами, а ручки заложены назадъ и *залиты оловомъ*.

Дѣйствительно, сказочника Аѳанасія Никитина вели скованнаго, за карауломъ недѣльщиковъ. Въ чемъ же бѣднаго вина? за что такое наказаніе? А вотъ за что: Иванъ Васильевичъ, провѣдавъ, что онъ тверской уроженецъ, знаетъ каждый пригорокъ и каждый кустъ около Твери, велѣлъ ему *языкомъ* идти съ полками, да подойдя подъ Тверь сказывать, о чемъ его спросятъ. На это Аѳанасій Никитинъ отвѣчалъ:

— Воля Божія на небеси, а великаго князя Ивана Васильевича на земли; прикажи онъ мнѣ утопиться — утоплюсь, только на родной градъ, на Спаса златоверхаго, врагомъ не пойду. Скорѣй своей кровью захлебнусь, чѣмъ соглашусь навести войско на кровь моихъ родичей и братьевъ.

И на тѣ слова *опалился зѣло* Иванъ Васильевичъ.

— Вѣдь онъ не воевода, князь Холмскій! — закричалъ онъ ярымъ голосомъ: — торгашъ, лапотникъ! Сковать его въ желѣза и неволею вести на Тверь. Коли не хочетъ указывать намъ дорогу туда, такъ мы ему укажемъ и подалѣе.

По этой-то причинѣ шелъ сказочникъ Аѳанасій Никитинъ въ желѣзахъ. И желѣза мѣрно гремѣли по пути, и мамка стала подъ нихъ причитывать жалобную пѣснь. На эти звуки, раздирающіе душу, Ана-

стасія встрепенулась. Она вынула изъ своего костянаго ларца нѣсколько *пулъ* и велѣла мамкѣ снести къ бѣдному плѣннику.

— Отнесу, матушка, — говорила мамка, все еще заглядывая въ окно, чтобы не потерять удовольствія зрѣлища,—отнесу, хоть бы самъ Иванъ Васильевичъ стопталъ меня конемъ своимъ. Да вотъ и нашъ басурманъ... Онъ что тутъ?.. Побѣжать, родная, побѣжать, не опоздать.

Лишь только мамка вышла изъ терема, Анастасія осторожно взглянула въ окно и увидѣла, что милый Антонъ предупредилъ ее.

Онъ не выдержалъ, онъ еще разъ хотѣлъ проѣхать мимо дома Образца, проститься съ жилищемъ *ея*, если не съ *ней*, можетъ быть навсегда, догналъ большой полкъ, идущій въ походъ, увидалъ бѣднаго Аѳанасія Никитина, съ которымъ познакомилъ его Андрюша и который не разъ бесѣдовалъ съ нимъ о жизни и природѣ на Западѣ, и спѣшилъ подать стражѣ его горсть серебра. Аѳанасій Никитинъ съ благодарностью взглянулъ на лекаря, но недѣльщикъ отворотился отъ басурмана, и серебро разсыпалось по деревянной мостовой. Въ это время подбѣжала мамка, подала недѣльщику деньги своей боярышни; этотъ перекрестился и принялъ ихъ. Со стыдомъ и негодованіемъ отъѣхалъ Антонъ. Можно вообразить, съ какими чувствами дочь Образца смотрѣла на эту сцену. Все отвращалось отъ басурмана, а она, несчастная, очарованная неземною силою, такъ много, такъ неодолимо любила его.

Разсыпанныя деньги долго лежали на мостовой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАИМКА

Тише ѣдешь, далѣ будешь.
Пословица.

Полки дѣлали самые малые переходы. Они не дошли еще до Клина, а охотники были уже подъ Тверью. Сотни этихъ удальцовъ, подъ воеводствомъ Хабара, наводили страхъ на нее; то являлись въ посадахъ съ гиканьемъ и крикомъ, съ вѣстью о разореніи и гибели, то исчезали въ тверскихъ лѣсахъ, унося съ собою и слѣды свои. Мало того, что Хабаръ успѣлъ переговорить съ тверчанами, которые были преданы Іоанну и куплены имъ заранѣе въ собственныхъ домахъ ихъ; мало, что вывѣдалъ всѣ слабыя стороны непріятельской засады: онъ переплылъ Волгу и установилъ сообщеніе съ войскомъ, которое шло изъ Новгорода, подъ начальствомъ тамошняго намѣстника. Возвратясь на правый берегъ, далъ знать великому ...зю Ивану Васильевичу, что съ своими сотнями ...ковскихъ удальцовъ берется взять Тверь. Въ по...щь просилъ только Аристотелеву пушку. Такъ обна...валъ Хабаръ-Симскій яснаго сокола, свою ратную ...ль, вмѣстѣ съ достойными пайщиками ея.

Иванъ Васильевичъ, котораго по всей справедливости можно было назвать *медлителемъ*, приказалъ черезъ гонца сказать *свое* ласковое *слово*, *первое* Хабару, а *второе* всѣмъ охотникамъ, и извѣстить ихъ, что онъ *идетъ*. И пошелъ онъ, попрежнему, черепашьимъ ходомъ. Перваго, кто осмѣлился слишкомъ громко роптать на эту медленность, великій князь московскій пожаловалъ,—построить ему на перекресткѣ дорогъ высокія хоромы на двухъ столбахъ съ перекладиной. Аѳанасію Никитину снарядили такой же почетъ. Онъ готовился умереть съ твердостью христіанина, но лишь только хотѣли накинуть на него роковую петлю, его освободили и отпустили на всѣ четыре стороны. Сдѣлано ли это по просьбѣ Іоанна младого, или по собственному побужденію великаго князя—неизвѣстно. Разумѣется, тверчанинъ побрелъ въ противную отъ Твери сторону, чтобы не быть свидѣтелемъ пожара и разоренія родного города. На дорогу бояре и простые воины снабдили его щедрыми дарами, а лекарь Антонъ бальзамомъ для рукъ, болѣвшихъ отъ горячаго олова, которымъ онѣ были залиты. Кто встрѣчалъ его, не слыхалъ отъ него жалобы ни на великаго князя, ни на судьбу свою. Молясь и за князя и за простыхъ людей, а болѣе за сохраненіе родного города отъ гибели, и славя одного Господа, онъ поспѣшилъ въ Москву доканчивать недосказанныя сказки.

Великій князь московскій обыкновенно располагалъ станы въ большихъ селахъ. Тутъ останавливались с нимъ Іоаннъ младой, дворчане, большой полкъ съ г сударевымъ стягомъ, Аристотель съ огнестрѣльны орудіемъ и неразлучный касимовскій царевичъ Даньяр

Этого онъ особенно любилъ и жаловалъ за вѣрную, испытанную его службу Руси. На немъ особенно хотѣлъ онъ показать, какъ выгодно татарамъ переходить подъ покровительство русскаго властителя. Прошло ужъ болѣе недѣли, какъ полки выступили изъ Москвы. Было время дня, когда солнце гонитъ росу и прохладу утреннюю. День былъ прекрасный; все въ природѣ улыбалось и ликовало появленіе лѣта: и ручьи, играющіе въ лучахъ солнца, все въ золотѣ и огнѣ, и вѣтерокъ, разносящій благовоніе съ кудрей деревъ, и волны бѣгущей жатвы, какъ переливы вороненой стали на рядахъ скачущей конницы, и хоры птицъ, на разный ладъ и всѣ во славу Единаго. Эта волшебная улыбка, это ликованіе природы растопили и желѣзную душу Ивана Васильевича. Переѣхавъ рѣчку, за селомъ Чашниковымъ онъ велѣлъ разбить шатеръ свой на высотѣ, и полкамъ тутъ же вокругъ расположиться *заимкой*. Онъ въѣхалъ на высоту, скинулъ свой *корзнъ* (военный плащъ) и сошелъ съ лошади. Все это дѣлалось съ помощью различныхъ дворскихъ чиновъ: обряды наблюдались и въ полѣ; и въ полѣ хотѣлъ онъ казаться царемъ.

— Вотъ здѣсь построилъ бы я себѣ село,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, любуясь окрестностью.

И было въ самомъ дѣлѣ чѣмъ любоваться.

Вообще надо замѣтить, что человѣкъ, по врожденной склонности къ красотамъ природы,—можетъ быть, наслѣдственной отъ первобытнаго жильца земли,— ль онъ, или селянинъ, любитъ располагать свои лища на красивыхъ мѣстахъ. Одна нужда, одна неля загоняютъ его на безводныя равнины, въ лѣса, осѣдству болотъ. Въ выборѣ мѣстности для рус-

скихъ городовъ и царскихъ увеселительныхъ селъ особенно замѣтна эта любовь. Иванъ Васильевичъ, любуясь живописною картиной, которую развернулъ передъ нимъ великій художникъ, вспомнилъ свои села: Воробьево, Коломенское, Островъ, свое Воронцово-поле, гдѣ онъ встрѣчалъ весну и провожалъ лѣто въ удовольствіяхъ соколиной охоты и прогулокъ по садамъ. Пока разбивали шатеръ его, онъ сѣлъ на складное кресло, которое всегда за нимъ возили. Вокругъ него стояли Іоаннъ младой и нѣсколько ближнихъ дворскихъ людей. Между ними замѣтенъ былъ сутуловатый татаринъ, который свободнѣе другихъ обращался съ великимъ княземъ. Это былъ касимовскій царевичъ Даньяръ, предметъ особыхъ попеченій его [1]). Въ виду ихъ, подъ гору бѣжали Андрюша и 17-лѣтній сынъ царевича, Каракача: одинъ — типъ европейской красоты, съ печатью отеческой любви Творца къ своему творенію на всей его наружности, другой — узкоглазый, смуглый, съ высунутыми скулами, звѣрообразный, какъ будто выползъ на свѣтъ изъ смрадной тины тропиковъ вмѣстѣ съ гадами ихъ, съ которыми смѣшалъ свою человѣческую породу. Каракача поймалъ голубя и собирался разрубить его ножомъ; Андрюша вступилъ въ борьбу за крылатаго плѣнника: уступая татарину въ силѣ, но гораздо сметливѣе и ловче его, онъ успѣлъ выхватить во-время жертву и пустить ее на волю. За минутною ссорой послѣдовала мировая, заключенная уступкою какой-то монеты, которая очень нравилась татарскому царевичу. Оба, сбр

[1]) Во многихъ граматахъ того времени видна примѣчательн заботливость о его благосостояніи.

сивъ съ себя тяжесть вооруженія, спѣшили освободиться отъ жара, ихъ томившаго, въ студеныхъ водахъ рѣчки. Товарищество во дворѣ великокняжескомъ, куда они каждый день ходили, будто въ школу, сближало ихъ и заставляло забывать различіе ихъ вѣръ и нравовъ (Каракача былъ еще магометанинъ).

— Отважные ребята!—сказалъ Иванъ Васильевичъ, обратясь къ царевичу татарскому и художнику, — будутъ знатные воеводы у сына моего, коли Богъ не дастъ мнѣ самому ихъ дождаться.

Эта похвала навела удовольствіе на лица обоихъ отцовъ.

— А когда жъ окрестимъ твоего сына?—спросилъ великій князь царевича.

— Придетъ пора, будетъ время, батька Иванъ, — отвѣчалъ Даньяръ.—Ты самъ не спѣшишь, да здорово дѣлаешь.

— По фряжской пословицѣ, что меня Аристотель научилъ: —«тише ѣдешь, далѣ будешь». Я и тебя не неволю. Отецъ твой и ты служили мнѣ вѣрно, хоть и не крещеные были. Ради спасенія души молвилъ только о крещеніи.

— Глупо еще дѣтко. Вотъ коли въ чистомъ полѣ срубитъ двѣ головки тверскія, такъ батырь; пора крестить и жену взять.

— Добро! а я ему и невѣсту готовлю, красота писаная! Будетъ однихъ лѣтъ съ твоимъ сыномъ.

— Кто жъ такая, батька?

— Дочь воеводы Образца.

При этихъ словахъ легкое содроганіе пробѣжало губамъ Іоанна младого, Антонъ вспыхнулъ и поднѣлъ. Иванъ Васильевичъ все это замѣтилъ.

— За нее отдамъ свое дѣтко, — сказалъ царевичъ съ видимымъ удовольствіемъ.—Говорятъ, славна дѣвка! тафьи вышивать умѣетъ; почернимъ ей зубки да выкрасимъ ноготки, и хоть сейчасъ къ нашему пророку Махмуту въ рай.

Иванъ Васильевичъ очень смѣялся этому назначенію.

Шатеръ для него разбитъ, стража приставлена. Возлѣ соорудили и походную церковь полотняную (въ ней же постлали сперва кожу, а на ней *платъ*, на которой и ставили алтарь; когда жъ снимали церковь, палили мѣсто подъ нею огнемъ). Великій князь вошелъ къ себѣ въ палатку съ сыномъ, и всѣ дворчане разошлись по своимъ мѣстамъ

Тверскую дорогу и поле съ сѣверной стороны оградили рогатками, телѣгами и стражей. Полки (были одни конные въ тогдашнее время) усѣяли окрестность такъ, что шатеръ великаго князя составилъ средоточіе ихъ. А какъ располагались тогда полки? что за *заимки*, станы были тогда? Просто разбивали шатеръ для каждаго изъ воеводъ, тутъ же ставили возъ съ полковымъ стягомъ; близъ него, на возахъ — огнестрѣльный снарядъ, состоящій изъ пищалей, и пушки, если случались. Лошадей пускали табунами на луга или засѣянныя поля, какъ попало; сами ратники располагались *десятнями* (артелями) въ виду воеводы, варили себѣ въ *опанищахъ* (мѣдныхъ котлахъ) похлебку изъ сухарей и толокна, пѣли пѣсни, сказывали сказки, и все по открытымъ небомъ, несмотря на дождь и снѣгъ, и морозъ и жаръ. Что имъ было до нападенія стихій! Природой и воспитаніемъ они закованы были отъ нихъ въ желѣзную броню. Лошади, рожденныя въ степяхъ

азіатскихъ, не хуже своихъ всадниковъ терпѣли непогоды и довольствовались тощею пищей.

Грустенъ, мраченъ лежалъ Антонъ въ шатрѣ Фіоравенти-Аристотеля. Во время похода онъ старался заглушить голосъ сердца занятіями своего званія. Онъ углублялся въ рощи, опускался на дно овраговъ, собиралъ тамъ растенія, которыхъ врачебную силу ужъ зналъ, и тѣ, которыя неизвѣстны были въ южныхъ странахъ: эти готовилъ онъ въ даръ мѣсту своего воспитанія. Останавливался ли въ деревнѣ, тогда черезъ *паробка* своего узнавалъ о вѣдяхъ и колдунахъ, о которыхъ слыхалъ отъ Аристотеля, что они хранятъ врачебныя тайны, передаваемыя изъ рода въ родъ. Нѣкоторыя изъ этихъ тайнъ успѣлъ онъ вывѣдать съ помощью ужасной власти великаго князя или золота. Такъ, возвратясь къ своимъ ученымъ занятіямъ, онъ, казалось, ставилъ крѣпкую, высокую ограду между собой и Анастасіей, которой образъ часто осаждалъ его. Предразсудки Образца, его отвращеніе къ нему, воспитаніе, отечество, вѣра, множество другихъ препятствій, около него роившихся при первой мысли о союзѣ съ ней, приходили на помощь наукѣ и разсудку, чтобы побороть чувство, которое его одолѣвало. Но когда Антонъ услышалъ имя Анастасіи въ устахъ нечистаго магометанина, — имя, которое онъ произносилъ съ благоговѣйною любовью въ храмѣ души своей, съ которымъ онъ соединялъ все прекрасное [illegible]ли и неба; когда услышалъ, что дарятъ уроду-та[illegible]ину Анастасію, ту, которою — думалъ онъ — [illegible]кто не вправѣ располагать, кромѣ него и Бога, [illegible]да кровь бросилась ему въ голову, и онъ испугался [illegible]сли, что она будетъ принадлежать другому. Ни-

когда еще эта мысль не представлялась ему въ такомъ ужасномъ видѣ. Такъ страстный любитель искусствъ, поэтъ-художникъ въ душѣ, ходившій каждый день въ картинную галлерею поклониться *одной* Мадоннѣ, видитъ вдругъ, что ее продаютъ съ молотка. Вотъ ужъ неземную оцѣнили торгаши; свѣтскіе люди, презрѣнные ростовщики, жиды, перебираютъ ея достоинства, находятъ въ ней погрѣшности. Любитель отдалъ бы за нее все свое имущество, отдалъ бы себя, но онъ имѣетъ мало *вещественнаго*, онъ самъ нейдетъ въ цѣну, и божественная должна принадлежать другому. Въ его душѣ отзывается уже крикъ аукціониста: «кто больше?» — съ замираніемъ сердца видитъ онъ — поднятъ уже роковой молотокъ... Въ такомъ состояніи былъ Антонъ.

За чтожъ онъ любилъ Анастасію?.. Онъ съ нею никогда не говорилъ, а для такой пламенной, глубокой любви, какова его, мало одной красоты наружной. Конечно, мало; но онъ видѣлъ въ глазахъ ея красоту душевную, пламенную любовь къ нему, что-то непостижимое, неразгаданное; можетъ быть, свое прошедшее въ мірѣ иномъ, доземельномъ, можетъ быть свое будущее, свое второе *я*, съ которымъ онъ составитъ одно въ той *обители*, которыхъ Сынъ Божій назначилъ *многія* въ дому Отца Своего. Расторгнетъ ли онъ это сочетаніе, этотъ бракъ двухъ душъ, отдастъ ли онъ другому свое второе *я* на земное поруганіе? Нѣтъ, этому не бывать.

Аристотель глазами отца видѣлъ, какъ быстрь румянецъ и необыкновенная блѣдность лица Антоно измѣнили тайнѣ его сердца, когда великій князь заг ворилъ о дочери боярина, какъ потомъ неодолим

грусть пожирала его. Встревоженный, онъ искалъ развлечь своего молодого друга и началъ разбирать съ нимъ характеръ Іоанна.

— Да, — сказалъ художникъ-розмыслъ: — qui va piano, va sano, эту родную пословицу перевелъ я когда-то великому князю на русскій ладъ. Іоаннъ много утѣшался ею, и немудрено: она выводъ изъ всѣхъ его подвиговъ. И потому хочу я выбрать ее девизомъ для медали великаго устроителя Руси.

— Не слишкомъ ли во зло употребляетъ онъ эту осторожную медленность?—возразилъ Антонъ, вызванный на поле разсужденій, отъ котораго душою былъ такъ далекъ. — Ты сказалъ мнѣ, что Іоаннъ хитрою политикой своей заранѣе все приготовилъ къ покоренію Твери. Мнѣ кажется, судя по обстоятельствамъ, стоитъ ему только нагрянуть на нее страхомъ своего имени и войска, и тотчасъ достигнетъ цѣли, для которой онъ теперь тратитъ время.

— Сколько я понимаю его намѣренія, Іоаннъ желаетъ, чтобы великій князь тверской догадался бѣжать изъ своей столицы, оставивъ ему безъ боя вѣрную добычу. Тотъ ждетъ все помощи изъ Литвы и думаетъ, что Новгородъ, недавно покоренный, не пришлетъ Іоанну своего войска. Этотъ навѣрное знаетъ, что помощи Твери ниоткуда не бывать; словомъ, своей желѣзной волей онъ приказалъ Новгороду идти на врага, и, покорный этой волѣ, Новгородъ стоитъ ужъ [illegible] своей ратью у стѣнъ Отрочьева монастыря. Можетъ [illegible]ться, великій князь, какъ ты говоришь, дѣйствительно разсчитываетъ слишкомъ осторожно: не спо[illegible],—онъ рожденъ не воиномъ, а политикомъ. Медленность, прибавь къ этому и прозорливость, всегда уда-

вались ему; всѣ успѣхи его были слѣдствіемъ того, что онъ умѣлъ выждать удобное *для себя* время. Видно, онъ и теперь боится, или не хочетъ промѣнять на новыя, неиспытанныя орудія старое, которое ему никогда не измѣняло. Не даромъ говоритъ Стефанъ, господарь молдавскій: «Дивлюсь свату моему: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и все-таки бьетъ враговъ. Я всегда на конѣ и въ полѣ, и не сумѣю защищать земли своей». Да, онъ не суетится, не гарцуетъ безпрестанно на бранномъ конѣ, не кричитъ о своихъ завоеваніяхъ и намѣреніяхъ, а готовитъ тихомолкомъ, втайнѣ, дѣла великія, которыхъ исполненіе изумляетъ другихъ государей. «Удача! счастіе!» кричатъ его недоброжелатели или завистники. Удача?.. Она безъ генія можетъ разъ, другой увѣнчать государственнаго дѣлателя, полководецъ ли онъ, совѣтникъ царя или царь; но тотъ жестоко бываетъ наказанъ, кто понадѣется на нее безъ другихъ важныхъ пособій. Нѣтъ, почти всѣ успѣхи Іоанна принадлежатъ силѣ духа, твердости воли, уму хитрому, ловкому, искусству приготовлять для себя обстоятельства и пользоваться ими. Исторія, конечно, причтетъ его къ малому числу великихъ дѣлателей, которые перемѣняютъ судьбу царствъ и устраиваютъ ее на нѣсколько вѣковъ. Имя устроителя Руси, конечно, принадлежитъ Іоанну. И когда бъ не жестокій нравъ его, врожденный и усиленный воспитаніемъ и мѣстностью, то мы могли бы гордиться счастіемъ служить ему. Не намъ, слабымъ смертнымъ, пророчить его будущность: ст рость брюзгливая, болѣзненная, обыкновенно прит пляетъ способности ума и усиливаетъ худыя скло ности. Но какова бъ ни была она, Русь должна

все, что Іоаннъ сдѣлалъ ужъ для нея, произносить имя его съ благоговѣніемъ. Если хочешь искать въ его царствованіи пятенъ,—отъ нихъ же слабость человѣческая не избавляетъ ни одного правителя народнаго,—такъ строгая истина укажетъ тебѣ покуда на одно, и не бездѣльное. Это пятно не вытравить жаркимъ оправданіемъ людей, ему преданныхъ; его не изгладятъ упрямые софизмы будущихъ умниковъ и тщеславная сила ихъ краснорѣчія. Черное не сдѣлаешь бѣлымъ.

Увлеченный любопытствомъ, Антонъ просилъ художника объяснить ему, за что строгая истина могла-бъ призвать Іоанна къ суду потомства. Аристотель спѣшилъ исполнить его желаніе.

— Что такое были для Руси монгольскія орды?— началъ снова Аристотель: — двухвѣковая судьба, которая налегла на эту несчастную страну всею тяжестью своего могущества. Востокъ, переполненный своимъ населеніемъ, готовъ былъ внести вмѣстѣ съ нимъ стихіи варварства, гдѣ бъ ему ни приглянулось. Ангелы Божіи спѣшили сдѣлать изъ Руси оплотъ для Запада, въ которой только-что раскидывался цвѣтъ образованности и куда манили завоевателей богатыя добычи. Итакъ, Русь была несчастною жертвой для спасенія другихъ. Когда назначеніе ея исполнилось, ей дана, еще до Іоанна, передышка. Іоанну готовилась слава освободителя своего отечества отъ двухвѣковаго ига. Вотъ какъ это было: Ахматъ, царь Золотой Орды, многочисленною ратью явился на Руси. По обыкновенію своему, великій князь не дремалъ. Въ богатствѣ сокровищницѣ своего ума и воли онъ отыскалъ нужныя средства отразить ужаснаго непріятеля и

приготовилъ ихъ, какъ нельзя лучше. Одушевленіе народа, увѣренность его въ побѣдѣ, бодрость и сила войска, неискусные разсчеты Іоанновыхъ непріятелей, ошибки самого Ахмата, все соединилось, чтобы ручаться за торжество Руси. И чтожъ, когда наступилъ роковой часъ ударить, когда самъ Ахматъ видимо колебался, наступать ли ему или защищаться, Іоаннъ упалъ духомъ, — да, упалъ духомъ, это настоящее слово, — сталъ медлить, отлагать нападеніе. Правда, наступила для него рѣшительная минута, потерять ли ему плоды своихъ побѣдъ, выигранныхъ умомъ, или утвердить ихъ, быть или не быть Руси свободной. Но въ такія именно минуты и познается величіе правителя народнаго. Когда онъ самъ себѣ былъ лучшимъ совѣтникомъ въ пріисканіи великихъ мѣръ, когда успѣшно, надежно приготовлены были эти мѣры, онъ пріѣхалъ отъ войска въ Москву подъ предлогомъ совѣщаній съ матерью, съ духовенствомъ и боярами. Мать, духовенство, большинство бояръ, голосъ Божій — голосъ народа, убѣждали его сразиться съ непріятелемъ. Онъ не послушался тѣхъ, у которыхъ пріѣзжалъ просить совѣта, а послушался низкихъ царедворцевъ, умѣвшихъ пользоваться слабостью своего властителя; ихъ тайныя рѣчи льстили его упавшему духу. Вмѣсто того, чтобы утверждать народъ въ надеждѣ и бодрости, онъ только пугалъ его нерѣшительностью и рѣзкими мѣрами обезопасить свое семейство. Врагъ былъ еще очень далеко: чего-жъ было ему опасаться за бли-кихъ ему? Когда царь защищаетъ права и честь сво[illegible] народа на войнѣ, царица должна оставаться съ на[illegible]домъ, залогомъ его спокойствія, — по крайней мѣ[illegible] до послѣдней крайности, если у ней недостаетъ ду[illegible]а

умереть съ честью этого народа. Напротивъ, Іоаннъ спѣшилъ заблаговременно отправить Софію, дѣтей своихъ, изъ Москвы, далеко, въ сѣверныя области. Чудная политика, чтобы успокоить народъ!.. Осталась въ столицѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, мать великаго князя, хилая старушка, и эта голова, клонившаяся ко гробу, служила народу порукою его спокойствія, около нея столпилось упованіе Москвы. Чтожъ было бъ, когда осталась Софія?.. Народъ ожидалъ, что великій князь, по примѣру Донского, поспѣшитъ ѣхать къ войску, а онъ спѣшилъ жечь посады, обвѣстивъ народъ этимъ печальнымъ знаменіемъ, что ждетъ непріятеля въ Москву. Присутствіе его въ войскѣ, которое съ нетерпѣніемъ желало видѣть его посреди себя, было лучшимъ ручательствомъ за побѣду. Вмѣсто того, чтобы ѣхать къ нему, онъ звалъ къ себѣ — опять для совѣта — начальника войска, князя Холмскаго, и сына своего Іоанна. Въ какое же время? Когда первый своимъ умомъ, мужествомъ, опытностью, славнымъ именемъ побѣдителя Новгорода, былъ главною силою войска, когда второй, любимый Русью, былъ его душою. Оставить дружину въ этотъ рѣшительный, роковой часъ казалось имъ ужаснымъ преступленіемъ, за который они должны дать отвѣтъ Богу, и оба исполнили свое дѣло: оба не послушались приказанія Іоаннова. Льстецы великаго князя обвиняли ихъ, но самъ Іоаннъ лучше понялъ ихъ подвигъ и свой проступокъ, — онъ не взыскалъ за ослушаніе и никогда не мстилъ за него. Наконецъ онъ прибылъ к войску, и тутъ старался быть вдали отъ мѣста д йствія. Сталъ опять дожидаться,—чего? Чтобъ духъ в новъ утомился бездѣйствіемъ, потерялъ бодрость,—

и дождался. Войско бѣжало при первомъ движеніи Ахмата. Но Провидѣніе было на сторонѣ Руси. Ахматъ, думая, что хитрый Іоаннъ завлекаетъ его въ засаду, самъ бѣжалъ; узнавъ же о разореніи татарами его улусовъ, оставилъ вовсе Русь, чтобы защитить свои собственныя земли. И это *счастіе*, эти разсчеты свыше совѣтники Іоанновы причли къ его предусмотрительности, къ его утонченнымъ и переутонченнымъ разсчетамъ. Слова ничего не доказываютъ, если дѣла противорѣчатъ. Народъ справедливѣе славилъ одну милость Божію. «Не оружіе и не мудрость человѣческая спасла насъ, а Господь небесный», говорилъ народъ вслѣдъ за духовными пастырями, и говорилъ вѣрно. Исторія не панегирикъ: она скажетъ то же. Передаю это тебѣ не для того, чтобы омрачить величіе Іоанна, устроитель своего государства, и съ этимъ важнымъ проступкомъ, будетъ всегда великъ въ глазахъ современниковъ и потомства [1]).

— Ну, кончилъ ли объ Ахматѣ?—спросилъ кто-то рѣзкимъ голосомъ, пошевеливъ полу шатра.

Аристотель невольно вздрогнулъ и смутился: это былъ голосъ великаго князя.

Полы ставки раздвинулись, и Іоаннъ, показавъ между ними свое лицо, подернутое ироническою усмѣшкой, продолжалъ:

— Не мало стою здѣсь, а только и слышу въ рѣчи твоей: Іоаннъ, да Ахматъ, да Софья, и опять Ахматъ,

---

[1]) Романистъ, можетъ быть, не у мѣста увлекся описаніемъ Іоаннова проступка. Оправданіемъ мнѣ служитъ можетъ, что я желалъ принесть должную дань истинѣ, водившей перомъ Карамзина при описаніи Іоаннова проступка, который защищаетъ г. Полевой, безъ всякихъ историческихъ и логическихъ доказательствъ.

да Іоаннъ. Не трунишь ли надъ старыми грѣхами моими?.. Крыться не хочу: было время, и я оплошалъ, оробѣлъ, самъ не знаю какъ. Кто этому теперь повѣритъ?.. Правду молвить, и было чего бояться! Въ одинъ часъ могъ потерять, что улаживалъ годами и что замышлялъ для Руси на нѣсколько вѣковъ. Господь выручилъ. Но... по нашей пословицѣ, «кто старое помянетъ тому глазъ вонъ». Оправь меня въ этомъ дѣлѣ передъ нѣмцемъ. Спи здорово, Аристотель!

Съ этимъ словомъ Иванъ Васильевичъ опустилъ пологъ и удалился, оставя собесѣдниковъ въ немаломъ смущеніи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОВОДЫ

Что привезъ-то я тебѣ, сватъ, дары,
Золотой ларецъ, въ немъ стрѣлы калены,
Гребешокъ самохватъ о двухъ зубахъ.
Молодцу на подъемъ, посмотрись какъ въ стекло
Что гостинцемъ однимъ сердце потѣшу,
А другимъ-то гостинцемъ спать уложу.

Старинная пѣсня.

Войско Іоанново наводнили окрестность тверскую на нѣсколько десятковъ верстъ О прибытіи его возвѣщено ударомъ огромной пушки—только однимъ; отъ этого удара лихорадка забила дома и сердца тверитянъ. Молчаніе, наступившее потомъ, было еще ужаснѣе: такъ лежащему на смертномъ одрѣ природа даетъ минутный отдыхъ передъ его кончиной. Ночь одѣла городъ и окрестность своимъ мракомъ, но скоро послѣдняя заискрилась въ тысячѣ огняхъ, словно богатый парчевой покровъ, который готовятъ на знатнаго мертвеца. Что дѣлала Тверь въ эту ночь? — Что дѣлаетъ несчастная, готовясь на вдовство, безсильная отнять своего родного, своего ненагляднаго у вр. всемогущаго? Только рыдаетъ и бьетъ себя въ пер

Утро слѣдующаго дня освѣтило сотни займи московскихъ, на поляхъ встала безграничная ко

пада дымовъ. Полканъ-пушка выставилъ впередъ широкую грудь свою; вотъ онъ громко привѣтствовалъ первый лучъ солнца, и его пробужденіе отозвалось въ посадѣ Твери; оно сокрушило нѣсколько домишекъ и раздавило подъ однимъ цѣлое семейство. Вслѣдъ за этимъ богатыремъ проснулись задорные ребятишки его и залепетали по-своему: подожди, Тверь, вотъ и и мы зададимъ тебѣ нечестье, коли ты чести не знаешь. По крайней мѣрѣ такъ толковали тверскіе смѣльчаки, приходившіе поглядѣть изъ-за крайнихъ тыновъ посада на непріятельскій станъ. Они видѣли, какъ застрѣльщики нѣмцы утверждали пищали на станкахъ и желѣзныхъ вилахъ, какъ ратники плели изъ хворосту осадные плетни и заливали ихъ смолою, какъ *десятни* (отряды), вооруженные луками, бердышами и рогатинами, описывали Тверь серпомъ со стороны Москвы. Они видѣли все это и разносили по домамъ ужасныя вѣсти. «Не устоять Твери», кричали по улицамъ небывалые юродивые: «жатва приспѣла, жнецы наготовѣ». Черный воронъ вмѣстѣ съ ними прокричалъ городу смерть на крестѣ Спаса златоверхаго и на гребнѣ великокняжескаго терема. Не менѣе вѣщіе князья и бояре, тайные доброжелатели Ивана Васильевича, распускали между народомъ и защитниками Твери о невозможности противиться силѣ московскаго князя.—«Ударитъ грозный владычною рукою, такъ сравняетъ съ землей; посыплетъ милости, что твое солнышко послѣ дождя», — говорили они. Прошелъ день, и они явились къ великому князю московскому съ покорною головой.

Тверь была ужъ покорена безъ боя. Но великій князь ея, Михайло Борисовичъ, и бояре, оставшіеся

эму вѣрными, хотѣли еще защищаться. Они заперлись съ войскомъ въ *городкѣ*, который съ одной стороны омывала Волга, съ другой Тьмака; ворота задѣланы, изъ *костровъ* (башенъ) выглянули пищали, зубцы перенизаны воинами, вооруженными смолой, каменьемъ, стрѣлами. Твердыня мертвая и живая готова принять осаждающихъ кровавымъ гостинцемъ. Слабая защита, когда надежда отступилась отъ защитниковъ и измѣна шепчетъ имъ на сердце роковое слово гибели.

Иванъ Васильевичъ стоялъ въ деревнѣ Кольцовѣ, откуда могъ видѣть Тверь какъ на ладони. Явился къ нему Хабаръ-Симской за повелѣніемъ. Онъ зналъ, что Михайло Борисовичъ, дрожа за свою безопасность, а болѣе молодой супруги своей, внуки короля польскаго Казиміра, собирается въ слѣдующую ночь бѣжать изъ городка. Хабаръ брался захватить ихъ, и въ этомъ дѣлѣ отдавалъ голову свою порукой.

— Что мнѣ въ нихъ? — сказалъ Иванъ Васильевичъ:—кормы заключеннымъ мнѣ и такъ накладны. Пускай бѣгутъ въ Литву: измѣнники Руси измѣнниками и останутся. Отрѣзанный ломоть не прирѣжешь силою. Пустить Михайла Борисовича на всѣ четыре стороны, зналъ бы Казиміръ, что тверской его пріятель и сватъ мнѣ не опасенъ. Тверь и безъ заложника будетъ крѣпка за мною.

И въ этомъ случаѣ разсчеты его были вѣрны. Наединѣ поговорилъ онъ еще что-то съ Хабаромъ — разговоръ ихъ остался тайною.

У Хабара во всѣхъ заимкахъ были пріятел Много чуднаго поразсказалъ онъ имъ о Твери. — одно ухо нырнулъ, въ другое выпырнулъ, — говор

онъ, — и Спасу златоверхому успѣлъ поклониться. Удальцы тверчане продавали и покупали мою голову, да я молвилъ имъ: «не задорьтесь, ребята, попусту, не надсаживайте напрасно груди; жаль мнѣ васъ, и безъ того чахнете: продана моя буйная головушка золотой маковкѣ Москвѣ, дешево не отдастъ, дорого вамъ нечѣмъ самимъ заплатить.»

— Ну, что, много ли полонилъ красотокъ тверскихъ? много ли бочекъ выкатилъ на волю изъ тюремъ боярскихъ?—спрашивали московскія удалыя головы.

— Полонилъ я только одну красавицу, разумную думушку,—отвѣчалъ Хабаръ:—она шепнула мнѣ полюбовное слово и вамъ велѣла молвить: родные-то мы, братцы, по святой по Руси, родные скоро будемъ и по батюшкѣ Ивану Васильевичу. Приду я къ вамъ, мои кровные, припаду къ вашимъ ногамъ: примите меня, друженьки, во свою семью. Вамъ раскрою бѣлу грудь мою: выроньте въ нее сѣмя малое, слово ласково разрастется широкимъ деревцомъ. Снимите вы голову, не плачьте по волосамъ; помилуйте, буду въ вѣкъ вамъ рабыней-сестрой.

— На то и пономарь, чтобъ къ обѣднѣ звонить, а намъ, ребятишкамъ, не въ попы же идти!—возражали прежніе товарищи Хабара-Симскаго.—Любо ль будетъ приходу, какъ станетъ зельемъ снарядным кадить, кистенемъ по лбу крестить.—Попалъ ты, Хабаръ, въ воеводы, не въ уроды. Думушку ты постную изъ кельи взялъ напрокатъ; не твоя она, не срослась съ
ой, дружокъ: слышишь, зашумѣла, прокатилась, и
докъ простылъ. Дума-то твоя родная, молодецкая,
разгулъ буйнаго вѣтра въ степяхъ, что размашка
ола въ вольныхъ кругахъ: эта съ тобой, словно

берегъ съ водой. Дѣвица ль, вдова ль хороша, то и наша сестрица-душа; поцѣлуешь въ уста — что хмѣлина твоя, поцѣлуешь въ другой—*сердобольникъ* [1]) что твой, а заглянешь въ стопу, и горе за лобъ. — Ты, Хабаръ, воевода Ивана Васильевича на конѣ боевомъ, а нашъ—протянувшись подъ лавкой, столомъ.

Такъ помѣнялись молодцы посылками на русскій ладъ. Бочки меду, добытыя въ окружныхъ погребахъ боярскихъ, красовались въ станѣ и глядѣли очень умильно на Хабара; рѣчи товарищей разжигали въ немъ прежнюю удаль. Но онъ помнилъ свой обѣтъ отцу, свои обязанности, какъ воинъ отрядный, и отблагодарилъ друзей только одною красаулей.

Отъ нихъ зашелъ онъ въ шатеръ Аристотеля. Съ нимъ долженъ былъ повидаться и поговорить на счетъ освѣщенія будущей ночи. Живой разсказъ его о веселой жизни въ *охотникахъ* воспламенилъ молодого лекаря и Андрюшу; оба умоляли посыльнаго воеводу взять ихъ съ собой въ ночную экспедицію. Хабаръ помнилъ услуги лекаря во дворѣ Палеолога и невольно любилъ его, несмотря на басурманство. По добротѣ души своей, сынъ Образца готовъ былъ на услуги всякаго рода. Онъ согласился принять его въ свой отрядъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Антонъ одѣлся и остригся по-русски. Этотъ вызовъ льстилъ сердцу Антона: «*она* узнаетъ объ этомъ преобразованіи, *она* увидитъ его въ русской одеждѣ», думалъ молодой человѣкъ, дитя душою, и самъ подалъ ножницы Хабару. Пали кольца его прекрасныхъ, длинныхъ волосъ к ногамъ посыльнаго воеводы,—и чрезъ нѣсколько мги

---

[1]) Такъ называютъ шиповникъ въ Тверской губерніи.

вѣній нѣмецъ-лекарь преобразился въ красиваго русскаго молодца. Нашли для него доспѣхи, шлемъ, латы, мечъ-кладенецъ. Воинственный нарядъ такъ шелъ къ нему, какъ будто онъ не скидалъ его никогда. Видно было, что онъ родился для ремесла воина и судьба ошибкою указала ему другое назначеніе.

— Ты берешь у меня обоихъ дѣтей моихъ,—сказалъ розмыслъ Хабару, принеся позволеніе великаго князя «молодымъ ребятамъ поохотиться», — смотри, береги ихъ, какъ родныхъ братьевъ.

На прощанье подарилъ онъ каждому изъ нихъ желѣзныхъ яблокъ, начиненныхъ порохомъ, кто сколько могъ взять, объяснивъ способы храненія и употребленія ихъ. Онъ только-что ихъ пріобрѣлъ и назвалъ «потѣшными». Яблоки эти должны были ужасно дѣйствовать на воображеніе нашихъ предковъ, видѣвшихъ бѣса во всякомъ орудіи, которое превышало ихъ понятіе; сравнивая ихъ съ нынѣшними гранатами, можно догадываться и объ ужасныхъ слѣдахъ, которые они оставляли по себѣ.

Кто посѣщалъ Жолтиковъ монастырь по дорогѣ, провожающей Тьмаку, останавливался, конечно, не разъ полюбоваться ея живописными излучинами. Васъ не поразятъ здѣсь дикіе, величественные виды, напоминающіе поэтическій мятежъ стихій въ одинъ изъ ужасныхъ переворотовъ міра; вы не увидите здѣсь грозныхъ утесовъ, этихъ ступеней, по коимъ шли титаны на брань съ небомъ и съ которыхъ пали, разсавъ въ неравномъ бою обломки своихъ оружій, ынѣ пугающіе воображеніе; вы не увидите на слѣ- потопа, остывшихъ, когда онъ стекалъ съ остова и, вѣкового дуба, этого Оссіана лѣсовъ, воспѣва-

ющаго въ часъ бури побѣду неба надъ землей; вы не услышите въ ревѣ потока, брошеннаго изъ громовой длани, вѣчнаго отзыва тѣхъ богохульныхъ криковъ, которые поражали слухъ природы въ ужасной борьбѣ созданія съ своимъ Творцомъ. Нѣтъ, васъ не поразятъ здѣсь эти дикія, величественныя картины. Скромная рѣчка, будто не смѣющая разыграться, — смиренный лепетъ водъ ея, мельница тихо говорящая, берега, которые возвращаются къ дорогѣ, лишь только, забывшись немного, убѣжали отъ нея, — лужокъ, притаившійся въ кустахъ, темный боръ, который то вздыхаетъ, какъ отшельникъ по небѣ, то шепчетъ словно молитву про себя, то затянетъ томный, сладкозвучный мотивъ, будто псалмопѣвецъ, въ глубокой думѣ перебирающій золотыми струнами своихъ гуслей; въ виду два монастыря, жилище архипастыря, кругомъ глубокое уединеніе: все напоминаетъ вамъ по вашему пути, что вы идете въ духовную обитель.

Вотъ здѣсь-то у самой дороги, провожающей рѣчку Тьмаку, стояла во время, которое описываемъ, небольшая мельница (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ стоитъ она). Колеса молчали: тверчанамъ и окружнымъ чернымъ людямъ, занятымъ военною тревогою, было не до житейскихъ заботъ, — не до молотья муки, когда въ жерновахъ судьбы выдѣлывалась участь цѣлаго княжества. Было время къ ночи, и потому единственные жильцы мельничной избушки, хозяинъ ея, старикъ сѣдовласый, и мальчикъ лѣтъ 12-ти, пріемышъ его, нѣмой, укладывались спать. Тишину ихъ уединен нарушалъ только переговоръ рѣчки, которая, съ жал бою на свое заключеніе, слезилась кое-гдѣ сквозь пл тину. Вдругъ мальчикъ сталъ прислушиваться, зам

халъ рукою и замычалъ. Слухъ нѣмого былъ чрезвычайно остеръ; жалкіе звуки всегда вѣрно давали знать о приближеніи посѣтителя или прохожаго. И нынѣ эти предвѣщанія, заставившія старика выглянуть въ окно, вскорѣ оправдались. Послышался топотъ конницы. Старикъ зажегъ лучину, и свѣтъ отъ нея, выпадавшій изъ окна на лѣвый берегъ рѣчки, безпорядочно освѣтилъ толпу всадниковъ. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ лошади и просилъ мельника голосомъ, не смѣвшимъ громко обнаружиться, чтобы онъ показалъ имъ дорогу черезъ плотину. Просьба эта была немедленно исполнена, и всадники, которыхъ мельникъ насчиталъ десятковъ до десяти, перебравшись черезъ плотину, расположились на правомъ берегу Тьмаки. Болота и выкопанные между ними рвы охраняли съ этой стороны отъ нападенія непріятеля. Оставшіеся на лѣвомъ берегу всадники, можетъ быть до двадцати, засѣли на мельничномъ дворѣ и въ самой избушкѣ. Это была тверская дружина, которую князь Михайло Холмскій (родственникъ московскаго воеводы, *служебнаго* князя Данилы Дмитріевича), одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своего государя, почти неволею набралъ и отрядилъ сюда. Ратники, ее составлявшіе, пришли будто на погребальную процессію, и не мудрено: ихъ нарядили не защищать своего князя въ стольномъ градѣ, у гробовъ его вѣнчанныхъ предковъ, подъ сѣнью Спаса златоверхаго, а проводить человѣка, который пересталъ быть ихъ государемъ и добровольно, безъ боя, остаетъ ихъ на произволъ другого, уже побѣдителя имъ своимъ именемъ. Не простившись по-добру по-здорову съ своими подданными, ночью, какъ тать, адывая отъ нихъ великаго князя и святость всего,

что съ этимъ именемъ соединяется, онъ бѣжитъ робкимъ изгнанникомъ въ землю литовскую, искони вражескую. Этимъ постыднымъ бѣгствомъ не разрѣшаетъ ли ихъ присягу? Довольно и этой мысли, чтобы потерять бодрость. Къ ней примѣшались убѣжденія и подкупъ Іоанновыхъ недоброжелателей, слухи о милостяхъ, которыми сильный и богатый московскій великій князь, неминуемый ихъ властитель, станетъ осыпать тѣхъ, кто скорѣй перейдетъ на его сторону, и слухи о казняхъ, которыя падутъ на упрямыхъ и опоздалыхъ Не прошло часа, какъ большая часть ихъ, одинъ за другимъ, подъ разными предлогами, выбралась за кусты, направила путь свой вверхъ по лѣвому берегу рѣчки и въ удобномъ мѣстѣ перебралась въ займища московскія. Они потому только этого прежде не сдѣлали, что изъ города не было возможности перебраться туда безопасно. Какой-нибудь десятокъ храбрыхъ воиновъ, оставшихся въ кустахъ, не измѣнилъ покуда своему долгу. И была важная тому причина, — сонъ ихъ одолѣлъ. Они предались ему, затрубя во славу князя Михаила Борисовича и Ивана Васильевича, безъ различія, кто кому приснился.

Голова этой дружины ничего не подозрѣвалъ; онъ сидѣлъ спокойно въ избѣ, обращая рѣчь то къ мельнику, то къ *сотскимъ* и *десятскимъ*, которые съ нимъ были, или прислушивался. Къ полночи поджидалъ онъ условнаго знака со стороны старицкой дороги.

— Что это, сынишка твой?—спросилъ онъ мельника, указывая на мальчика.

— Пріемышъ, батюшка. Вотъ въ *Оспожино г впйно* [1]) минетъ три года, нашелъ я его въ монасты

[1]) Успенскій постъ.

скомъ лѣсу. Словечка не выронилъ, — знать, *обошелъ* его *лѣсовикъ*. Съ того денечка нѣмъ, аки рыба. Ни роду, ни племени не обыскалось, такъ я ему, вѣдаешь, сталъ родной.

Тутъ начались разсказы тверскихъ воиновъ о разныхъ нѣмыхъ, которые такими сдѣлались, потому что ихъ *обошелъ* лѣсовикъ.

— А что лѣсовикъ съ твоимъ *хозяиномъ* ладитъ?— спросилъ опять голова.

— Грѣхъ молвить, помянуть его лихомъ незачто; да и насъ непрочто обиждать; палаты его брусяныя бережемъ, безчестья ему не кладемъ.

— Чай, въ гостяхъ у тебя, дѣдушка, бывалъ?

— Не безъ того, родимый.

— Самъ зашелъ, или ты позвалъ его милость? угостилъ ты его калачомъ или пестомъ?—смѣясь спросилъ одинъ изъ сотскихъ, вольнодумецъ, esprit-fort того времени, сидѣвшій у самаго окна.

— Не шути про него шутокъ, бояринъ: какъ аукнется, такъ и откликнется, — отвѣчалъ мельникъ.

Въ это мгновеніе что-то сильно заскребло у окна, и сотскому послышались тысячи шаговъ въ лѣсу.

Этими звуками подрало по кожѣ храбраго воина.

— Смотри-ка! — вскричалъ голова, надсѣдаясь со смѣху, — на сотскомъ лица нѣтъ, кошки испугался.

— На то и голова ты, что удалѣе насъ,—отвѣчалъ съ сердцемъ сотскій, отодвинувшись отъ окна.

— Ну-ка, старина,—сказалъ голова, обращаясь къ ьнику, — распояшься, разскажи-ка намъ, какъ лѣикъ побывалъ у тебя въ гостяхъ.

— Пожалуй, коли это милости твоей въ угоду. ю это въ запрошлое лѣто о Николѣ съ *мостомъ*,

въ ночную пору, хоть-бы теперь, — въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать. Морозъ былъ лютый, осерчалъ, аки голодный звѣрь, носу не высунешь на дворъ, такъ и хватаетъ когтями; избушка моя то и дѣло надувалась да охала, словно кто ее дубиной по ребрамъ колотилъ. Часъ мѣста спустя, и поотдало малое толико. Откуда ни возьмись вихорь, застоналъ, завертѣлъ, поднялась и мятелица, аки рать конная скачетъ и гонитъ одна другую, аки нити у проворной мотальщицы на воробѣ, не знать, съ неба ли падаетъ снѣгъ, али съ земли подымется, зги Божьей не видать. Пріемышъ мой спалъ; мнѣ было не до сна, — того и гляди крышу снесетъ и по бревну животы размечетъ. Щепаю себѣ лучину, а сердце такъ и ходитъ ходенемъ. Вдругъ слышу, что-то сзади меня пахнуло холодомъ, инда поперекъ меня хватило; смотрю, стоитъ передо мной старикъ — высокій, сѣдой, голова встрепанная, аки у сосны, борода по колѣно, не менѣе доброй охапки чесанаго льну, бѣлехонька, словно у нашего брата, коли сутокъ двое безвыходно помелешь; глаза сѣрые, такъ и нижутъ тебя насквозь, тулупъ шерстью вверхъ. Нечего грѣха таить, языкъ отнялся, ноги словно кто ихъ пригвоздилъ къ землѣ. — «Не бось», — молвилъ онъ, — «зашелъ къ тебѣ погрѣться; съ той поры, какъ выростилъ лѣсокъ, такой погоды не видывалъ». — И сталъ онъ грѣться у печурки, растопыривъ свои костлявые пальцы. Погрѣвшись немало-немного, учалъ собираться во-свояси. — «Спасибо», — молвилъ онъ, — «николи не забуду твоя добра». — Съ того времени, осударь ты мой, не дывалъ его. Только слово свое лѣсовикъ сдержа Мужички, что ѣздятъ ко мнѣ муку молоть, не на

лятся добрымъ человѣкомъ: въ непогодь встрѣтитъ ихъ у лѣсу да проводитъ до меня; у котораго кляченка зартачится, лишь руку подложитъ къ санямъ, такъ пошла себѣ, будто къ ней жеребца припрягли. И дорожки-то ко мнѣ всегда гладки да катки, словно по первому бѣло-путу, и...

Вдали послышался стонъ, и повторился.

— Не ваши-ль сторожа на большой дорогѣ окликаютъ насъ? — спросилъ голова.

— Прискакалъ бы сюда посыльный, — сказалъ сотскій.

— Посмотри-ка въ окошко.

Сотскому стыдно было ослушаться. Съ предчувствіемъ чего-то худого отодвинулъ онъ волоковое окно, и вдругъ съ крикомъ отпрянулъ назадъ. Не одинъ онъ, многіе ратники, самъ голова, видѣли, какъ посыпались искры въ окно и выглянулъ въ него сѣдой старикъ, съ длинною, бѣлою бородой.

Никто не смѣлъ пошевелиться. Окно стояло открыто. Двухъ, трехъ мгновеній не прошло, показалась опять ужасная личина старика. На этотъ разъ онъ крикнулъ гробовымъ голосомъ:

— Убирайтесь вонъ отсюда, да черезъ плотину. Къ моему лѣсу не подходить, не то косточекъ не соберете.

И скрылся.

Дрожь проняла воиновъ; казалось, и взглянуть боялись другъ на друга, не только что подняться съ ста, такъ перепугалъ ихъ лѣсовикъ. Они сидѣли на жахъ, словно омертвѣвшіе.

Вслѣдъ за тѣмъ покатился кубаремъ огонекъ и захоталъ, будто сотни вѣдьмъ на шабашѣ. Казалось

по лѣсу деревья ломались. Въ стѣну такъ ударило, что стѣны задрожали, косякъ у окна разлетѣлся въ щепы и осколкомъ своротило лицо у одного ратника. Тутъ бросились всѣ вонъ изъ избы, на ногахъ, на четверенькахъ, падая другъ на друга, перелѣзая другъ черезъ друга, бросались на дворъ за лошадьми, толкались съ тѣми, которые спали на дворѣ и, встревоженные со сна, выбѣгали куда попало, хватались за первую лошадь, какая попала, брались за узду, за хвостъ. Перепуганныя лошади кидались со двора на плотину, въ лѣсъ, съ грохотомъ падали въ воду; хозяева ихъ, стѣсняясь на плотинѣ, толкая другъ друга, падали туда-жъ. Суматоха была ужасная. Дружина, лежавшая на правомъ берегу рѣчки въ кустахъ, также переполошилась. Не зная что за тревога, бѣжали на плотину, сшибались съ встрѣчными, отъ страха рубили другъ друга и по воздуху Вслѣдъ имъ лѣсовикъ сверкалъ своими огненными очами то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ; пламя сыпалось кубаремъ, ранило, мертвило бѣгущихъ; адскій хохотъ разсыпался за ними и перекатывался по водамъ и лѣсу въ сотняхъ отзывовъ. Черезъ нѣсколько минутъ отъ дружины, которая должна была охранять проводы великаго князя тверскаго, осталось на мельницѣ и въ окружности ея, на нѣсколько *человѣчьихъ саженъ*, только съ десятокъ раненыхъ, убитыхъ, утопленныхъ въ рѣкѣ, погруженныхъ въ болота. Прочіе всѣ по-добру, по-здорову уплелись прямо къ великому князю московскому. Во время своего бѣгства видѣли они, какъ въ разны концахъ Твери зажглися огненные языки и начали г ребѣгать по кровлямъ, они слышали, какъ пушечны громы порывались все болѣе и болѣе въ посады и г

днялись вопли набата. Скоро присоединились къ этому отпѣванію тверскаго княжества крики осаждающихъ и стоны народа.

Кругомъ мельницы наступила тишь. Но мельникъ, обезумленный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ все еще на одномъ мѣстѣ, посреди избы, и творилъ молитвы. Въ такомъ положеніи застали его новые гости. Это были двое вооруженныхъ молодцовъ; они несли торжественно на рукахъ маленькаго лѣсовика и посадили его на лавку. Между ними начался такой смѣхъ, что они вынуждены были подпереть себѣ бока.

— Ну, спасибо, дѣдушка, пособилъ намъ, — сказалъ маленькій лѣсовикъ.

Старикъ ничего не понималъ изъ этого явленія и не зналъ, что отвѣчать.

— Исполать тверскому храброму воинству! — сказалъ одинъ изъ пришедшихъ ратниковъ: —бѣжало отъ лошадинаго хвоста.

Тутъ Андрюша (ибо это былъ онъ, опушенный бѣлыми хвостами, которые отрѣзали на этотъ случай отъ двухъ лошадей и припутали ему на скорую руку къ подбородку и на голову), тутъ Андрюша снялъ всѣ атрибуты лѣсовика и явился передъ мельникомъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Къ этимъ нежданнымъ гостямъ присоединилось еще нѣсколько десятковъ изъ удалой дружины Хабара-Симскаго, и пошли разсказы с[illegible]мъ, кто и какъ дѣйствовалъ въ этой чудной по[illegible]. Насмѣявшись досыта и заплативъ мельнику ло[illegible]ми, которыя остались на дворѣ, за поврежденіе [illegible]шки и за будущіе похороны убитыхъ, охотники с[illegible]ли къ другому дѣлу. Андрюша и двое ратни-

ковъ, которымъ онъ былъ порученъ, отряжены къ Хабару съ донесеніемъ объ удачѣ; остальные присоединились къ сотнямъ, разставленнымъ въ лѣсу такъ, что по первому условному знаку могли собраться, куда этотъ знакъ призывалъ ихъ.

Между тѣмъ Хабаръ-Симскій съ лекаремъ Антономъ и нѣсколькими десятками ратниковъ дѣлалъ свое дѣло. Они сняли два дозора (по нынѣшнему пикеты), немногочисленные, стоявшіе у выѣзда изъ посада затьмацкаго и поближе къ бору, и передали бѣжавшихъ засадѣ охотниковъ, которые, въ свою очередь, приняли и проводили ихъ порядкомъ къ Жолтикову монастырю. Перебравъ смертныя ступени по этой лѣстницѣ, тверскіе всадники на концѣ ея не досчитались у себя многихъ. Когда посыльный воевода убѣдился этими проводами и донесеніемъ Андрюши, что дружина московская обезпечена со стороны затьмацкой, онъ сталъ дозоромъ съ малымъ числомъ своихъ удальцовъ на томъ самомъ мѣстѣ, у выѣзда изъ посада, на которомъ стояли сбитые тверчане. Отсюда закинулъ неводъ всадниковъ по Тьмаку съ одной стороны и по Волгу съ другой. Дорогой рыбкѣ нельзя было ускользнуть. Ожидали тони богатой.

— Ѣдутъ,—сказалъ Андрюша, котораго отвага, ничѣмъ неудержимая, занесла ближе къ посаду,—я первый услыхалъ, скажите это отцу моему и Ивану Васильевичу.

Въ самомъ дѣлѣ, послышался бѣгъ лошадей, и вскорѣ нѣсколько всадниковъ зароилось въ темнотѣ и соровнялось съ Хабаромъ.

— Кто ѣдетъ? — вскричалъ онъ.

— Свои, — смѣло отозвался одинъ изъ всадник

— А вы? — спросилъ дрожащій голосъ.

— Твои провожатые, господине, — отвѣчалъ Хабаръ, догадавшійся, что это былъ голосъ великаго князя тверского, хилого старика, и свиснулъ посвистомъ соловья-разбойника.

На этотъ знакъ разставленная имъ цѣпь собралась около него въ нѣсколько мгновеній. Темнота не позволяла различать лица.

— Ко мнѣ ближе, господине, — сказалъ Хабаръ. — подлѣ меня путь тебѣ чистъ.

Великій князь Михайло Борисовичъ отдѣлился отъ своихъ дворчанъ и подъѣхалъ подъ крыло Хабара, ведя за собою другого всадника.

— Ради Бога, поберегите мою княгиню, — сказалъ онъ. — Господи, прости мои прегрѣшенія!

— Обо мнѣ не безпокойся, — отозвался смѣлый женскій голосъ.

Къ сторонѣ княгини подъѣхалъ Антонъ. Такимъ образомъ драгоцѣнный залогъ былъ подъ мечами двухъ сильныхъ молодцовъ, которые, въ случаѣ нужды, могли поспорить о немъ, одинъ съ двоими. Дворчанъ великаго князя окружила дружина Хабара. Холмскій, ничего не подозрѣвая, ѣхалъ въ нѣсколькихъ саженяхъ позади. Онъ безпокоился болѣе мыслью о погонѣ изъ города и нерѣдко останавливался, чтобы прислушаться, не скачутъ ли за ними.

Тронулся поѣздъ; молчаливъ былъ онъ. Только изрѣдка Михайло Борисовичъ нарушалъ это молчаніе, ...ляя ѣхать тише, чтобы дать ему вздохнуть, и ...я жалобнымъ голосомъ молитвы.

Лишь только стали они подъѣзжать къ бору, ...рохотали пушки къ сторонѣ московской, въ го-

родѣ ударили въ набатъ и начали посады освѣщаться.

Лошадь у Михайлы Борисовича оступилась, но Хабаръ успѣлъ схватить ее за узду, поддержалъ ее и тѣмъ спасъ великаго князя отъ паденія.

Предметы начали выступать изъ мрака.

Великій князь взглянулъ на своего спутника, взглянулъ на спутника великой княгини и опять на своего. Лица незнакомыя, оба съ мечами наголо, кругомъ его дворчанъ все чужіе! Онъ обомлѣлъ: смертная блѣдность покрыла щеки его; несчастный старикъ готовъ былъ упасть въ обморокъ, и остановилъ своего коня. Молодая княгиня, ничего не понимая, смотрѣла съ какимъ-то ребяческимъ кокетствомъ на своего пригожаго оруженосца. Она была въ мужской одеждѣ,—прекраснѣе мальчика не видано, — но литвянка умѣла ловко выказать, что она женщина.

Передъ Холмскимъ развернулась вся эта ужасная игра: государь его былъ въ плѣну.

— Мы въ засадѣ,—закричалъ онъ,—други, выручимъ нашего великаго князя, или умремъ съ нимъ!

На этотъ голосъ дворчане вынули свои оружія и стали было выпутываться изъ сѣтей, которыми ихъ окружили.

Хабаръ свиснулъ, и лѣсъ родилъ сотню молодцовъ.

— Не горячись попусту, князь, если хочешь добра и живота своему господину, — крикнулъ онъ, задерживая лошадь Михайлы Борисовича.—Не проливай крови напрасно, побереги голову его; не то разс , слетитъ.

Онъ еще разъ свиснулъ, и другая сотня выс - пила изъ бору.

— Видишь, вашихъ ни одного, моихъ родятся тысячи, коли надо. Тверская дружина, что ты поставилъ на мельницѣ, вся разбѣжалась и передалась уже нашему великому князю. Ни теперь, ни впередъ, Михайлѣ Борисовичу нечего ждать отъ Твери. Знай москвичей: они умѣютъ добывать честь и славу своему государю и, коли нужно, умѣютъ провожать съ честью и чужихъ князей.

Что можно было дѣлать горсти противъ неравнаго числа? Послѣдніе защитники великаго князя опустили оружіе, князь Холмскій склонился на переговоры.

Хабаръ оборотился къ великому князю тверскому.

— Время дорого для тебя и бывшей твоей Твери, Михайло Борисовичъ,—сказалъ посыльный воевода,—видишь, какъ она затеплилась. Это пламя отъ гнѣвныхъ очей Ивана Васильевича; оно сокрушитъ домы Божіи, домы богатыхъ и бѣдныхъ: погаси это пламя, ты одинъ можешь. Тверчане были твои дѣти: неужели отецъ, оставляя ихъ, хочетъ отъ нихъ проклятія, а не благословеннаго помина? Слышишь вопли ихъ?.. Они на прощаніе молятъ тебя о милости: спаси жилища ихъ, дѣтей, женъ, спаси ихъ отъ неповинной крови и огня. Поставь вмѣсто этихъ огней, что ходятъ по кровлямъ, слово милости, какъ свѣчу передъ образомъ Господа нашего.

Въ началѣ этихъ убѣжденій страхъ и нерѣшительность изображались на лицѣ Михайлы Борисовича: онецъ, тронутый, онъ сказалъ:

— Чтожъ мнѣ дѣлать? научи.

— Вотъ что. Пошли тотчасъ съ моимъ гонцомъ я Холмскаго въ Тверь и вели ему скорѣе, имет твоимъ, отпереть ворота городскія великому

князю московскому Ивану Васильевичу и бить ему челомъ отъ тверчанъ, какъ своему законному государю.

— Съ кѣмъ же я и княгиня останемся?—сказалъ робкій старецъ.

— Насъ тебѣ нечего опасаться. Мы не въ плѣнъ пришли взять князя тверского, а проводить съ честью Михайлу Борисовича, шурина великаго князя московскаго. Въ плѣну и безъ того довольно князей у нашего господина: Иванъ Васильевичъ велѣлъ то же сказать тебѣ. Мои молодцы, сурожане и суконники московскіе, проводятъ тебя до перваго яму и до второго, коли тебѣ полюбится. Выбери самъ провожатыхъ, сколько въ угоду тебѣ. За одинъ волосъ твой будутъ отвѣчать головой своей. Порукою тебѣ въ томъ Пречистая Матерь Божія и Спасъ милостивый.

Здѣсь онъ перекрестился.

— Коли не вѣришь, я, Хабаръ-Симскій, отдаюсь безъ оружія *отщикомъ* [1]) князю Холмскому.

— За Хабара я поручителемъ,—сказалъ Холмскій.

Кто на мѣстѣ великаго князя тверского, бездѣтнаго, безнадежнаго, окруженнаго измѣною, въ его старыхъ лѣтахъ, не согласился бы на предложеніе московскаго воеводы?

Скинувъ шапку и тафью свою, трижды осѣнясь крестомъ, вѣнчанный старецъ, въ виду зарева своего стольнаго города, передалъ домъ святого Спаса и великое княжество Тверское властителю всея Руси. Трогательна была рѣчь его, словно духовное завѣщаніе умирающаго. Слезы текли по блѣдному, и

[1]) Заложникомъ, аманатомъ.

моженному лицу, и нѣсколько разъ рыданія прерывали ее.

Проѣзжая мимо Жолтиковскаго бора, вспомните, что подъ мрачнымъ навѣсомъ его совершилась эта передача.

— Кабы у меня было поболѣе такихъ слугъ,— сказалъ Михайло Борисовичъ, обнимая Хабара на прощанье,—Тверь была бы крѣпка за мною.

Литвянка обратила голову, чтобы не показать слезъ, выпадавшихъ изъ ея глазъ, потомъ протянула руку Хабару въ знакъ своего благоволенія. Этотъ не поцѣловалъ руки и сказалъ съ гордостью:

— Не взыщи, у чужой господыни руки не цѣлую.

Покраснѣла княгиня до бѣлка глазъ, и дуги ея черныхъ бровей сошлись отъ негодованія.

— Ну, такъ мнѣ эту хорошенькую ручку, — воскликнулъ Андрюша, слѣзши съ лошади и снявъ свой шлемъ.

Бѣлую ручку подали ему съ большимъ удовольствіемъ и обняли пригожаго воина-мальчика.

— Кто жъ проводитъ насъ? — сказала княгиня, обративъ съ живымъ участіемъ на Антона огненные глаза свои.

Хабаръ спѣшилъ отрядить достаточное число охотниковъ, которые должны были сопутствовать бывшему тверскому властителю до перваго яма; самъ спѣшилъ съ Холмскимъ въ городъ, чтобы остановить разливъ ли и напрасное кровопролитіе. Антонъ поѣхалъ ли; пора было ему исполнять обязанности врача томъ онъ едва ли не забылъ). Онъ былъ очень го избавился обворожительныхъ очей Казими-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАЗРЫВЪ-ТРАВА

Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межь пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный, —
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу...»
«Русланъ и Людмила».

Въ повѣсти нашей видѣли мы двѣ враждующія партіи: боярина Мамона противъ семейства Образца, и рыцаря Поппеля противъ лекаря Эренштейна; не говорю уже о тайныхъ, ненавистныхъ нападкахъ отца на сына, возмущающихъ душу. Однимъ внушалъ способы нападенія самъ демонъ злобы и зависти; другіе, исполняя только свой долгъ, отражали ихъ силою и благородствомъ духа. Покуда, первые ничего не успѣли, если исключить басурманскій духъ, котораго засадилъ въ домъ Образца Мамонъ на горе его и бѣду нѣжнолюбимой дочери. Они воспользовались отсутствіемъ ликаго князя и главныхъ противниковъ своихъ, что сыскать новыя, вѣрнѣйшія орудія съ адской закал Всѣ средства были перепытаны въ умѣ и сердце

брѣтательныхъ на зло. И на него родятся геніи. Мщеніе любви присоединило въ этой партіи новое лицо, вдову Селинову. Изъ жертвы она дѣлается жрецомъ, острить ножъ на гибель Хабара, ищетъ ядовъ, чтобы известь его. Между ними вертится всесвѣтный переводчикъ, готовый услужить *и нашимъ*, *и вашимъ*, и даже своему непріятелю, лишь бы услужить. Все кругомъ Антона и Анастасіи ковало на нихъ ковы, а они, простодушные, невинные, ничего не подозрѣвали, ничего не вѣдали, что около нихъ дѣлается, не видѣли, не слышали демонскихъ угрозъ.

Бартоломей не замедлилъ свести Поппеля съ Мамономъ. Вѣтренный, вздорный рыцарь и злой бояринъ скоро сошлись. Этотъ имѣлъ въ немъ надобность и старался тѣшить его тщеславіе особенными знаками уваженія и ловкою игрою угожденій. Тому нужно было на чемъ достойно опереть свое тщеславіе, и онъ доволенъ былъ, найдя эту опору на плечѣ боярина, клеврета Іоаннова. А тайное влеченіе другъ къ другу подобныхъ душъ? и его надо считать сильной амальгамой въ этой связи. Золото не иначе можетъ сообщаться съ нечистымъ металломъ, какъ посредствомъ другого благороднаго металла; а тутъ ковачу нетрудно было разомъ соединить два однородныя вещества. Разница была только въ легкости и тяжести того и другого. Вмѣстѣ соединенные, они представляли одно нечистое цѣлое, на которомъ незамѣтна была и спайка искуснаго ремесленника. Чего жъ искалъ Мамонъ въ дарѣ?

Вы помните, бояринъ готовился на судебный поединокъ съ своимъ смертельнымъ врагомъ. Онъ зналъ, иноземцы искусные бойцы на мечахъ (это не-

давно доказалъ одинъ литвинъ, побѣдившій въ полѣ знаменитаго русскаго бойца единственно ловкостью, отъ чего Иваномъ Васильевичемъ, съ того времени, и строго запрещено было русскимъ биться съ иноземцами); онъ слышалъ, что въ свитѣ посла находится такой мастеръ, и возымѣлъ неодолимое желаніе брать у него уроки. Этого нельзя было сдѣлать безъ дозволенія Поппеля. Сойдясь съ нимъ черезъ переводчика, рыцарь съ удовольствіемъ далъ не только это позволеніе, но и самъ — знаменитый боецъ, какъ себя величалъ — вызвался усовершенствовать его въ искусствѣ управлять мечомъ.

— Сынъ Образца долженъ погибнуть, — говорилъ онъ.

— А за что? — спросили бы, — вѣдь вы не знаете его даже въ лицо.

— За что?—отвѣчалъ бы онъ,—за что?.. я желаю добра другому... я сказалъ, что тотъ долженъ погибнуть, и этого перемѣнить нельзя. Вотъ увидите.

Право, бываютъ такіе чудаки; бываетъ еще и то, что отъ такихъ словъ, сказанныхъ наобумъ и потомъ поддержанныхъ коварствомъ и силою, безвинно гибнетъ несчастный, опутанный со всѣхъ сторонъ сѣтьми, — гибнетъ съ нимъ и честь его, и память.

Сначала благородный рыцарь усердничалъ Мамону изъ желанія ему добра, и зла человѣку, котораго онъ не зналъ, потомъ онъ усилилъ это доброжелательство, узнавъ въ противникѣ молодого человѣка съ воинскими достоинствами и съ заслугами отечеству. Завистни всегда кажется, что тѣнь великаго человѣка може упасть на него и его заслонить отъ глазъ толпы, хс они идутъ и разными путями; а завистнику то и дѣ.

кажется, что толпѣ нѣтъ другой работы, какъ смотрѣть на его величіе. Надо высокаго человѣка долой, и какъ можно скорѣе!.. Наконецъ отъ этой мысли, двигавшей усердіемъ рыцаря къ Мамону, перешелъ онъ къ желанію дѣлать зло Хабару изъ желанія себѣ добра. Онъ обѣщалъ помогать его мщенію; въ замѣну благородный, признательный Мамонъ, узнавши, что лекарь Антонъ помѣха для его благополучія, клятвенно обѣщалъ ему сбыть эту ничтожную пѣшку, лишь бы самому остаться побѣдителемъ на *полѣ*. И самъ простодушный основщикъ знакомства ихъ, всесвѣтный угодникъ Бартоломей, не могъ никогда и помыслить, что на его основѣ выткутся такіе яркіе узоры.

Мало было для Мамона обыкновенныхъ, естественныхъ пособій человѣка, чтобы сокрушить врага, онъ искалъ ихъ въ мірѣ сверхъестественномъ, прибѣгалъ за ними къ демону. Онъ слышалъ, что адепты жидовской ереси, имѣющіе свое гнѣздо въ Москвѣ, владѣютъ тайнами кабалистики или чернокнижія, творящими чудеса, и рѣшился прибѣгнуть къ силѣ этихъ чаровѣдцевъ.

Мы говорили ужъ, что пытливая любознательность XV вѣка, доходившая до изступленія, тревожила тогда почти все народонаселеніе Европы. Заслуги ея неисчислимы: кто ихъ не знаетъ? Но мало было для нея, что она увѣковѣчила мысль, освободила ее отъ кабалы давности, отъ власти папизма, дала человѣку на моряхъ неусыпнаго вожатаго и свела для него громовержца на ...о; мало, что подарила человѣчеству новый міръ на родной планетѣ; нѣтъ, эта всепожирающая пытлив... ума захотѣла еще завоевать небо и похитить у ...тайны, никому и никогда недоступныя. Эта за-

раза неминуемо должна была перенестись и на Русь черезъ дипломатическія сношенія, родственныя связи съ однимъ западнымъ дворомъ и черезъ искателей приключеній и личныхъ выгодъ. Подъ формами жидовской ереси, она дѣйствительно перенеслась къ намъ. Сначала Кіевъ получилъ ее отъ жида Схаріа, «умомъ хитраго, языкомъ остраго», потомъ Новгородъ отъ него же; отсюда побѣда перенесла ее въ Москву. Новыя, свѣжія сѣмена ея ввезены потомъ въ поѣздѣ Елены, дочери Стефана великаго (какъ звали его у насъ, воеводы волошскаго). «Сталася та бѣда изъ Угорьскія земли», — говоритъ лѣтописецъ. Дьякъ Курицынъ, умный, тонкій, но любознаніемъ увлеченный до простодушнаго, слѣпаго довѣрія, привилъ къ сердцу своему эту заразу въ Венгріи и разнесъ, куда только могъ. Въ этомъ случаѣ на мудреца, по пословицѣ, нашла какая-то дѣтская простота, и только въ этомъ случаѣ; дипломатическія заслуги его Іоанну III, достойно оцѣненныя, ручаются за его ловкій, глубокій умъ. И опять надо сказать, причиною этого простодушнаго довѣрія была та же любознательность, всепожирающая, та же пытливость ума, которая овладѣла и геніальными единицами, и грубыми массами XV вѣка. Знаніемъ кабалистики хвалился Схаріа. Онъ разгадывалъ тайны жизни и смерти, а жаждою разрѣшить ихъ часто мучился умный дьякъ, и потому бросился онъ въ этотъ хаосъ, взявъ вожатаемъ своимъ хитраго жида. Сильный примѣръ дьяка, примѣръ самой супруги Іоанна младого. Елены, обольщенной ложнымъ ученіемъ, коварств ловкость миссіонеровъ, легковѣріе, умъ и глупо соединясь вмѣстѣ, образовали наконецъ ту жидовск ересь, которая угрожала было въ Новгородѣ и Мос

поколебать краеугольный камень нашего благополучія. Духовные и женщины, князья и смердъ, богатый и бѣдный, стремились толпами въ эту синагогу, несмотря на увѣщанія и даже проклятія церковныхъ пастырей, истинныхъ ревнителей о спасеніи душъ. Такъ сильна была зараза, что самъ первосвятитель московскій, митрополитъ Зосима, принималъ въ ней ревностное участіе. Въ его палатахъ было нерѣдко сборище еретиковъ. «Мы увидѣли,—пишетъ Іосифъ Волоцкій,—чадо сатаны на престолѣ угодниковъ Божіихъ, Петра и Алексія, увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго пастыря» [1]). Великій князь смотрѣлъ на ересь, какъ на дѣло любознанія, столь сроднаго человѣку. Что оно не имѣло опасной цѣли, въ этомъ увѣрить его успѣли приближенные, или сами члены тайнаго скопища, или подкупленные ими, а болѣе всего любимецъ его Курицынъ, давшій ему столько опытовъ своей преданности и вѣрности. Дѣло было ведено такъ хитро, что Иванъ Васильевичъ, при всей дальновидности своей, и не подозрѣвалъ противнаго. Надо еще сказать, терпимость, рѣдкая въ то время, блистала крупнымъ самоцвѣтомъ въ вѣнкѣ этого геніальнаго человѣка. Она-то, вмѣстѣ съ ревнивымъ самовластіемъ, которое нарочно шло наперекоръ народу, вопіявшему иногда безъ толку противъ его полезныхъ нововведеній, была причиною, что великій князь оставался глухъ на всѣ представленія духовныхъ о примѣрномъ наказаніи еретиковъ.

Антона привезъ въ Москву жидокъ. Воображалъ ли одой бакалавръ, что самъ провозитъ въ русскій ольный городъ основателя секты на Руси. Извозчикъ

---

1) И. Г. Р., т. VI.

его не иной кто былъ, какъ Схаріа. Правда, онъ успѣлъ дорогой замѣтить въ своемъ возничемъ необыкновенный умъ, увлекательное краснорѣчіе, познанія химическія и рѣдкую любознательность; но лукавство умѣло все это такъ перемѣшать, что часто за самою умною бесѣдой слѣдовали самые глупые вопросы и объясненія, путавшія сначала догадки Антона. Никогда, во всю дорогу, еврей, даже двусмысленно, не искалъ поколебать въ молодомъ человѣкѣ основанія вѣры. Онъ видѣлъ, что попалъ на разумъ ясный, твердый, отъ природы логическій и искушенный въ горнилѣ науки. Тогда еще Антонъ не зналъ любви; а для ней, какъ вы изволите знать, и Геркулесъ взялся за прялку, Ришелье наряжался шутомъ, и проч. и проч.; такъ диво ли, что и нашъ бакалавръ растерялъ на Руси всѣ доводы логики, данной ему отъ Бога и усовершенной въ академіи. Но тогда, говорю я, то есть по пути въ Московію, умъ его, какъ мощный атлетъ, готовъ былъ встать въ полномъ вооруженіи, съ какой бы стороны и какъ бы сильно ни было нападеніе. И потому хитрый еврей въ дѣлѣ религіи держался самъ въ оборонительномъ положеніи противъ Антона; зато спѣшилъ вознаградить себя съ другой стороны. Онъ воспользовался длиннымъ путемъ, чтобы занять у падуанскаго бакалавра разныя свѣдѣнія въ химіи, которыми этотъ успѣлъ себя обогатить.—«Вѣрно, умный плутъ хочетъ играть на Руси роль магика», — говорилъ самъ себѣ Антонъ, сдѣлавъ наконецъ выводъ изъ всѣхъ его поступковъ и разговоровъ. Главы секты никогда въ немъ не подозрѣвал
И въ Москву пріѣхавъ, Схаріа не старался ввес
Антона между своими адептами: онъ боялся и тут
чтобы сила логическихъ доводовъ и одушевленн

краснорѣчіе не разстроили зданія, которое созидалъ онъ съ помощію такихъ хрупкихъ лѣсовъ. Если молодой бакалавръ и познакомился съ Курицынымъ, такъ бесѣды ихъ ограничивались однимъ естествознаніемъ. Схаріа умѣлъ этого такъ остеречь въ дѣлѣ религіи, что онъ, боясь въ молодомъ человѣкѣ нескромности, свойственной его лѣтамъ и опасной по близости его къ великому князю, никогда не говорилъ съ Антономъ о предметахъ религіозныхъ. Этимъ наружно ограничивалась связь лекаря съ главою еретической секты и съ печальникомъ о ней на Руси. Ниразу Схаріа не посѣтилъ Антона, ниразу не засылалъ даже къ нему: чувство благодарности, тонкое, осторожное, берегло его даже отъ малѣйшаго подозрѣнія, что онъ знается съ жидомъ. И такъ ужъ басурману напрасно достается за еретичество и чернокнижіе! Чтожъ было бы ему, когда бъ его увидали въ сношеніи съ врагомъ Христа! Но сердце этого презрѣннаго жида хранило благодѣянія молодого бакалавра, какъ святой завѣтъ, оно-то строго наказало Курицыну беречь его, какъ зеницу своего ока, какъ любимое дитя свое, внушать великому князю все доброе о немъ, помогать ему, въ случаѣ нужды, деньгами, силою своего вліянія, огнемъ и мечомъ, чѣмъ хотѣлъ, лишь бы уберечь драгоцѣнную голову отъ житейскихъ бурь. Оно-то, черезъ агентовъ при дворѣ императора и въ свитѣ самого Поппеля, узнало объ опасности, угрожавшей сыну [illegible]она Эренштейна, и приказало дьяку стать около [illegible] на усиленной стражѣ. И дьякъ, покорный ученик Схаріа, исполнялъ со всею точностью и усердіем наказъ своего наставника и второго отца, какъ [illegible] называлъ его. Еврею извѣстно было все, что дѣ-

лалось въ домѣ Образца, на половинахъ боярской и басурманской. Какъ это узнавалъ онъ, не вѣдалъ и самъ Курицынъ, который относилъ и эту загадку къ тайнамъ чернокнижія. Между тѣмъ Схарія зналъ и о любви Антона къ дочери боярина, испугался этой любви, которая могла погубить молодого чужеземца, и сталъ неусыпно слѣдить его и все, что его окружало. По такимъ отношеніямъ сдѣлался онъ благосклоннѣе къ дому Образца, котораго прежде не жаловалъ, потому что не могъ поколебать его твердаго религіознаго основанія. Въ дѣлѣ вражды двухъ партій онъ сталъ на той сторонѣ, которой Антонъ принадлежалъ связями сердечными.

Пріѣздъ Схаріа въ Москву былъ для единомышленниковъ его настоящимъ торжествомъ. Говорили, что онъ досталъ книгу, полученную Адамомъ отъ самого Бога, и самое Адамову голову, что онъ вывезъ новыя тайны, которыя должны изумить человѣчество. Эти слухи поразили и Мамона. Попытки его у чародѣйства Антона не удались. И потому рѣшился онъ прибѣгнуть къ чернокнижію всемогущаго волхва-еврея. Отсутствіе Ивана Васильевича развязывало ему на это руки. Правда, труденъ былъ доступъ къ великому магику, котораго жилище не было никому извѣстно, кромѣ самыхъ близкихъ его. Говорили, что онъ вездѣ и нигдѣ. Тѣмъ труднѣе былъ доступъ для тѣхъ, кто, не посвящая себя въ его ученіе, просто искалъ чародѣйской помощи. Мамонъ же находился только въ числѣ послѣднихъ. Однакожъ, съ помощію большихъ денегъ и ревностнаго усердія друзей, ему наконецъ настаченъ день пріемный.

Ночью водили его съ завязанными глазами по у

цамъ и, послѣ многихъ запутанныхъ обрядовъ, ввели въ домъ. Съ трудомъ шелъ онъ по лѣстницѣ, вившейся улиткой. Въ одномъ мѣстѣ предупредили его, чтобы онъ, какъ можно ниже, нагнулъ голову; но сколько онъ ни старался сгорбиться, по ней чѣмъ-то ударило такъ сильно, что искры посыпались изъ глазъ. Потомъ его остановили и не велѣли трогаться съ мѣста, подъ опасеніемъ быть задавлену. Тутъ изумили его какіе-то сладкіе, нечеловѣческіе звуки, которые то возвышались, то утихали, и напослѣдокъ, замирая, готовы были его усыпить. Лишь только онъ склонился было къ невольной дремотѣ, загрохотали громы и послышался сѣрный запахъ. Полъ подъ нимъ заколебался, и ему казалось, что онъ проваливается сквозь землю. Дрожь его проняла. Онъ хотѣлъ перекреститься, но остерегся, вспомнивъ, что самое легкое означеніе креста погубитъ его. Вскорѣ спала съ него повязка, и онъ очутился въ колеблющихся облакахъ сизаго тумана или дыма, въ которомъ, казалось ему, носился онъ. Мало-по-малу облака начали рѣдѣть, затеплились огненныя, багровыя пятна, и онъ сталъ освобождаться отъ своего таинственнаго покрова. Мамонъ очутился въ огромной комнатѣ; передъ нимъ стоялъ необыкновенной величины столъ, покрытый парчей, на которомъ золото разсыпалось на безчисленныя частицы, такъ что глазамъ больно было смотрѣть. На столѣ стояли семь свѣчей изъ воску яраго, дѣвственной бѣ-
ы, въ золотыхъ подсвѣчникахъ; на немъ же ле-
л: огромная раскрытая книга, столь ветхая, что,
лось, одно прикосновеніе къ ней должно было
ратить ее въ прахъ, и черепъ человѣческій. Ма-
замѣтилъ голову змѣи, выглядывающей изъ гла-

зной впадины черепа. За столомъ, на нѣкоторомъ возвышеніи, сидѣлъ старикъ. Взоръ строгій изъ-подъ пушистыхъ бровей, смуглое лицо, бѣлая борода по колѣна; черная, широкая мантія, исписанная кабалистическими знаками кроваваго цвѣта, все это должно было поразить пришедшаго.

— Намъ извѣстно, зачѣмъ пришелъ ты, — сказалъ таинственный старецъ голосомъ, будто выходившимъ изъ могилы: — ты долженъ биться на полѣ съ заклятымъ врагомъ своимъ, Хабаромъ-Симскимъ, и просишь у насъ побѣды надъ нимъ. Не такъ ли?

Мамонъ отвѣчалъ, что таинственное лицо, котораго онъ назвать не знаетъ, читаетъ въ мысляхъ его, и палъ издали въ ноги передъ грознымъ существомъ.

— Вѣра твоя въ наше могущество сильна, — произнесъ таинственный старецъ. — Только-что явился ты къ намъ, раскрылась сама собой книга нашего прародителя Адама и указала, какъ тебя спасти отъ желѣза. Слушай: Духи ночные произвели на свѣтъ чудодѣйную *разрывъ-траву*. Сила ея разрушаетъ крѣпчайшее желѣзо. Прикосновеніе ею къ мечу изломаетъ его въ куски. Она скрывается отъ ока человѣческаго во глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ: стерегутъ ее вѣчно по два змія, которые на день и на ночь смѣняются. Орелъ, царь птицъ, одинъ имѣетъ даръ и силу достать ее изъ-подъ этой стражи. Вели слугамъ своимъ сыскать въ окружныхъ лѣсахъ орлиное гнѣздо съ птенцами. Теперь самая пора, когда они оперяются. Изготовивъ сѣть, сплетенную изъ прутьевъ, толщиною клинокъ меча, прикажи подстеречь, когда орелъ орлица полетятъ на добычу для своихъ дѣтеныш Останется орлица, спугнуть ее. Тогда должно прик

пить сѣть надъ гнѣздомъ такъ, чтобы птицамъ-старикамъ нельзя было пролѣзть къ дѣтямъ, ни давать имъ пищу. Эти низкія, приготовительныя обязанности сдѣлаютъ твои слуги: такъ сказано въ Адамовой книгѣ. Между двухъ зарей орелъ достанетъ *разрывъ-траву*, разобьетъ ею сѣть и спрячетъ траву въ гнѣздо на другой подобный случай. Теперь наступитъ череда твоихъ подвиговъ. Чувствуешь ли въ себѣ довольно силы и бодрости, чтобы сразиться безъ чужой помощи, одинъ съ двумя орлами, именно у гнѣзда, гдѣ ты долженъ самъ найти и взять *разрывъ-траву?* Помни, когда будешь совершать этотъ подвигъ, духа человѣческаго, кромѣ твоего, не должно быть ближе ста саженъ, ни одинъ человѣкъ не долженъ видѣть, какъ ты будешь брать чародѣйную траву; сражайся орудіемъ, какимъ вздумаешь, но безъ брони. Смотри, подвигъ не свыше ли твоихъ силъ?

— Готовъ хоть на стаю орлиную, лишь бы одержать мнѣ побѣду надъ врагомъ ненавистнымъ, — отвѣчалъ Мамонъ.

Таинственный служитель невидимыхъ духовъ увѣрилъ его въ несомнѣнной побѣдѣ, лишь бы досталъ онъ *разрывъ-траву*, и далъ ему наставленіе, какъ прикрѣпить ее незамѣтно къ концу меча посредствомъ вещества, которое бы не было изъ металла и походило цвѣтомъ на желѣзо.

— Теперь, — промолвилъ онъ, — ступай и исполни предреченное, не отступая на волосъ отъ нашихъ указаній и съ вѣрою въ наше могущество, которое научили мы отъ самого отца рода человѣческаго.

По данному заранѣе наставленію, Мамонъ положилъ на столъ горсть серебра, и палъ опять на землю.

Тутъ снова пошли ходить струи дыма, сгущались болѣе и болѣе и наконецъ затмили всѣ предметы. Исчезли и таинственный старикъ и книга Адамова; только мелькали внизъ и вверхъ семь огненныхъ пятенъ, и черепъ скалилъ свои желтые зубы. Голова у Мамона закружилась, и онъ упалъ безъ памяти. Придя въ себя, очутился на берегу Яузы, гдѣ его ожидали холопы и лошадь его.

На другой день жажда мщенія рано пробудила Мамона. Первою мыслью, первымъ дѣломъ его, разослать ловчихъ и сокольниковъ по окрестнымъ лѣсамъ. Богатая награда назначена тому, кто отыщетъ гнѣздо съ орлиными птенцами. Не прошло недѣли, какъ одинъ изъ его посланныхъ привезъ ему желанную вѣсть. Верстахъ въ двадцати отъ города къ сѣверу, въ заповѣдныхъ лѣсахъ, по указанію ближнихъ крестьянъ, отыскано гнѣздо съ двумя орлиными дѣтьми, которыя только-что начали одѣваться перьями.—«И на родившаго ихъ удостоился взглянуть,—говорилъ счастливый ловчій:—такого матерого орла сродясь не видалъ. Какъ подымется, крыльями застилаетъ солнце». — Обѣщанная награда, и съ придачею, выдана. Теперь стало дѣло за желѣзною сѣтью и умѣньемъ прикрѣпить ее ко гнѣзду. Посланы исполнители; голова ихъ порукою за точное исполненіе.

Между тѣмъ бояринъ на яву и во снѣ сражается съ орломъ. Исчислены всѣ случаи нападенія со стороны царя птицъ, изучены всѣ мѣры защиты противъ него, всѣ способы его уничтожить. Мамонъ ладилъ съ медвѣдями; мохнатый не чета птицѣ, хоть и дежавной, а не одинъ миша легъ подъ его ловкою могучею рукой. Онъ заранѣе торжествуетъ побѣ

надъ орломъ и надъ Хабаромъ. Грудь его ширится отъ радостныхъ поисковъ, сердце растетъ.

Вслѣдъ за посланнымъ отправился онъ самъ съ нѣсколькими сокольниками, чтобы ближе быть къ мѣсту дѣйствія. Заповѣдный лѣсъ, гдѣ найдено гнѣздо, стоялъ недалеко отъ лѣваго берега Москвы-рѣки [1]). На этомъ берегу разбили боярину бѣлотонкій шатеръ. Ловчіе расположились кругомъ. Другого, болѣе спокойнаго духомъ, заняла бы живописная панорама, которая обступила боярина. Сколько предметовъ для души доброй, любящей, не изгнанной еще изъ рая чистыхъ помысловъ и наслажденій! Рѣка игриво раскидалась серебряною битью и образовала множество разнообразныхъ мысовъ, луковъ и заливовъ; творческая кисть Великаго Художника разбросала то зелено-шелковые луга, то зеркальныя озера, ненаглядныя для своего неба, то гряды или пышные букеты деревъ, то мрачный боръ, который укрѣпился на высотѣ зубчатой стѣной, или робко сошелъ съ горы уступами, или излился внизъ чернымъ потокомъ. Кто знаетъ берега Архангельскаго и Ильинскаго, согласится со мною, что было чѣмъ полюбоваться. Именно въ этихъ мѣстахъ находился бояринъ. Но душа его летала далеко за другою добычей и, какъ голодный вранъ, не могла успокоиться, пока не напилась крови. Когда бъ онъ въ силахъ былъ, скликалъ бы всѣхъ хищныхъ птицъ окрестныхъ лѣсовъ на свой кровавый пиръ, гдѣ лучшей яствой предложилъ бы трупъ врага.

---

1) Въ 1818 году, въ подмосковныхъ дачахъ князя Юсупова, маны были два молодые орла, удивлявшіе своею величиной. Они арены были владѣльцемъ графу Остерману-Толстому.

Посреди этихъ черныхъ думъ Мамонъ слышитъ надъ собою роковое слово «готово». Встрепенувшись, весь дрожа, онъ требуетъ отъ своихъ посланцовъ, чтобы повторили его. Святотатецъ, онъ знаменуется крестомъ, этимъ знаменіемъ смиренія и чистоты душевной, богохульникъ смѣетъ молить Господа объ успѣхѣ своего дѣла. Онъ разспрашиваетъ подробно, что, какъ было, какъ исполнено его приказаніе; онъ слушаетъ съ жадностью донесеніе ловчихъ, и когда конченъ разсказъ, все еще хотѣлъ бы его слушать, и опять заставляетъ повторить себѣ.

Когда дворчане Мамоновы провѣдали, что онъ идетъ одинъ на орловъ (не зная, однакожъ, для какой цѣли), всѣ, въ ноги ему, стали умолять не пускаться въ такую неравную битву. Не изъ любви это дѣлали,—бояринъ и для нихъ былъ злодѣемъ,—нѣтъ, а изъ страха за себя. Пускай бы шелъ хоть на вѣрную смерть, лишь бы ихъ не велъ къ отвѣту. Повѣрятъ ли, чтобы онъ не приказалъ имъ слѣдовать за нимъ, когда предстояла такая видимая опасность. Моленія служителей напрасны; бояринъ рѣшился на бой.

Завтра, чѣмъ-свѣтъ, онъ долженъ отправиться на мѣсто дѣйствія.

Силится сомкнуть глаза, и не можетъ. Къ полуночи забывается немного; но странныя видѣнія тревожатъ его и полусоннаго. То воронъ клюетъ ему утробу и, вынувъ сердце, каркаетъ и хохочетъ надъ нимъ. То вереница уродливыхъ видѣній пляшетъ кругомъ, налегаетъ на него, схватываетъ такъ, что сердце отрывается, и носитъ его по бездоннымъ пропастямъ. То холодная, скользящая змѣя клубомъ ся

лась у него, соннаго на груди, не можетъ удержаться, спалзываетъ, опять взбирается на грудь, положила ему голову въ открытыя уста, и онъ выпилъ ее медленнымъ, томительнымъ глоткомъ. И всякій разъ, при этихъ страшныхъ видѣніяхъ, Мамонъ просыпается. Сердце замерло, волосы дыбомъ. Хоть бы откуданибудь услышать привѣтный крикъ пѣтуха! Онъ будитъ людей своихъ и, не вѣря глазамъ, спрашиваетъ, не занимается ли заря. — «Все еще гуляетъ зарница», — говорятъ ему, и онъ опять ложится, опять засыпаетъ. Тутъ является ему мать въ желѣзной клѣткѣ, объятой пламенемъ; сквозь огненныя складки она высунула свое желтое, изсохшее лицо, погрозила ему обгорѣлыми лохмотьями своего рукава и сказала: *не ходи*. Онъ снова проснулся. Надъ нимъ кто-то стоялъ. — «Разбой!» — крикнулъ онъ ужаснымъ голосомъ.

— Бояринъ, помилуй, это я, — молвилъ ловчій, — пришелъ сказать, потянулъ вѣтеръ съ восхода солнечна, заря хочетъ заниматься.

И поднялся Мамонъ, и сталъ въ раздумьѣ, какъ путникъ передъ хрупкими жердями, которыя должны перевесть его черезъ бездну или сбросить въ нее.

Онъ вышелъ изъ шатра. Заря подбирала ужъ тѣнь къ тѣни изъ палевыхъ и пунцовыхъ шелковъ своихъ. Дворчане стояли во всей готовности къ походу. Осѣдланные кони ржали.

— Коня и охотничій снарядъ! — вскричалъ Мамонъ.

Въ одинъ мигъ онъ снаряженъ лукомъ, туломъ, тенемъ, ножомъ, другимъ. По приказанію черножника, брони не надѣлъ. Впереди сильнаго поѣзда халъ онъ въ лѣсъ.

Ѣдутъ сначала по тропамъ слабо пробитымъ, потомъ и онѣ исчезаютъ въ пышномъ мохѣ, который никогда не оставляетъ на себѣ слѣда живаго существа. Знаки на деревьяхъ, сдѣланные посланцами боярина, одни служатъ указателями. Деревья растутъ и ширятся болѣе и болѣе; гордыя, могучія, они захватили густыми верхами все пространство, дѣлившее ихъ другъ отъ друга, и кажется, условились не пускать расти въ своемъ обществѣ тощія деревца и кусты, эту чернь, которая осмѣлилась попасть между ними. Однѣ вершины ихъ пользуются свѣтомъ, подъ ними все мрачно. Только изрѣдка лучъ солнца, пробираясь украдкою сквозь ихъ вѣтви, обвиваетъ стволъ оранжевою лентой, кропитъ мохъ росою золотой, разстилаетъ по кустамъ зыблющуюся сѣтку. Подъ этотъ лучъ то прилегла ящерица, зеленая какъ ярь, то змѣя нѣжитъ свою леопардову спину. Все тихо въ лѣсу тишиною смертною. Пѣвчей птички ни одной. Лишь гады, послышавъ человѣка, пищатъ и шипятъ, или деревья, тронутыя вѣтеркомъ, спѣшатъ передать другъ другу какую-то таинственную вѣсть. Кое-гдѣ всадники должны пробивать живой плетень грудью коней. Вотъ ѣдутъ они версты съ двѣ. — «Близко ль?» — спрашиваетъ Мамонъ. — «Саженъ человѣчьихъ съ двѣсти», — отвѣчаетъ одинъ изъ ловчихъ. Отъѣхали еще нѣсколько, и бояринъ велитъ остановиться. Получивъ объясненія, по какому направленію ѣхать далѣе до завѣтнаго дерева, давъ приказаніе скакать тотчасъ на помощь, лишь только подастъ онъ голосъ, и, перекрестясь, онъ отправляет одинъ добывать *разрывъ-траву*.

Конь, почуя свое одиночество, храпитъ и уп рается; по шерсти его перебѣгаютъ измѣнчивы

отливы. Но одно движеніе, одинъ возгласъ могучаго всадника, и конь дрожа стремится далѣе.

Вотъ наконецъ и завѣтное дерево. На немъ наруб-лены ступени. Это вязъ, который вѣка растили. Кудрявая голова въ полной силѣ, между тѣмъ какъ у подошвы время прорыло глубокое дупло, и жилистые корни просятся вонъ изъ земли. Разбросанныя кругомъ головы и остовы животныхъ и птицъ указываютъ, что тутъ логовище крылатыхъ хищниковъ. На вершинѣ безобразная куча сухихъ прутьевъ, — колыбель орлиныхъ птенцовъ, цѣль путешествія боярина. Царь птицъ заклегталъ, послышавъ врага; въ звукахъ его голоса выражается скорбь и отчаяніе могущества. Воздухъ наполняется его жалобами. Мамонъ слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его къ дереву, поодаль, и подходитъ къ завѣтному вязу. Худо ли была скована сѣть рукою, купленною обманщикомъ Схаріемъ, разломали ль ее орлы, или сами ловчіе, задобренные серебромъ жида, въ этомъ разсказчикъ не можетъ дать отчета. Знаетъ онъ только, что слѣды разорванной сѣти порадовали и ободрили боярина.

Орелъ сидѣлъ на суку.

Взвидѣвъ его, Мамонъ засучилъ рукава; дрожа отъ восторга, натянулъ тугой лукъ — прицѣлился — зазвучала тетива, запѣла стрѣла... Но глаза, которые не боятся смотрѣть на солнце, предупредили стрѣлу: орелъ взлетѣлъ, зашумѣлъ и скрылся подъ защитою дальнихъ деревъ. Стрѣла, вонзившись въ огромную гвь, застонала, сучья посыпались. Бояринъ вновь джидаетъ орла, но онъ не летитъ; царь пернатыхъ ъ стережетъ его. Нетерпѣніе взяло Мамона. Тулъ лукъ долой, ноги занесены на дерево. И орелъ опять

надъ нимъ. Очертивъ въ воздухѣ широкій вѣнецъ, онъ сѣлъ на родной вязъ, ближе къ дѣтямъ. Клегтаніе его будто звончатая труба, зовущая на бой. Вызванная этимъ голосомъ, мать выбралась изъ гнѣзда, гдѣ она притаилась было, повела кругомъ головой и, увидѣвъ непріятеля, отвѣчаетъ самцу жалобнымъ голосомъ. Казалось, они сговариваются защищать дѣтей или умереть. Мамонъ ходитъ ужъ по сучьямъ; вдругъ около него зашумѣло, будто градовая туча. Орлы вьются кругомъ, яростно клокочутъ, распускаютъ надъ нимъ когти и такъ дерзко близятся къ нему, что едва не хватаютъ его клювомъ. Онъ обороняется отъ одного, другая нападаетъ. Вотъ махнулъ по самцу кистенемъ—кистень, скользнувъ по крылу птицы, разбиваетъ надвое огромный сукъ и, увлеченный силою удара, падаетъ на землю. Испуганная лошадь шарахнулась въ сторону. Птицы, какъ бы озадаченныя этимъ ударомъ, даютъ себѣ отдыхъ. Мамонъ пользуется имъ, взбирается на сукъ, другой, третій, и вотъ ужъ недалекъ отъ цѣли. Но орлы не оставятъ дѣтей своихъ безъ защиты. Они засѣли между гнѣздомъ и непріятелемъ. Чародѣйный взглядъ ихъ впился въ Мамона и мутитъ его душу. Крылами своими они накрыли его, будто шатромъ. Вслѣдъ за движеніемъ его ножа самецъ перелетаетъ на другой сукъ, въ тылъ врагу. Мамонъ слѣдитъ ихъ взоромъ, между тѣмъ заноситъ ногу выше, одною рукою хватается за гнѣздо, хочетъ вонзить ножъ въ грудь самки; она въ сторону, подъ защиту сучьевъ, и только слегка ранена. На жалобный крик ея птенцы высовываютъ голову изъ гнѣзда; самец налетаетъ сзади на Мамона, впивается ему когтями спину и клювомъ деретъ ее. Ободренная примѣро

самца, и орлица съ другой стороны бросается на непріятеля. Начинается бой. Птицы хлещутъ, сѣкутъ его крыльями, рѣжутъ клювомъ, будто серпомъ, терзаютъ когтями. Но и Мамонъ отчаянно обороняется, нападаетъ, разитъ ножемъ. Кровь льется съ той и другой стороны. Крики дѣтенышей ободряютъ пернатыхъ бойцовъ. Охотнику нѣтъ ужъ надежды выпутаться изъ ужасныхъ когтей: онъ подаетъ отчаянный сигналъ, и лѣсъ съ трепетомъ повторяетъ его. Орлы обвертываютъ Мамона своими крыльями, спутываются съ нимъ, и всѣ трое, истощенные, истекая кровью, валятся съ дерева безобразнымъ клубомъ; остановленные вѣтвями, качаются на нихъ, будто въ воздушной колыбели, и наконецъ съ грохотомъ падаютъ на землю. Испуганный этимъ паденіемъ, конь рванулъ, порвалъ тесменные повода, и умчался.

Дворчане прибѣгаютъ, сѣкутъ орловъ ножами, бьютъ кистенемъ, и едва могутъ освободить своего господина, полумертваго, изъ ужаснаго плѣна. Обрубленныя ноги птицъ еще держатся за врага своего, впившись въ него когтями.

Гнѣздо разорено, птенцы убиты.

Боярина приводятъ въ чувство и уносятъ на носилкахъ въ ближнюю деревню. Благодаря крыльямъ птицъ, онъ избавился отъ смертельнаго ушиба. Но на тѣлѣ его не было почти мѣста безъ язвы.

Такъ кончилось похожденіе Мамона за *разрывомъ-трава*. Распущены слухи, что онъ въ побоищѣ съ двѣдемъ былъ подъ лапою его, но все-таки его билъ. За эту отвагу бояринъ удостоился отъ удальцовъ не одного лишняго поклона.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛУКАВАЯ ПОСРЕДНИЦА

Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
«Русланъ и Людмила».

Анастасія, простившись съ братомъ и проводивъ сердцемъ милаго чужеземца, осталась въ глубокомъ одиночествѣ. Никогда еще она такъ сильно не чувствовала этого одиночества; грудь ея разрывалась, сердце надломило. Она понимала, что любить басурмана, но почему, за что, съ какою цѣлью любить — все-таки не могла дать себѣ отчета. Мысль быть вѣчною подругою его если и приходила ей въ голову, пугало ее самое: дѣвушка, воспитанная въ строгомъ православіи, могла ли соединить судьбу свою въ домѣ Божіемъ съ поганымъ нѣмцемъ? Дошли до нея новые слухи, распускаемые Бартоломеемъ,—этою пожарною трещеткой, которая наводила тревогу, сама не зная что дѣлаетъ, — слухи, подтвержденные посломъ императорскимъ, что Антонъ-лекарь жидокъ, коновалъ Богъ знаетъ какой недобрый человѣкъ. Они еще болѣе вооружили ея бѣдный разсудокъ противъ постояльца

Но оторвать отъ него свое сердце, забыть его, изгладить его прекрасный образъ не могла: это было свыше силъ Анастасіи. Очарованіе побѣдило слабую волю. Эта мысль день-ото-дня все болѣе укрѣплялась въ ней.

Правда, Антонъ бралъ крестъ ея... Но надѣвалъ ли? Если и надѣвалъ, такъ видно не могъ снести благодати. А, статься можетъ, бралъ крестъ, чтобы ворожить надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ въ груди у ней кипитъ словно смола; когда смотритъ на Антона, не можетъ отвесть отъ него глазъ, не можетъ досыта насмотрѣться; такъ и хотѣла бы вынуть душу изъ груди и отдать ему. Если бы могла слетѣть къ нему пташкой, готова бъ забыть дѣвическую стыдливость, отца, брата, и обняла бъ его и замерла бы на его груди. Вотъ теперь онъ далеко подъ Тверью, а она все видитъ его, будто онъ съ нею, будто волшебнымъ взглядомъ просится къ ней въ душу: не пустить не сможетъ. Закроетъ глаза,—очарователь тутъ какъ тутъ, и сидитъ съ нею, и шепчетъ ей прилучныя, приманныя слова, на которыя за отвѣтомъ развѣ на небо Господне сходить. Откроетъ глаза,—передъ ней стоитъ пригожій чужеземецъ, словно живой. Не открестится, не отмолится. Дѣвушки-подруги говорили ей (знать, слыхали отъ матерей), можно полюбить суженаго-ряженаго, и то когда увидишь его нѣсколько разъ, — можно полюбить мужа, когда поживешь съ нимъ годокъ, два. А этотъ никогда не былъ ей суженымъ: отчего жъ, лишь взглянула на него, предалась ему всею душою, всѣми помыслами? Хотя бы истопталъ своими острыми каблуками, и тутъ не могла бъ отстать отъ него. Ходитъ она по саду — голову повѣсивъ, ищетъ какого-то ката ненагляднаго, не здѣшняго. Ноженьки ея пута-

ются въ шелковой травѣ; возвращаясь домой, шепчетъ про себя:

— Всѣ цвѣты, цвѣты видѣла, одного цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ, ужъ какъ нѣтъ цвѣту алаго, самаго моего прекраснаго! Иль его краснымъ солнышкомъ выпекло? иль его частымъ дождемъ выбило? иль его совсѣмъ въ саду не было?

Ни игры, ни хороводы и пѣсни не могутъ развлечь ея тоски. Посреди хороводовъ видитъ она милаго чужеземца; подруга ль жметъ ей руку, содрогается; пѣсни только-что разжигаютъ ея сердце и наводятъ на него новую грусть. Безъ надеждъ, безъ сладкой будущности, она только желаетъ одного — освободиться отъ тяжкаго очарованія. Но сказать о томъ не смѣетъ никому. Грѣшная только въ любви къ басурману, она часто изливается въ слезахъ молитвы, бьетъ себя въ грудь и кается въ тяжкихъ грѣхахъ, невѣдомыхъ ей самой.

Мамка замѣтила, что питомица ея груститъ, сохнетъ, спадаетъ съ лица: отецъ тоже сталъ примѣчать. Послали за старушками-вѣдями; гадали, ворожили на водѣ, на угольяхъ и четверговой соли, выводили таинственные круги на дверяхъ, клали жеребейки подъ мѣстныя иконы въ церкви Девяти Мучениковъ. Рѣшили наконецъ ворожейки, что она тоскуетъ по суженомъ, котораго переѣхалъ недобрый человѣкъ. Было много жениховъ; иные казались не по нраву боярина — вѣдь она одна у него, словно солнышко на небѣ, — другихъ разбивалъ Мамонъ чрезъ подкупленныхъ свахъ.

— Анастасія Васильевна съ изъянцемъ,—говорили онѣ: — у ней какое-то родимое пятнышко, тутъ и

снушка, здѣсь рубчикъ; нерѣдко находитъ куриная слѣпота: и устарокъ-то она, и житья недолгаго.

Очныхъ ставокъ наводить нельзя было, вѣрили на слово свахамъ, и женихи позамолкли. Отецъ и мамка ходили на богомолье, ставили мѣстныя свѣчи, теплили неугасимую лампаду, одѣляли щедро нищихъ, и все съ одною мыслью отогнать отъ милой Насти, свѣта-радости, того недобраго человѣка, который переѣхалъ ей путь къ счастію супружескому.

Вдова Селинова узнала черезъ знакомыхъ ворожеекъ и подругъ Анастасіи о нездоровьѣ ея. Ощупью ума лукаваго, чутьемъ сердца и опыта, она стала угадывать, что тутъ кроется тайна. Довѣдаться ея и сдѣлаться въ ней участницей, вотъ чего хотѣла добиться, во что бъ ни стало. По мужѣ она была дальняя родственница Образцу. Овдовѣвъ, рѣдко посѣщала домъ воеводы, остерегаясь будто дерзкихъ поступковъ Хабара; она была такъ молода, могла еще выдти замужъ и берегла свое доброе имя!.. При людяхъ образецъ скромности, слова свободнаго не проронитъ, очей не подниметъ на мужчину, отъ нескромныхъ рѣчей вся горитъ. Нерѣдко матери ставятъ ее въ примѣръ своимъ дочерямъ. Зато сбереженное наружно—расточаетъ тайно своему избранному любимцу. Все ему, и роскошь ночей, и дни съ сладкими воспоминаніями о нихъ, съ надеждами на другіе, и всякаго рода жертвы, какія могъ только требовать отъ нея удалый молодецъ д[illegible]потъ въ любви, и какія могла только изобрѣсть въ у[illegible]ду ему. Въ такихъ случаяхъ страсть бываетъ твор[illegible]мъ высокимъ: передъ нею ничто Байронъ, Мицке[illegible]чъ, Пушкинъ. Все въ дань несетъ своему идолу п[illegible]клонница его—золото, серебро, спокойствіе, красоту.

Но Хабаръ, разгульный, раздольный, остановитъ ли свою побѣду на одномъ предметѣ? Такая побѣда для него не тотъ же ли плѣнъ? Широко рукамъ, широко волѣ и сердцу,—вотъ его завѣтное слово. Помѣха прочь съ его дороги! не-то онъ изломаетъ того, кто поставилъ ее; попытайте накинуть на него цѣпи, — изорветъ богатырски. Онъ видѣлъ опасность въ любви Гаидиной, и добылъ эту любовь сквозь стражу деспота морейскаго, можетъ быть на концахъ ножей, изощренныхъ силою золота. Завтра готовъ потерять голову, а нынѣ возьметъ свое.

Когда Селинова узнала, что у сердца его другая прилука, что жертвы другой ему угоднѣе, ревность закипѣла въ груди ея. Сначала пытала возвратить его новыми ласками, новыми жертвами, какъ покорная рабыня, терпѣла отъ него жестокое обращеніе, даже побои. Къ кому она ни прибѣгала, чтобы обратить къ себѣ невѣрнаго — и къ ворожеямъ, и къ жидовину, у котораго Адамова книга, и къ лекарю Антону! Даже не устыдилась просить помощи у переводчика Бартоломея. Какъ простодушное дитя, она готова была вѣрить даже и тому, что ей совѣтовали дѣлать, шутя надъ ней. Но когда всѣ эти средства не помогли, она хотѣла, во что бъ то ни стало, известь свою соперницу. Видѣли мы, что это ей не удалось. Теперь рѣшилась мстить Хабару, какими бы орудіями ни было, и для того, пользуясь его отсутствіемъ, вползла змѣей въ домъ Образца. Дворъ ея былъ почти обо дворъ Анастасьина отца; посѣщенія стали учащаться.

Бояринъ не зналъ и не хотѣлъ знать о связи своего сына; тужилъ о его разгульномъ поведеніи и журилъ его изрѣдка въ надеждѣ, какъ мы сказа и

прежде, что молодой конь перебѣсится. Только одно увѣщаніе, которое онъ сдѣлалъ ему при разставаніи, конечно, стоило всякихъ жестокихъ выговоровъ. Увидавъ въ домѣ своемъ вдову Селинову, онъ съ простодушною ласкою ввелъ ее къ дочери, какъ умную, скромную собесѣдницу. Съ каждымъ посѣщеніемъ вкрадывалась она глубже въ душу Анастасіи. То затѣвала въ садахъ новыя игры, то учила пѣснямъ, которыми подлаживалась подъ состояніе ея души, или указывала ей затѣйливые узоры для кружевъ, то подстилала ей сказочный коверъ-самолетъ. А Селинову поневолѣ заслушивались: и простая-то рѣчь ея была вся на пѣсенныхъ поговоркахъ; чтожъ, когда она разсказывала съ желаніемъ угодить? Между тѣмъ она пытала осторожно, искусно, не бьется ли сердце дѣвушки по комъ изъ сосѣднихъ молодцовъ, котораго могла увидѣть сквозь садовый тынъ. Тутъ узнала допросчица, что никто изъ денди того времени, остриженныхъ въ кружокъ, не плѣнилъ дочери Образца. Потомъ перевела она рѣчь на Іоанна младого. Извѣстно было, какъ Анастасія понравилась княжичу, наслѣднику московскаго стола, и какъ эта склонность нарушена замыслами великаго князя, который искалъ въ бракѣ своихъ дѣтей не сердечнаго союза, а политическаго.—«Не крушится ли она по такомъ дорогомъ, прекрасномъ женихѣ? не тоскуетъ ли о палатахъ великокняжескихъ, о вѣнцѣ свѣтломъ?» думала Селинова. И послѣ попытокъ съ этой стороны осталась ни при емъ, какъ богатыри нашихъ сказокъ на перекресткѣ зныхъ дорогъ, не зная, которую избрать, чтобы ѣхать до цѣли своихъ поисковъ. Анастасія совсѣмъ была о княжичѣ: любовь его была нѣкогда принята

за шутку, такъ и теперь, вмѣсто шутки, она слушала напоминаніе о ней. Однакожъ нельзя было сомнѣваться, что у дочери Образца болитъ сердце, а не сама она больна. Опытный глазъ умѣлъ это различить. Кто жъ бы такой былъ предметъ ея любви? — думы объ этомъ сокрушали Селинову.

Разъ сидѣли онѣ вдвоемъ и плели кружева. Какой-то злой духъ шепнулъ ей заговорить о басурманѣ-постояльцѣ.

Вообразите себя брошеннымъ судьбою въ чужую землю. Кругомъ васъ всѣ говорятъ на языкахъ незнакомыхъ; рѣчь ихъ для васъ какая-то смѣсь дикихъ, странныхъ звуковъ. Вдругъ среди толпы упало слово на языкѣ родномъ. Не пробѣжитъ ли тогда судорожный трепетъ по всему существу вашему, не замретъ ли ваше сердце? Или представьте себѣ русскаго селянина въ концертѣ, гдѣ расточена вся творческая роскошь и премудрость иностранной музыки. Дитя природы слышитъ съ равнодушіемъ непонятные звуки. Но вотъ Воробьева соловьинымъ голосомъ затянула «*Не кукушечка во сыромъ бору куковала*». Посмотрите, что дѣлается тогда съ полуспящимъ слушателемъ Такъ и съ Анастасіей. До сихъ поръ Селинова говорила ей языкомъ чужбины, выводила для нея звуки непонятные. Но лишь только вымолвила слово родное, тронуло струну сердечную, и всѣ струны ея существа отозвались такъ, что готовы были порваться. Анастасія затрепетала, руки ея блуждали по кружевной подушкѣ, лицо помертвѣло. Она не смѣла поднять глаза и отвѣчала кое-какъ невпопадъ.

— А! — подумала Селинова, — это недаромъ; вѣтеръ съ какой стороны дуетъ непогода!

Обѣ замолчали. Наконецъ Анастасія осмѣлилась взглянуть на подругу, чтобы вывѣдать въ глазахъ ея, не замѣтила ль она ея смущенія. Взоры Селиновой опущены на рукодѣлье, на лицѣ не видно и тѣни подозрѣнія. Лукавица хотѣла мало-по-малу, незамѣтно, выиграть довѣренность неопытной дѣвушки.

— Такъ *онъ* куда жъ пошелъ?—спросила, немного погодя, молодая вдова, не называя о комъ спрашивала.

— Пошелъ съ великимъ княземъ въ походъ,—отвѣчала Анастасія краснѣя; потомъ, одумавшись, прибавила,—вѣдь ты меня спрашивала о братцѣ родномъ.

— Нѣтъ, радость моя, рѣчь-то у насъ была объ Антонѣ-лекарѣ. А куда какъ жаль что онъ басурманъ! такого молодца и между нашими москвичами поискать. Всѣмъ взялъ, и ростомъ и пригожествомъ; взглянетъ, словно жемчугомъ окатнымъ даритъ, кудри по плечамъ лежатъ, словно жаръ горятъ, бѣлъ, румянъ, будто красная дѣвица. Диву даешься, откуда такая красота, съ Божьяго ли изволенія, или не спросту, отъ нечистаго навожденія. Такъ бы и глядѣла на него, да кабы не грѣхъ молвить, и на томъ свѣтѣ досыта бъ не насмотрѣлась.

Отъ этихъ похвалъ помертвѣлое лицо Анастасіи вспыхнуло пожаромъ зари, когда она предвѣщаетъ бурю.

— Ты развѣ видала его? — спросила влюбленная ушка дрожащимъ, замирающимъ голосомъ, оставивъ ю работу.

— Видала не разъ. На коня ли садится, — подъ мъ конь веселится. Скачетъ ли, — что твой вихрь вольному полю! — конь огнемъ пышитъ, подъ собой

земли не слышитъ. По лугу ль ѣдетъ, — лугъ зеленѣетъ; черезъ воду, — вода-то лелѣетъ. Не только видала, подивись, свѣтъ мой, я была у него въ хоромінахъ.

Дѣвушка покачала головой; очи ея подернула тѣнь задумчивости; чувство ревности, тайкомъ отъ нея, закралось въ ея сердце.

— Да какъ же не побоялась идти къ нему? — сказала она: — вѣдь онъ басурманъ!

— Кабы ты знала, Настенька, чего не сдѣлаешь любя!

— Любя?.. — произнесла Анастасія, и сердце ея сильно застучало въ груди.

— Охъ, кабы не боялась, открыла бъ тебѣ тайну задушевную.

— Скажи, пожалуста, скажи; не бойся, вотъ тебѣ Матерь Божія порукой, твои слова умрутъ со мною.

И дѣвушка дрожащею рукой творила широкій крестъ.

— Коли такъ, повѣдаю тебѣ, что Богу одному сказала. Не поверхъ одного моря синяго ложится туманъ, черна мгла, не одну Господню землю кроетъ темна ноченька, осенняя; было времячко, налегала на мою грудь бѣда тяжкая, ретиво сердце потонуло въ тоскѣ со кручиною: полюбила я твоего братца Ивана Васильевича. (Отъ сердца дѣвушки отошло; она вздохнула свободнѣе). Ты не знаешь, свѣтъ мой, мое дитятко, что такая за примана любовь, и, дай Господ не вѣдать тебѣ никогда. Придетъ ли темная ноченьк очей не смыкаешь; взойдетъ ли красна зореньк встрѣчаешь въ слезахъ, и денекъ-то весь пасмурен

Много людей на бѣломъ свѣтѣ, а видишь только одного, въ свѣтлицѣ своей на улицѣ, въ домѣ Божіемъ. Камень стоитъ въ груди, а свалить не сможешь.

Заплакала тутъ Селинова искренними слезами. Собесѣдница слушала ее съ жаднымъ участіемъ; ей описывали собственныя чувства.

— Вотъ, — продолжала молодая вдова, обратясь къ лукавой цѣли своей, — повѣдали мнѣ добрые люди: пріѣхалъ Антонъ-лекарь отъ нѣмцевъ, лечитъ дескать всякіе недуги, и отъ недобраго глаза, и съ вѣтру, и отъ своей глупости. Послушала я добрыхъ людей, пошла къ лекарю съ толмачомъ Бартоломеемъ.

— Чтожъ, сдѣлалъ тебѣ какую помощь нашъ Антонъ?

— Далъ мнѣ травку, пошепталъ надъ ней и велѣлъ мнѣ бросить черезъ голову. Повѣришь ли, свѣтъ мой, словно рукой сняло: груди стало легко, на сердцѣ весело. Тутъ взглянулъ на меня басурманъ, такъ и потянулъ къ себѣ очами. Но я взмолилась ему отпустить душу на волю, и онъ сжалился, отпустилъ. Съ той поры опять начала знать, что день, что ночь, видѣніе пропало, летаю себѣ вольною пташкой, щекочу пѣсенки съ утра до вечера и тоскѣ-кручинѣ смѣюсь за-глаза.

Лукавая рѣчь начинала волшебно дѣйствовать надъ слушательницей. Анастасія глубоко задумалась, стала безъ толку перебирать коклюшками и выводить такіе дреные узоры, какіе могла развѣ вывести любимая кошечка, если бъ заставили ее плесть кружева. «Такъ бы ей избавиться ужасной тоски, ее снѣдащей», думала она, хотѣла посовѣтоваться объ этомъ Селиновой, и вдругъ какъ будто стало жаль ей

своей кручины. Было глубокое молчаніе. Молодая вдова прервала его:

— Настенька, свѣтъ мой!—начала она голосомъ такого трогательнаго, живаго участія, который невольно вызывалъ на откровенность.

Дочь Образца взглянула на нее глазами, полными слезъ, и покачала головой.

— Откройся мнѣ, какъ я тебѣ открылась,—продолжала Селинова, взявъ ея руку и сжимая у своей груди. — Я поболѣ тебя живу на свѣтѣ... повѣрь мнѣ, легче будетъ... Вѣдь по всему видно, что съ тобой, радость моя, дѣется.

И Анастасія, рыдая, вымолвила ей наконецъ:

— Охъ, душа моя, душенька, Прасковья Володиміровна! возьми булатный ножъ, распори мнѣ бѣлу грудь, и посмотри, что тамъ дѣется.

— Ужъ зачѣмъ брать булатный ножъ, ужъ зачѣмъ пороть бѣлу грудь, смотрѣть въ ретиво сердце! вѣдь по твоему бѣлу лицу всѣмъ дознать тебя, дитятко, какъ бѣло лицо потускнилося, какъ алы румянцы призакрылися, очи ясны помутилися. По всему дознать, полюбила ты сокола залетнаго, молодца заѣзжаго.

Анастасія ничего не отвѣчала; она не могла говорить отъ слезъ, закрывъ глаза руками. Наконецъ, обольщенная дружескимъ участіемъ Селиновой, увѣренная, что ей легче будетъ, если сдастъ тайну свою такой доброй подругѣ, разсказала ей любовь свою к басурману. Эпизодъ о тѣльникѣ былъ выпущенъ и откровенной повѣсти, кончившейся все-таки убѣжд ніемъ, что она очарована, околдована.

Бѣдная Анастасія!

Прекрасный цвѣтъ подснѣжникъ, росъ ты одинъ въ нѣгѣ родной долины! И красное солнышко приходило каждый день любоваться въ твои утреннія зеркала, и свѣтлый мѣсяцъ, послѣ знойнаго дня, спѣшилъ опахивать тебя крыльями своихъ вѣтерковъ, и Божьи ангелы, убаюкивая себя на ночь, разстилали надъ тобою парчевой пологъ, какого и у царей не бывало. Откуда ни возьмись буря, занесла издалече, съ чужбины, сѣмя повилики, рядомъ къ тебѣ, и повилика растетъ, ластится около тебя своею любовью, душитъ тебя, чудный цвѣтъ! Этого мало: червь приползъ къ твоему корню, впился въ него, и подточитъ васъ обоихъ, если не спасетъ благодѣтельная рука.

Торжествовала лукавая подруга: тайна великая, дорогая, ей принадлежитъ. Съ этимъ талисманомъ волшебница можетъ сотворить дивныя дѣла. Лишь махнула имъ въ умѣ своемъ, и бьетъ черезъ край мысль алмазная. Первое, что она почерпнула въ ея волшебныхъ струяхъ, было убѣжденіе Анастасіи, что она дѣйствительно очарована. Чтобы снять очарованіе, къ кому жъ прибѣгнуть, какъ не къ самому виновнику его? Можетъ быть, онъ сжалится надъ несчастною дѣвушкой, и избавитъ ее отъ несносной скорби, какъ избавилъ Селинову. Анастасія сама объ этомъ не разъ думала. Въ этомъ сошлись онѣ, какъ нельзя лучше. Но какъ дочери Образца пройти къ лекарю? Какъ сдѣлать, чтобы домашніе и посторонніе не видѣли, не вѣдали? Она тотчасъ умретъ, какъ скоро узнаютъ объ [illegible] похожденіи. Усердная посредница все уладитъ. [illegible]зъ свѣтлицы Анастасьиной ведетъ лѣсенка къ желѣзнымъ дверямъ, отдѣляющимъ половину боярскую отъ [illegible]урманской; дверь эта замкнута однимъ желѣзнымъ

затворомъ. Добрый часъ выпадетъ — отецъ, братъ не будетъ дома; Селинова станетъ на стражѣ, и концы въ воду. Анастасія сойдетъ къ Антону-лекарю, упадетъ къ его ногамъ, обольетъ ихъ своими слезами... Очарованіе снято,—и красная дѣвица вспорхнетъ отъ него въ свою свѣтлицу, будто птичка, которую окарналъ было злой воронъ и у которой приросли вдругъ новыя крылья,—вспорхнетъ легко, весело, и зальется въ пѣсняхъ о своемъ дѣвичьемъ счастіи. Отъ одного помышленія объ этихъ замыслахъ—стало легче Анастасіи.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

БАСУРМАНЪ

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СНЯТОЕ ОЧАРОВАНІЕ

У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
У души моей нѣтъ силы потерпѣть,
У любви моей нѣтъ воли умереть.

Мерзляковъ.

Анастасію нѣсколько времени утѣшала мысль, что снято будетъ съ нея очарованіе. Потомъ прекрасный образъ чужеземца сталъ опять тѣсниться въ грудь ея, и эта мысль начинала уступать прежней тоскѣ. Казалось, около нея начертанъ волшебный кругъ, изъ котораго она не могла выйти. Видно, заключена въ немъ до гроба. Теперь только и думъ, что о миломъ басурманѣ, только и дѣла, что ждать его. Съ именемъ гимъ она свыклась, его не чуждается болѣе, оно ало ей сладко, дорого, какъ имена отца, брата, если е дороже. Сидитъ пригорюнясь у окна своей свѣтцы, и смотритъ, не скачутъ ли изъ Твери дворчане ликокняжескіе. Съ содроганіемъ сердца внимаетъ бе-

сѣдамъ: не промолвитъ ли кто слова о басурманѣ? прислушивается даже къ голосу вѣтра: не принесетъ ли ей вѣтеръ полуночной вѣсточки о немъ? Онъ, княжичъ ея души, безпрестанно въ ея мысляхъ; о немъ тайно бесѣдуетъ она сама съ собою, и хотѣла бы, чтобы отецъ, домашніе, народъ, все твореніе говорило также объ Антонѣ. И между тѣмъ ни отъ кого о немъ не слышитъ. Скачетъ ли всадникъ, стукнетъ ли кто кольцомъ въ ворота, она трепещетъ, какъ осиновый листъ на вѣткѣ. Встрѣчаетъ день, провожаетъ его въ ожиданіи постояльца. Непріученная разсудкомъ и воспитаніемъ владѣть собою, она вся отдалась на волю своей страсти. Въ слезахъ, забывшись, умоляетъ милаго Антона скорѣе возвратиться и спасти ее отъ погибели, не боится грѣха молить о томъ же небесныя силы, не стыдится открывать свое мучительное нетерпѣніе лукавой посредницѣ.

Еще Тверь не была взята, а въ Москвѣ говорили ужъ о покореніи Твери. Кто привезъ эту вѣсть, никто не могъ сказать. Такъ часто въ народѣ есть какое-то чудное предчувствіе великихъ событій. Черезъ сутки гонецъ прискакалъ отъ господина всея Руси къ Софьѣ Ѳоминишнѣ и митрополиту, съ подтвержденіемъ этой вѣсти. Москва заликовала. Старшая сестра ея входила съ покорною головой въ разрозненную семью и водворяла въ ней согласіе и силу. По святому обычаю русскихъ, во-первыхъ дань Богу, — отслужили благодарственное молебствіе; потомъ дань господину, — когда Софья Ѳоминишна шла отъ Благовѣщенія, народъ привѣтствовалъ ее радостными восклицаніями. На улицахъ обнимались, поздравляли другъ друга, окружали гонца, не давали ему нигдѣ дороги, спрашивали о п

дробностяхъ великаго событія, когда, какъ взята Тверь, кто положилъ животъ за матушку-Москву, кто отличился въ ратной удали. Разумѣется, на радости, также по русскому обычаю, во всѣхъ концахъ города многіе славили побѣду безъ памяти, то есть до того заглядывали въ ковши и стопы, что потеряли способность помнить что-либо. Гонца зазывали къ себѣ, угощали, честили, какъ будто онъ былъ виновникъ побѣды.

Въ его разсказахъ имя Хабара чаще другихъ повторялось, и повторялось, какъ имя знаменитаго богатыря. *Охотники* слѣдовали за нимъ въ почетномъ ряду изустнаго бюлетеня. — «Каковы-ста *мы!*» — говорили сурожане и суконники за торговыми прилавками, охорашиваясь и съ самодовольствомъ поглаживая бороды: — «*мы* ста и нынче не ударили себя въ грязь; *мы* взяли Тверь». — Иные отъ души поздравляли ихъ, какъ настоящихъ побѣдителей, кланяясь въ поясъ; другіе вздумали оспаривать у нихъ побѣду, и затѣвали съ ними своего рода побоище, доходившее до пролитія крови и даже до убійства. Имя Андрея Аристотелева, къ общему удивленію, переходило также изъ устъ въ уста. — «Каковъ пострѣленокъ», — проговаривали старики, слушая о его похожденіяхъ: — «малъ, да удалъ, не дождутся годы, махнетъ въ воеводы». — «Не диво удальство его», — прибавляли другіе, — «отецъ нарвалъ ему какихъ-то потѣшныхъ яблочковъ изъ чортова сада: лишь кинетъ въ десятню, десятни не бывало. Сказываютъ, и Онтонъ-лекарь очертилъ его кругомъ, что ту лиха ни отъ огня, ни отъ стрѣлы вражьей». — олѣе всего эти вѣсти лелѣяли сердце стараго воеводы бразца. Гонецъ прямо изъ двора митрополичьяго ился къ нему съ ласковымъ словомъ отъ господина

всея Руси и съ большимъ спасибо отцу за сына. На этотъ разъ природа побѣдила его твердость: слезы оросили лицо старца. Никогда собственная ратная слава такъ не льстила ему, какъ слава, добытая сыномъ. Сперва въ божницѣ своей, а потомъ въ дому Божьемъ, принесъ онъ трофеи сына ко кресту Того, Кѣмъ побѣждена самая смерть и Чьей защитѣ обязанъ былъ здравіемъ и успѣхами воина, столь дорогого сердцу его.

То и дѣло начали пріѣзжать въ Москву передовые великаго князя; пыль не ложилась по улицамъ городскимъ. Прибыли и дворецкій вмѣстѣ съ путнымъ. Кончивъ свое дѣло на дворѣ великокняжескомъ, онъ посѣтилъ больного пріятеля и засталъ его, хотя и на одрѣ, изуродованнаго, но ужъ подававшаго надежду на выздоровленіе. Болѣзнь и досада, что не добыта разрывъ-трава, которая была подъ руками, растравила только злобную душу Мамона. Никогда горячка мщенія такъ сильно не пылала въ ней. Когда онъ услышалъ объ успѣхахъ Хабара, лицо его ужасно перекосило. Когда жъ дворецкій принесъ ему вѣсть, что великій князь хочетъ выдать дочь Образца за царевича Каракачу, онъ въ первый еще разъ воспрянулъ съ одра своего и воскликнулъ:

— Видитъ Богъ, пока я живъ, тому не бывать. Ее не отдали за моего сына, оставайся же она вѣчно въ дѣвкахъ. Постригись она, зарой себя живую въ землю, что мнѣ до того; а замужемъ ей не быт' Взгляни, друже, на меня, на сына: это все *и* дѣло.

Сынъ Мамона, стоявшій у постели, былъ блѣденъ какъ смерть; изъ чахлой груди его по-временамъ отд

вался глухой кашель, отзывъ смерти, будто изъ-подъ склепа.

По приказанію боярина подали ему лучшіе серебряные кубки и стопы его. Не говоря ни слова, онъ положилъ ихъ за пазуху дворецкаго, въ карманы, куда только могъ. Этотъ не бралъ, отказывался, благодарилъ, опять отказывался, и все-таки принялъ. Онъ понялъ своего пріятеля, и унесъ съ собою тяжкую добычу, безмолвный, но краснорѣчивый залогъ мести.

Новый гость принесъ отраду истерзанной душѣ Мамона. Это была Селинова. Она протоптала дорожку чернымъ вѣстямъ между двумя враждующими домами. Долго колебалась она разсказать ему про очарованіе Анастасіи; но мысль объ измѣнѣ и насмѣшкахъ Хабара, мысль, что онъ скоро пріѣдетъ и будетъ опять у Гаиды, радостной, торжествующей надо всѣмъ, преодолѣли сожалѣніе, которое пробудили въ ней и совѣсть и пріязнь влюбленной дѣвушки. Она разсказала Мамону все, что узнала о склонности ея къ басурману. Злоба имѣетъ свой восторгъ: Мамонъ смѣялся навзрыдъ, услыхавъ дивную вѣсть, упавшую на него такъ неожиданно.

«Господинъ великій князь пріѣхалъ!» — разнеслось по городу, и по всѣмъ концамъ его зашумѣло, какъ въ рою пчелиномъ, когда возвращается матка, отлетавшая погулять съ своею охранной стражей. — «Господинъ великій князь пріѣхалъ!» — повторилось въ [illegible]атахъ Образца и сердце Анастасіи забилось ожиданіемъ. Не брата ждала она: о Хабарѣ пришло отцу вѣстіе, что, по волѣ Ивана Васильевича, онъ остается на время въ Твери при Іоаннѣ младомъ. Третья, сидѣла она у окна своей свѣтлицы. И вотъ

наконецъ къ палатамъ прискакалъ всадникъ; онъ остановился у половины басурманской. На стукъ приворотнаго кольца, паробокъ Антона отворилъ ворота, сталъ вглядываться въ пріѣзжаго и наконецъ усердно раскланиваться съ нимъ.

Это не Антонъ. Тотъ въ нѣмецкой епанечкѣ, свѣтлые волосы его падаютъ кудрями по плечамъ, а этотъ молодецъ остриженъ въ кружокъ, въ русской одеждѣ, въ шеломѣ и латахъ. Щеки его горятъ, онъ весь въ пыли съ головы до ногъ. Между тѣмъ *паробокъ* принимаетъ коня его, служитъ ему, какъ своему господину, и даетъ знать, что онъ можетъ идти въ хоромы.

Сквозь отверстіе едва раскрытаго окна Анастасія взорами слѣдитъ незнакомца. Она не знаетъ, что подумать о появленіи его на мѣсто Антона-лекаря. Вотъ, онъ остановился на крыльцѣ, скинулъ шеломъ свой, украшенный вѣткою и перомъ попугая, утеръ платкомъ лицо свое и остановился на крыльцѣ, смотря съ грустью на окно свѣтлицы.

«Господи, это онъ!»—восклицаетъ Анастасія, краснѣя и блѣднѣя.

Да, это былъ Антонъ Эренштейнъ. Любовь пересилила его обѣтъ; онъ не смогъ выполнить его, онъ притащился опять къ очарованному дому, къ которому приковано было его сердце, все его существо.

— Кто такой, дитятко?—спросила вошедшая мамка, поймавъ свою воспитанницу на неосторожномъ [illegible] клицаніи.

— Онъ... мамушка... — посмотри, не братецъ пріѣхалъ... — отвѣчала испуганная дѣвушка, бро отъ окна.

Она не знала, что сказать; мысль, что своимъ восклицаніемъ могла возбудить подозрѣніе въ изобрѣтательномъ умѣ мамки, совершенно ее смутила.

— Стоитъ какой-то молодецъ на крыльцѣ у басурмана,—сказала мамка, качая головой,—только не братецъ твой родимый. Вотъ пошелъ въ хоромы къ Онтону-лекарю.

Антонъ, увидавъ морщиноватое лицо старушки вмѣсто Анастасьина, спѣшилъ войдти къ себѣ...

Тутъ начались бѣдной дѣвушкѣ наставленія, какъ опасно смотрѣть на чужой дворъ, какъ можетъ испортить ее недобрый глазъ и пуще глазъ басурмана-чернокнижника, какія отъ того могутъ выйдти ужасныя послѣдствія: все это съ разными народными текстами, съ подкрѣпленіемъ свидѣтельствъ и примѣровъ. Настоящая пытка! Анастасія и безъ того горѣла на угольяхъ; теперь вытягивали у ней душу.—«Я думала, братецъ родимый»,—говорила она въ извиненіе свое, прося со слезами прощенія. Но, видя, что ничто не сдержало ужаснаго потока, готоваго захлебнуть ее, она голосомъ отчаянія объявила, что наложитъ на себя руки, если мамка не перестанетъ ее грызть или скажетъ объ этомъ происшествіи отцу ея. Угрозы подѣйствовали, какъ ушатъ холодной воды надъ сумасшедшимъ, который готовъ замахаться до смерти головой; мамка пріутихла и обѣщала подъ клятвою не говорить объ этомъ боярину. Между тѣмъ, при первомъ случаѣ, [illegible]а Анастасія сошла внизъ къ отцу, завѣтное окно [illegible]о крѣпко-накрѣпко, глухо-наглухо заколочено. Въ [illegible]мъ видѣ свѣтлица сдѣлалась для нея хуже [illegible]мы: у ней отняли послѣднее утѣшеніе, послѣд[illegible]радость. Съ этого времени она не могла терпѣть

мамку и выгоняла ее отъ себя, какъ скоро та появлялась.

Что сдѣлалось съ бѣднымъ сердцемъ ея, съ бѣднымъ разсудкомъ? Крутыя мѣры противъ нея только усиливали ея любовь, а ей казалось, что съ пріѣздомъ Антона очарованіе дѣйствуетъ на нее сильнѣе, неотступнѣе. Мученія ея были нестерпимы; она готова была лишиться разсудка или, въ самомъ дѣлѣ, наложить на себя руки, какъ обѣщала мамкѣ. Селинова, посѣщая ее, то и дѣло подкладывала горючихъ веществъ подъ костеръ, и безъ того неугасимый, то и дѣло питала въ несчастной мысль, что она околдована. Надо было разрубить этотъ узелъ, который судьба затягивала на смерть.

Прошла недѣля въ такой душевной тревогѣ. Анастасія рѣшилась на тяжкій, но необходимый подвигъ. Она ждала только случая исполнить его. Случай этотъ наступилъ. Братъ еще не пріѣзжалъ изъ Твери, отецъ поѣхалъ къ пріятелю на пиръ по случаю какого-то домашняго праздника, мамка отправилась на *торгъ* для закупокъ; постоялецъ былъ дома,—это доказывали прилетавшіе изъ его комнаты печальные звуки его голоса и волшебнаго снаряда, которымъ онъ, между прочими средствами, очаровывалъ дочь Образца. Сердце ея замирало въ груди такъ, что дышать было тяжело. Рѣшалась идти, и боялась. Стыдливость, страхъ, любовь подъ видомъ тоски неизъяснимой долго боролись въ ней и привели ее въ лихорадочное сос---ніе. Наконецъ какое-то изступленіе овладѣло ею: рѣшилась... и послала сѣнную дѣвушку просить себѣ Селинову. Эта знала зачѣмъ, и поспѣг явиться.

Сѣнныя дѣвушки отпущены въ садъ погулять, въ хороводы поиграть.

Анастасія подала дрожащую руку Селиновой. Онѣ вышли изъ свѣтлицы и спустились по темной лѣсенкѣ, ведущей на половину басурманскую. Нѣсколько разъ дочь Образца просила свою подругу дать ей отдохнуть; не разъ скользила ея нога по ступенькамъ.

Передъ ними роковая дверь.

Анастасія остановилась у двери, она съ трудомъ перевела духъ. Сквозь туманъ ея мыслей представилась ей еще разъ одна, ужасная. Къ кому идетъ она, дѣвица, дочь боярина?.. Къ мужчинѣ, къ чужеземцу. Если бъ видѣлъ отецъ, братъ!.. Одинъ взглядъ ихъ убилъ бы ее на мѣстѣ. Еще время одуматься, можно еще воротиться. Она посмотрѣла на свою подругу, какъ бы умоляла ее о помощи. Лучъ свѣта, сквозь желѣзныя двери, падалъ на лицо ея. Селинова замѣтила ея нерѣшимость, и, вмѣсто того, чтобы удержать слабую, изступленную дѣвушку на роковомъ порогѣ, отодвинула желѣзный запоръ, дверь отворилась... Легкій толчокъ впередъ лукавой посредницы, и Анастасія на половинѣ басурманской, въ горницѣ, гдѣ самъ Антонъ-лекарь... Селинова успѣла осторожно спрятаться за дверь такъ, что онъ не замѣтилъ ея.

Антонъ, положивъ віолю на столъ, сидѣлъ, облокотясь на него, въ глубокой задумчивости. Шорохъ за дверью заставилъ его встрепенуться. Онъ сталъ прислушиваться... Шорохъ усилился за дверью. Что это значитъ? Не нападеніе ли какое? Странно, днемъ на половины боярской?.. Оружіе на стѣнѣ, почти подъ рукою; стоитъ только сдѣлать шагъ и схватить. Бояться нечего. Развѣ сила одолѣетъ?.. Но

изъ какой причины? Развѣ изъ ненависти къ басурману?..

Вотъ, стукнули запоромъ... скрипнула дверь... отворилась...

Боже! Анастасія?.. Она сама. Антонъ вскрикнулъ и всплеснулъ руками. Обезумленный ея появленіемъ, онъ не имѣлъ силъ двинуться съ мѣста.

Анастасія у ногъ его, молитъ его о чемъ-то... Наконецъ онъ едва можетъ разслушать слова: «сжалься, смилуйся надо мною... сними съ меня нечистую силу... не смогу болѣе нести... тяжело! душитъ меня!..»

Молодой человѣкъ поднимаетъ ее, беретъ за руки, сжимаетъ ихъ въ своихъ рукахъ, умоляетъ ее объясниться, говоритъ: «что ему должно быть у ногъ ея», и вмѣсто того, чтобы ждать объясненій, разсказываетъ ей въ самыхъ нѣжныхъ, пламенныхъ выраженіяхъ свою любовь, свои муки и опасенія. Изступленная, въ слезахъ, вся пылая, она кажется еще прекраснѣе, чѣмъ онъ видалъ ее прежде, издали. Нѣтъ, никогда въ жизни своей, въ Италіи, на родинѣ, на пути въ Москву, не встрѣчалъ онъ женщины, которую дерзнулъ бы хоть приблизительно сравнить съ нею. Только въ головѣ художника-поэта могъ осуществиться идеалъ ея. Онъ не знаетъ, что говоритъ, что дѣлаетъ; увлеченный своими чувствами, клянется ей въ вѣчной любви и осмѣливается напечатлѣть поцѣлуй на рукѣ ея.

И она, что пришла она сказать ему, о чемъ пришла его молить?.. Гдѣ ея намѣренія, цѣль бор ея? Его голосъ, его рѣчи и ласки — все переверн вверхъ дномъ. Она забыла прошедшее, она не по маетъ настоящаго; но это настоящее такъ сладко, т

пріятно струится въ ея крови, что она не промѣняетъ его на всѣ протекшіе годы жизни своей. Языкъ ея хотѣлъ дать ему имена врага Божьяго, колдуна, очарователя, и не смѣетъ произнести этихъ словъ, будто богохульство. «Свѣтъ мой, радость моя», — желала бы она вымолвить, но и того пуще не сможетъ, хотя сердце втайнѣ и твердитъ эти имена. Рука ея въ его рукѣ; хотѣла бъ отнять,—не въ силахъ. Наконецъ она зарыдала и упала на грудь его.

Антонъ беретъ ее въ свои объятія, сажаетъ на скамейку, становится передъ нею на колѣна. Смутно понимая, что она хотѣла сказать ему словами «нечистая сила, очарованіе», и соображая съ этими словами слухи, распущенные о немъ по Москвѣ, клянется Господомъ Богомъ, Пречистою, всѣми святыми, что онъ христіанинъ, почитаетъ волшебство великимъ, смертнымъ грѣхомъ и никогда не думалъ дѣлать какія-либо чары надъ ней. Въ свидѣтели указываетъ ей на икону греческаго письма, поставленную въ его комнатѣ, крестится русскимъ крестомъ, вынимаетъ изъ груди и цѣлуетъ серебряный тѣльникъ, выпрошенный имъ у Хабара.

— Люблю тебя болѣе всего на свѣтѣ, — говоритъ онъ ей,—болѣе матери родной. Только и отрады хоть издали увидѣть тебя; сохну, какъ листъ осенній, безъ тебя, свѣтъ очей моихъ, жизнь моя! Не промѣняю взгляда твоего на всѣ груды золота, на богатство великаго князя, на почести бояръ его, всѣхъ вмѣстѣ. Поэтому и я околдованъ, и на меня насланы чары.

тъ, безцѣнная, дорогая моя, это любовь, а не колство. Богу такъ угодно было, а не силѣ поганой. гребуй отъ меня, чего хочешь, отдамъ тебѣ по ку тѣла моего, по каплѣ крови; прикажи, вымолви

только слово, и я исполню его. Ненавистенъ я тебѣ, вели мнѣ убѣжать въ землю далекую, — я убѣгу и изною тамъ въ тоскѣ по тебѣ, но исполню волю твою.

— Нѣтъ, — сказала Анастасія, вдохновенная любовью: — останься, только окрестись въ нашу вѣру.

Та, за честь которой онъ отдалъ бы свою жизнь, переступила порогъ мужской комнаты; этотъ поступокъ кинулъ пятно на дѣвственное покрывало ея. Антонъ видитъ бездну, надъ которою судьба поставила неопытную дѣвушку и его самого; зашли слишкомъ далеко, чтобы воротиться, и — онъ даетъ обѣтъ принять русскую вѣру. Условіемъ только рука ея. Отвѣта нѣтъ, но за нее говорятъ прекрасныя очи, подернутыя завѣсою черныхъ, длинныхъ рѣсницъ, румянецъ, играющій на щекахъ. Онъ обвилъ ея станъ своею рукою и прижалъ ее къ сердцу. Поцѣлуй замеръ на губахъ ея, поцѣлуй жениха невѣстѣ, обручившій ихъ на жизнь и на смерть. Анастасія не имѣла силъ противиться.

Дверь скрипнула: Анастасія опомнилась и вырвалась изъ его объятій.

— Кто жъ тамъ?—спросилъ въ ужасѣ молодой человѣкъ.

— Моя подруга... не бойся... — отвѣчала Анастасія, бросившись въ дверь.

Антонъ стоялъ, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ, будто ошибло его громомъ.

— Подруга? поэтому честь дѣвушки въ залогѣ третьяго лица, — думалъ онъ, и подтвердилъ въ душѣ своей роковой обѣтъ.

Желѣзная дверь вздохнула на своихъ петляхъ, нулъ запоръ, и всѣ бездушныя вещи пришли

мѣста. Но какое превращеніе испытали трое существъ, разыгравшихъ прошедшее явленіе. Да, трое, потому что Селинова, готовая на отраву любовника и на самоубійство для него, готовая въ минуту мести на злодѣяніе и въ минуту великодушія на необыкновенныя жертвы, была такъ тронута любовью Антона и дочери Образца, что раскаялась въ своихъ гнусныхъ поступкахъ и намѣреніяхъ противъ нихъ. Она дала Анастасіи клятву молчать о ихъ свиданіи, оставила ее наслаждаться своимъ счастіемъ, которое, — знала она по опыту, — бываетъ такъ быстролетно на землѣ, и прямо побѣжала къ Мамону. Здѣсь, со слезами на глазахъ, ударяя себя въ грудь, призналась ему, что все сказанное насчетъ Анастасіи выдумано ею, все клевета, ложь, что она, истерзанная, измученная раскаяніемъ, готова подтвердить это подъ ужасною присягою, даже *подъ колоколами*, если понадобится. Раздраженный этимъ признаніемъ, сокрушенный имъ въ лучшихъ своихъ надеждахъ, Мамонъ грызъ себѣ кулаки и едва не вытолкалъ молодую вдову изъ дому своего.

Что жъ съ Анастасіей?.. Гдѣ она была, что слышала, что ощущала?—На рукѣ, на устахъ, въ груди, во всемъ ея существѣ горятъ слѣды, которые и въ гробъ возьметъ съ собою. Какъ пригожъ, какъ ласковъ!.. Нѣтъ, онъ не поганый басурманъ, не чернокнижникъ, а милый Антонъ, родной ея, суженый, сокровище ненаглядное. Что она чувствовала, и Антонъ же чувствовалъ; что съ нею было, было и съ Антомъ: это не колдовство — это называютъ любовью. ленькая, она этого прежде не понимала! Неправду зали ей и подруги ея про любовь: видно, онѣ сами нали ея. Онъ окрестится въ русскую вѣру... бу-

детъ сватать ее... отецъ спроситъ: «Любъ ли тебѣ Антонъ?»—«Любъ мнѣ, какъ свѣтъ Божій»,—скажетъ она. Нѣтъ, она этого не посмѣетъ сказать отцу, онъ пойметъ изъ ея молчанія... Чего не говорилъ ей воркунъ, сизый голубчикъ! Въ ласковыхъ рѣчахъ отца, брата, подругъ не было такихъ рѣчей. Откуда взялъ онъ ихъ? Такъ радостно, такъ хорошо отъ нихъ было душѣ, вѣкъ хотѣла бы слушать, и не наслушалась бы. Многихъ словъ не поняла: видно, тѣхъ приманныхъ, прилучныхъ словъ, что шепталъ онъ ей и во снѣ, на которыя за отвѣтомъ развѣ на небо Господне сходить! А какъ взялъ ее за руку, свѣта Божьяго не взвидѣла, въ глазахъ помутилось. Вотъ этакъ разъ мамка, смѣха ради, напоила ее хмѣльнымъ медомъ. Правда, въ глазахъ было мутно, да сердцу такъ хорошо не было, не знаешь, какъ ужъ и разсказать. А какъ поцѣловалъ ее въ уста... Господи, не помнитъ она, жива ли была или умерла на это время!

Анастасія—вся кипучій восторгъ, вся расцвѣтъ жизни, какъ полный праздничный фіалъ подъ вѣнцомъ своей искрометной влаги, какъ роза, вспыхнувшая изъ своей дѣвственной почки отъ пламеннаго луча полудня.

Что-жъ было съ Антономъ?.. Не дитя ли онъ, которому случай послалъ дорогую игрушку, ожиданную съ тоскою и страхомъ нетерпѣнія... Нѣтъ, онъ молодъ лѣтами, но мужъ душою, готовый выручить слово свое изъ борьбы съ властями земли, со всѣми насланіями рока. Онъ не пойдетъ назадъ, хотя стояла передъ нимъ бездна. Онъ далъ обѣтъ, и испнитъ, развѣ смерти уступитъ. Въ сердцѣ его нѣ ужъ борьбы, есть одинъ долгъ, святой, неизмѣнн

Кстати его рѣшенію помогаетъ мысль, что мать, воспитатель намекали ему, только-что не приказывали, въ каждомъ письмѣ остаться на Руси. Мать сама обѣщала, по какимъ-то важнымъ, но тайнымъ причинамъ, переселиться къ нему, если онъ найдетъ свою осѣдлость въ этой сторонѣ. Русь будетъ его вторымъ отечествомъ—въ такомъ случаѣ надо принять и исповѣданіе ея. Чтожъ? исповѣданіе христіанское, чистое отъ укоризны въ злоупотребленіяхъ и фанатизмѣ, въ которыхъ можно упрекнуть западную церковь. Цѣлые народы полудня волнуются за новыя религіозныя мнѣнія; Виклефъ, Гуссъ имѣютъ тысячи послѣдователей: за эти мнѣнія родина его пролила столько крови!.. Правда, тамъ дѣйствуетъ убѣжденіе, а здѣсь не корысть ли, не себялюбіе ль?.. Нѣтъ, и здѣсь не одна корысть, одна любовь. Спасеніе ближняго, друга, сестры, невѣсты отъ безчестья, отъ погибели здѣсь и на томъ свѣтѣ, спасеніе всего семейства ея отъ позора, престарѣлаго отца отъ преждевременной смерти, себя самого, можетъ быть, отъ ужаснаго грѣха убійства не есть ли тоже цѣль высокая, достойная и великихъ пожертвованій?.. Антонъ знаетъ, что этими жертвами не губитъ души своей; а хотя бъ пришлось и погубить ее для Анастасіи, для спасенія чести ея, которая была пущена въ такую ужасную игру, онъ не задумается. Такими доводами вооружался герой нашей повѣсти, чтобы успокоить свою совѣсть, немного мятежную. Нечего ха таить — многіе изъ нихъ диктовало ему сердце, асть, а не разумъ, не сила воли. Не хотимъ его лать лучше, чѣмъ онъ былъ.

Получить руку боярской дочери не есть мысль

безразсудная. Одно условіе — исповѣданіе. Съ исполненіемъ этого условія иноземцу свободенъ входъ въ домъ Божій, помазанная святымъ елеемъ голова можетъ стоять подъ брачнымъ вѣнцомъ съ русскою дѣвицею. Сколько примѣровъ было, что татары новокрещенные женились на дочеряхъ боярскихъ! Отцы думаютъ спасти душу свою такими браками, которые, по мнѣнію ихъ, искупаютъ поганыхъ отъ огня вѣчнаго. Самъ великій князь одобрялъ подобные союзы русскихъ съ иноземцами и дарилъ новобрачныхъ помѣстьями. Богъ видитъ, не помѣстья прельщаютъ Антона: онъ отъ нихъ откажется.

Но рука Анастасіи обѣщана великимъ княземъ касимовскому царевичу Каракачѣ, но бояринъ Образецъ питаетъ къ своему постояльцу особенное недоброжелательство?.. Какъ предупредить ужасный союзъ съ татариномъ и разрушить препятствія, раздѣляющія его съ отцомъ Анастасіи? Къ кому ближе, успѣшнѣе прибѣгнуть для достиженія того и другого?.. Въ такихъ мыеляхъ засталъ его Андрюша.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОДИМЕЦЪ ХУДОЖНИКА

Любовникъ, когда онъ видитъ смерть обожаемой женщины, мать, разлученная навѣки съ дочерью, отецъ, отверженный неблагодарными дѣтьми, изгнанникъ, который не можетъ обнаружить клеветы, — всѣ эти несчастливцы не знаютъ тѣхъ страданій, какія испытываетъ художникъ, когда, непризнанный, онъ переходитъ въ вѣчность.

«Ролла во Флор.» — *Лафонъ.*

— Милый, ахъ, милый Антонъ! спаси отца моего! — вскричалъ сынъ Аристотеля, вбѣжавъ въ комнату.

— Что съ нимъ сдѣлалось? — спросилъ лекарь, цѣлуя малютку. — Да ты самъ въ крови?

— Ушибъ немного високъ... упалъ съ лѣстницы... пройдетъ... Но отецъ, отецъ! ахъ, что съ нимъ будетъ! Вотъ ужъ сутки не пьетъ, не спитъ, все бредитъ, жалуется, что ему не даютъ подняться до неба... Давече, къ утру, закрылъ глаза; подошелъ я къ нему на цыпочкахъ, пощупалъ голову, — голова горитъ, ы засохли, грудь дышитъ тяжело... откроетъ мутные глаза, смотритъ и не видитъ, и говоритъ самъ съ ою непонятныя рѣчи. Теперь сидитъ на площади, кирпичахъ, что готовятъ подъ Пречистую, махаетъ ми и бьетъ себя въ грудь.

— Успокойся. Это ничего, душа моя... какое-нибудь огорченіе художника. Пойдемъ къ нему и посмотримъ, что надо съ нимъ сдѣлать.

Они поспѣшили выдти и почти бѣгомъ направили путь свой къ развалинамъ Успенскаго собора.

Художника застали еще въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ его Андрюша. Голова его не была покрыта, вѣтерокъ развѣвалъ безпорядочно длинные волосы, въ мутныхъ глазахъ изображалось отчаяніе; золотая цѣпь съ гривною, даръ великаго князя, лежала задомъ напередъ. Между грудами камней онъ казался живою развалиной. Съ приходомъ лекаря ироническая улыбка пробѣжала по губамъ его.

— Откуда? — спросилъ онъ, обращаясь къ Антону. — Не изъ двора ль господина всей Руси? Что? чай, лечилъ попугаевъ, кошекъ великокняжескихъ? Польза впередъ изящнаго! Такъ и должно быть. Лечи, лечи, братъ, это здоровѣе, нежели тягаться за тайнами неба!.. И языки смотрѣлъ у царедворцевъ?.. А?.. Въ здоровомъ положеніи?.. Попрежнему намазаны медомъ, когда надо говорить горькую истину, попрежнему— ядомъ, когда надо защищать угнетенныхъ?.. Насыпалъ бы на нихъ негашеной извести, вытянулъ бы имъ горячими клещами до второго пришествія! . Пигмеи!.. Что, господинъ лекарь, черпальщикъ живой и мертвой воды, теперь пришелъ посмотрѣть на униженіе художника, посмѣяться, какъ рука невѣжества свалила разомъ всѣ лучшія мечты его, которыми о... хотѣлъ на небо?.. Смотри, любуйся!.. Чай, смѣшно Не насмѣхайся заранѣе: подожди, та же участь жде тебя!

— Мы пришли утѣшить тебя, помочь тебѣ сво

любовью, — сказалъ Антонъ, тронутый до слезъ. — Ты не узнаешь дѣтей своихъ?

— Помочь?.. Поздно!.. (Аристотель покачалъ головой). Нѣтъ у меня дѣтей!.. Посмотрите, вотъ было мое созданіе, мое дѣтище (онъ указалъ на разорванные клочки чертежа, разсыпанные кругомъ). Это гробъ его. Похороните меня здѣсь, съ нимъ вмѣстѣ... Гробъ, ничтожество, вотъ что меня ждетъ!.. Я хотѣлъ создать имъ храмъ, храмъ Богу, понимаете ли? Куда имъ! Имъ надо пушки, колокола, чѣмъ огромнѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ звучнѣе, тѣмъ изящнѣй! Хорошо, смастерю имъ колоколъ, чтобы гудѣлъ про весь міръ о ихъ невѣжествѣ, чтобы зычалъ, какъ они завлекли меня сюда на приманку небесную и вмѣсто нея засыпали мнѣ глаза пескомъ, известью. Вылью имъ изъ мѣди пушку въ двѣ версты, поставлю ее противъ этого городишка — все въ развалины, все въ прахъ, и живое, и мертвое!.. О, тогда я останусь одинъ. Никто не помѣшаетъ мнѣ созидать храмъ. Я могу еще собрать части его: онъ тутъ еще (Аристотель ударилъ себя кулакомъ по головѣ и въ грудь), тутъ, пока я живъ. Тогда изъ развалинъ построю храмъ живому Богу: пускай народы придутъ издалече покланяться ему въ этой огромной пустынѣ!

Горько было Андрюшѣ слышать безумную рѣчь отца. Онъ сидѣлъ на камнѣ возлѣ него, цѣловалъ его руки и обливалъ ихъ слезами. Желая хоть сколько-
—будь поправить и заставить извинить безпорядокъ
наружности, унижающій родного старика въ глаъ прохожихъ, онъ скинулъ, будто отъ жара, шаку, чтобы подпариться ему, и поправилъ на немъ
ь. Аристотель взглянулъ на него съ участіемъ.

— Поправь, поправь, дитя мое, — сказалъ онъ, гладя сына по головѣ. — Это дорогая, высокая награда за обжигу кирпича, за мосты, за большую пушку! Тебѣ жъ достанется въ наслѣдство съ именемъ литейщика и муровщика!.. (Немного подумавъ и покачавъ головою). Не о такой наградѣ думалъ я, когда ѣхалъ сюда: цѣпью безсмертныхъ годовъ думалъ украсить свое имя; славное имя Аристотеля-Художника, создателя храма, хотѣлъ я оставить тебѣ въ наслѣдство. (Онъ остановился и заплакалъ). Благодарю Бога, удержался хоть тебя сдѣлать художникомъ. Помнишь, Антонъ, ты упрекалъ меня за это?

Лекарь видѣлъ въ слезахъ своего друга добрый знакъ; обрадованный также, что рѣчь склонилась на Андрюшу, онъ старался поддержать ее.

— Не упрекалъ, добрый другъ мой, — сказалъ онъ, — а спрашивалъ только о назначеніи твоего сына. Не будь неблагодаренъ къ милостямъ Творца: для фамиліи Фіоравенти Онъ былъ щедръ на великіе удѣлы. Братъ твой знаменитый врачъ; обѣтованная земля изящнаго, Италія, чтитъ въ тебѣ великаго художника; сыну твоему выпалъ жребій воина. Кто знаетъ, какими великими подвигами не означится этотъ жребій! Ты, конечно, поступилъ благоразумно, предоставивъ ему путь, открытый ему такъ широко самою судьбою и отважнымъ характеромъ его. Не всѣмъ идти по одной дорогѣ.

Въ это время на небѣ насупилась туча, вѣтеръ завылъ, будто прорванная плотина, и сталъ прохватывать художника. Онъ ощупалъ голову. Андрюша предупредилъ его и подалъ беретъ, который за нимъ никогда отецъ выходилъ изъ дому, а потомъ положи

недалече отъ него, между камнями. Аристотель накрылъ голову.

— Будетъ сильный дождь, — сказалъ сынъ его.

— Укроемся у меня, — подхватилъ Антонъ, и подалъ руку художнику.

Этотъ не противился и, молча, какъ покорное дитя, послѣдовалъ за нимъ, но прежде посмотрѣлъ на лоскуты чертежа. Ему какъ бы жаль было, что ихъ намочетъ дождемъ. Андрюша понялъ взглядъ отца, подобралъ лоскуты и бережно положилъ ихъ къ себѣ за пазуху.

— Да, хорошо, умно сдѣлано! — говорилъ Аристотель грустнымъ голосомъ, идя къ своему другу.

Онъ остался ночевать у Антона и цѣлые сутки пробылъ въ тревожномъ состояніи духа и тѣла. Рѣчи его большею частію были несвязны. Наконецъ онъ сталъ приходить въ себя, а когда образумился, началъ охуждать свое назначеніе. Такъ, или почти такъ, говорилъ онъ своему молодому другу:

— Ты не знаешь, Антонъ, что такое жизнь художника! Еще дитя, онъ тревожится непонятными, тяжкими думами; ему геній-сфинксъ задалъ ужъ свои загадки; въ немъ засѣлъ ужъ Прометеевъ воронъ и растетъ вмѣстѣ съ нимъ. Товарищи играютъ, веселятся; они готовятъ на зрѣлые лѣта воспоминанія о райскихъ дняхъ дѣтства, которыхъ дважды не бываетъ: придетъ время, онъ будетъ помнить однѣ мучительныя грезы этого возраста. Настанетъ юность: для [illegible]ихъ это время любви, связей, разгулъ, пиръ [illegible]ни; для художника ихъ нѣтъ. Дикарь, отступникъ [illegible]ества, онъ бѣжитъ красавицъ, бѣжитъ веселія въ [illegible]тыню своей души, и тамъ, въ тоскѣ неизъяснимой,

въ слезахъ вдохновенія, на колѣняхъ передъ своимъ идеаломъ, молитъ его сойдти на землю, въ его скудельную обитель. И ждетъ онъ дни, ночи, и сохнетъ по красотѣ неземной. Горе ему, если она не посѣтитъ его! еще бо́льшее горе, если посѣтитъ! Нѣжный составъ юноши не выдержитъ ея брачнаго поцѣлуя; ея удѣлъ — союзъ съ богами, и земной уничтожится въ ея объятіяхъ. Не говорю объ ученіи, о заготовкѣ механической. И тутъ на каждомъ шагу вещественность цѣпляется за тебя, ставитъ тебѣ преграды; проводитъ безобразную жилу на мраморѣ твоего болвана, мѣшаетъ сажу въ твой карминъ, путаетъ воображеніе сѣтью уродливыхъ чиселъ и формулъ, велитъ быть рабомъ у маляра или каменотесца. А что ждетъ тебя, когда выйдешь побѣдителемъ изъ этой школы механики, когда успѣешь сбросить съ себя тяжкую сумму тысячи ненужныхъ правилъ, которыя педантизмъ навалитъ на тебя, когда возьмешь на выборъ только тѣ законы, которые такъ просты и единичны?.. Что ждетъ тебя тогда? Опять вещественность! Бѣдность, нужды, трудъ заказной, оцѣнщики, соперники, эта вся голодная стая, которая разомъ налетитъ на тебя и готова разорвать, лишь только узнаетъ, что ты чистый сосудъ дара Божьяго. Душа твоя хочетъ творить, а тутъ желудокъ требуетъ куска хлѣба, вдохновеніе подвязало тебѣ крылья, а тѣло проситъ не только прикрыть наготу свою обычною покрышкой, но и тонкаго сукна, шелка, бархата, чтобы явиться передъ судьями твоими въ приличной одеждѣ, безъ котор тебя не примутъ, ты и твое произведеніе умрете неизвѣстности. Чтобы достать пропитаніе, одеж, надо *работать:* тебѣ торгашъ заказываетъ анбарь

погреба, синьоръ—конюшни и псарни. Вотъ наконецъ приготовилъ ты себѣ насущный хлѣбъ, одѣлъ прилично свои кости и мясо: вдохновеніе жаждетъ своей пищи, просится изъ твоей души въ образы, въ формы. Ты творишь, ты сводишь свой идеалъ въ исполненіе. Какъ быстро задвигались колеса твоего существа! Бытіе твое удесятерено, пульсъ твой бьется, какъ бы ты дышалъ атмосферой самыхъ высокихъ горъ. Ты тратишь въ одинъ день мѣсяцы жизни. Сколько ночей, проведенныхъ безъ сна, въ неразрывной цѣпи дней, исполненныхъ тревоги! Лучше сказать, нѣтъ дней, нѣтъ ночей для тебя, нѣтъ временъ года, какъ для другихъ людей. Кровь твоя то кипитъ, то леденѣетъ, лихорадка воображенія изнуряетъ тебя. Восторгъ тебя сожигаетъ, неудача исполненія бѣситъ, терзаетъ на части; тебя мучитъ то страхъ людскаго мнѣнія, то боязнь умереть, не кончивъ труда. Прибавь неотступную тѣнь славы, которая ходитъ вездѣ по пятамъ твоимъ и не даетъ тебѣ минуты покоя. Вотъ періодъ творчества! Творя ты жилъ у подножія высшей красоты. Земные окружаютъ твое произведеніе, судятъ, цѣнятъ, разбираютъ по суставамъ: покровители хвалятъ орнаменты, величину столбовъ, тяжесть груда; милостыне-раздаватели бросаютъ въ честь твою жетоны, или подползаютъ мышками подъ чертежи твои и во мракѣ ночей грызутъ ихъ. Нѣтъ, другъ мой, жизнь художника — жизнь мученика!

Такъ говорилъ Аристотель, не давая Антону дѣлать возраженія, за которыя этотъ нѣсколько разъ остокно принимался. Когда жъ онъ успокоился, молочеловѣкъ осмѣлился отвѣчать ему:

— Незавидное изображеніе художника сдѣлалъ ты!

Позволь мнѣ сказать, ты снялъ одну черную сторону картины. Только два, три вопроса, и я замолчу.

— Ожидаю ихъ.

— Развѣ творя, или, какъ ты справедливо объяснился, живя у подножія высшей красоты, лобызая края ризы ея, не наслаждался ты въ одинъ мигъ восторгами, которыхъ простой смертный не купитъ цѣлою жизнью своей? Развѣ, выполняя свой идеалъ, не имѣлъ сладкихъ, райскихъ минутъ, которыхъ не хотѣлъ бы промѣнять на всѣ сокровища міра? Развѣ воспоминаніемъ этихъ минутъ не былъ ты счастливъ? Мало ли награжденъ отъ Бога?.. Не свыше ли милліона подобныхъ тебѣ?.. Ты грѣшишь, другъ мой!

— Правда, правда, Антоніо!—воскликнулъ художникъ, съ чувствомъ пожимая его руку:—всѣмъ этимъ я наслаждался. И если бъ мнѣ опять пришлось начинать жизнь свою, если бъ отдавали мнѣ на выборъ радости богача, побѣдителя, царя и мои прошедшія радости, я взялъ бы опять послѣднія, опять пошелъ бы смиренною тропою художника. Такъ, мнѣ дано, что мнѣ было надо, чего требовала душа моя еще до появленія въ этотъ міръ. Но — человѣкъ странное существо; самолюбіе, назови какъ хочешь, доводитъ его до безумія. Ему мало самому наслаждаться своимъ созданіемъ, онъ хочетъ, чтобы другіе, тысячи наслаждались имъ; мало ему хвалы современниковъ, онъ хочетъ, чтобы потомство, будущія поколѣнія, будущіе вѣки покланялись ему. Негодуя на краткость своей жизни, онъ стремится жить и за гробомъ. Мертвый подъ могильнымъ камнемъ, онъ не услышитъ себѣ похвалы, ни осужденія; но терзается заранѣе, ес обреченъ послѣднимъ, заранѣе наслаждается, мечт

какъ имя его будетъ переходить изъ устъ въ уста, когда онъ будетъ лежать въ землѣ.

— Прекрасное стремленіе!—сказалъ Антонъ.—Безъ него чѣмъ отличить бы человѣка отъ животныхъ? безъ него земля лишилась бы лучшаго своего украшенія, человѣчество — лучшихъ своихъ подвиговъ.

— Хорошо, хорошо, мой другъ! Мы пришли къ тому, съ чего бы должны начать. Чтожъ значитъ стремленіе къ прекрасному безъ исполненія, высокое, благородное желаніе жить въ вѣкахъ, чувство самопознанія, силы воли, дара въ себѣ, возможности творить достойное безсмертія и не имѣть возможности осуществить свое созданіе въ достойныхъ вѣковыхъ формахъ?.. Существенность, злая существенность, вотъ что меня мучитъ, пожираетъ! вотъ что приводитъ меня въ безуміе!.. Слушай, и осуди меня, если я достоинъ.—Сказывалъ я тебѣ, съ какими высокими, пламенными надеждами направилъ я путь свой въ Московію, отъ какихъ богатыхъ предложеній отказался, чтобы осуществить эти надежды. Ни дружба дожа Марчелли, ни усердные зазывы другихъ италіянскихъ властителей, ни моленія родныхъ и друзей, ни будущность въ неизвѣстной землѣ, которою меня пугали, ничто не остановило меня. Я оставилъ свое отечество съ его благословеннымъ небомъ, пошелъ въ землю далекую, на край свѣта, въ снѣжные сугробы, прельщенный обѣщаніями, которыя льстили моему сердцу, и собственною увѣренностью располагать ...сь для *моего дѣла* средствами, какія только пожелаю. Здѣсь, единственный художникъ, лелѣемый властями, любовью, уваженіемъ народа религіознаго, готоваго на всѣ жертвы для дѣла церкви, я мечталъ осу-

ществить свое созданіе скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Наконецъ я здѣсь. Ты знаешь, какихъ труженическихъ услугъ стоило мнѣ пріобрѣтеніе милостей великаго князя. Ему служилъ я какъ поденьщикъ; лицо мое опалено порохомъ, спина преждевременно согнута, на рукахъ мозоли. Такими трудами дошелъ однакожъ до апогея царскихъ милостей. И любовь народа, черни пріобрѣлъ я до того, что получаю самъ вклады на построеніе церковное. Сынъ, котораго я отдалъ этому народу въ залогъ моей преданности, моей вѣрности ему, котораго окрестилъ въ русскую вѣру, помощь моя въ ратномъ дѣлѣ, строгая жизнь, приготовленіе грубыхъ матеріаловъ, литье пушекъ, колоколовъ, самое имя церковнаго строителя, все доставило мнѣ уваженіе и любовь русскихъ. Матеріаловъ для храма приготовилъ я много и могъ бы еще приготовить во время стройки; десятки тысячъ кирпичей ежедневно привозятся даромъ съ заводовъ моихъ. Бояре, имѣющіе избы вокругъ Успенія, охотно снимаютъ ихъ подъ церковное мѣсто: «подъ основаніе дома Божьяго готовы мы и себя положить», говорятъ они. Я могъ располагать еще тысячами усердныхъ рукъ. Казна Іоаннова, обогащенная побѣдами, въ которыхъ я не мало участвовалъ, открываетъ мнѣ свои средства. Всѣ, вмѣстѣ съ новымъ торжествомъ по случаю завоеванія Твери, давало мнѣ право приступить къ выполненію моего созданія. Недоставало только слова Іоанна: *да будетъ!* Вотъ третьяго дня велѣно мнѣ было представить ему чертежи свои. Приношу ихъ. Самъ великій князь, Софія и высшая духовная особа моими судьями Съ трепетомъ сердца раскрываю чертежи, объясняю ихъ... Вижу неудовольствіе на лицѣ Іоанна, его

бо́льшее на лицѣ духовной особы; Софія смотрѣла на меня съ сожалѣніемъ и живымъ участіемъ. — «Помилуй,—сказалъ великій князь,—что это хочешь ты намъ выстроить?» — «Храмъ Божьей Матери, который былъ бы Ея достоинъ», — отвѣчалъ я. — «Храмъ?.. возразилъ Іоаннъ.—Мы хотимъ домъ Божій; а ты что намъ сдѣлалъ?.. Ѣздилъ ты во Владиміръ, видѣлъ тамъ соборную церковь?» — «Ѣздилъ и видѣлъ». — «Такую построй, господинъ Аристотель, только немного побольше и потолще; та для Владиміра, а намъ для Москвы, понимаешь? За-то молвимъ тебѣ отъ всей православной Руси доброе слово и безъ награды не оставимъ». — «Когда такъ, зачѣмъ же звалъ ты славнаго мастера изъ Венеціи?—сказалъ я съ сердцемъ, свертывая свои чертежи.—Велѣлъ бы построить муровщику любому!— «Вотъ ты и прогнѣвался! Постой, покажи опять свои листы». (И сталъ онъ снова разсматривать ихъ). «Воля твоя, мудрено что-то, *не про насъ писано.* Кажется, и на бумагѣ, того и гляди, задавитъ тебя».—Въ это время духовная особа посмотрѣла на чертежи и примолвила: — «Совершенная божница латинская!» — «Только не жидовская школа»,—возразилъ я. Духовная особа поблѣднѣла. Софія стала защищать меня, говоря, что такой храмъ будетъ на удивленіе чужеземцамъ, что въ самомъ Константинополѣ церковь въ честь ея святой едва ли будетъ равняться съ нимъ красотою и величіемъ. Великій князь покачалъ головой и призадумался. — «А сколько саженъ человѣчьихъ надо подъ рковь твою?»—спросилъ онъ.—«Двѣсти»,—отвѣчалъ — «Двѣсти? ты обезумѣлъ, Аристотель! Поэтому рскіе хоромы помеломъ, церкви извѣчныя долой».— збы твоихъ бояръ и часовни, которыя вы называете

церквами, конечно, долой. Если хочешь быть великимъ государемъ, надо и дѣлать все великое, достойное удивленія народовъ». — «Ладно; да гдѣ мы возьмемъ столько кирпичей?» — «На моихъ заводахъ ихъ много приготовлено, приготовлю ихъ еще больше». — «Откуда жъ возьму для Кремля? Не забудь, мнѣ надо поставить стѣну, ворота, стрѣльницы». — «Гдѣ хочешь, государь, а я готовилъ кирпичъ подъ храмъ Пречистой, а не для твоихъ татарскихъ башенъ». — «Нѣтъ, этому не быть»! — вскричалъ въ гнѣвѣ Іоаннъ: — «ты обезумѣлъ, Аристотелъ, на тебя нашелъ родимецъ. Много тѣшилъ я тебя, а этому не бывать, — не въ мочь. Согну дубъ въ дугу, да какъ слажу, чтобы онъ выросъ до неба! И вся Русь только-что оперяется, а ты хочешь ощипать у нея послѣднія перья. Гнѣвайся или не гнѣвайся, хочу, чтобы соборъ Пречистой былъ построенъ по образцу владимірскаго, только попросторнѣй и потолще; чтобы это былъ домъ Божій, а не храмъ, не божница латинская». — «У тебя много фряжскихъ палатныхъ мастеровъ, прикажи имъ». — «Хочу, чтобы ты строилъ». — «Не стану». — «Въ цѣпи тебя!» — вскричалъ Іоаннъ, застучавъ посохомъ и пожирая меня разожженными очами: — «въ цѣпяхъ будешь строить». — «Буду въ цѣпяхъ строить свой храмъ, коли дозволишь». — «Хочу домъ Божій, по образцу владимірскаго». — «Не буду». — «Иль ты меня не знаешь?» — «Знаю и не буду». — Я думалъ, онъ ударитъ меня посохомъ, но только замахнулся, и не ударилъ. Я ушелъ отъ него, хлопнувъ за собою дверью. И вс тебѣ цѣль моихъ кровавыхъ трудовъ властителю, вс плоды моихъ вдохновеній, исполненіе моихъ лучши надеждъ!.. Есть ли отъ чего съ ума сойти?

— Покуда вижу, ты ошибался на счетъ великаго князя, на счетъ средствъ его и Руси, — сказалъ Антонъ, взявшій на этотъ случай роль совѣтника. — Съ величіемъ его духа ты соразмѣрно придавалъ ему и любовь къ изящнымъ искусствамъ, которую привыкъ находить въ князьяхъ Италіи. Развѣ дикарь, какъ бы уменъ ни былъ, переходя изъ шалаша въ мраморныя палаты, не испугается и не бѣжитъ изъ нихъ?.. Теперь, если мое желаніе не слишкомъ самонадѣянно, позволь видѣть чертежи свои. Довѣрь ихъ не суду моихъ познаній, но любви къ прекрасному и холоднаго разсудка. Быть можетъ, знакомство съ высокими памятниками зодчества въ Италіи, знакомство съ великими художниками, образовали вкусъ мой до того, что ощупью его пойму то, что другіе поймутъ наукою

Образумившійся художникъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе своего молодого друга. Лоскуты чертежей, которыхъ было немного, тотчасъ разложены на столѣ и соединены клейкимъ веществомъ. Но лишь только Антонъ собирался разсматривать ихъ, явился посланный отъ великаго князя. Онъ имѣлъ дѣло до одного лекаря и вызвалъ его въ сѣни. Здѣсь изъяснилъ, какъ безпокоится Иванъ Васильевичъ на счетъ здоровья художника, котораго боялся потерять, и передалъ Антону приказъ явиться къ нему съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ (полагать надо — съ отвѣтомъ, что Аристотель скоро выздоровѣетъ: на то [illegible]онъ и лекарь, чтобъ больные были здоровы; хоть [illegible]рай самъ, а немощный долженъ встать, особенно [illegible]да приказываетъ господинъ всея Руси).

— Вотъ, этотъ родимецъ — говорилъ посланный— [illegible]ается съ нимъ не впервые. Было дѣло, Иванъ

Васильевичъ сломаетъ избы двѣ, три кругомъ Успенія, и позатихнетъ палатный мастеръ. А нынче не въ мочь стало господину нашему: сломай, видишь, всѣ избы, всѣ церкви извѣчныя и палаты, что въ городѣ. Самъ ты разсуди, человѣкъ разумный, статочное ли дѣло?

Антонъ не могъ не улыбнуться, слушая простосердечное объясненіе, но вмѣстѣ съ этимъ убѣдился, что требованія друга его превышаютъ возможность удовлетворить ихъ. Онъ увѣрилъ посланнаго въ безопасности художника, обѣщалъ сдѣлать ему нужную помощь въ случаѣ надобности и тотчасъ послѣ того явиться къ великому князю.

Возвратясь въ комнату, засталъ художника съ лицомъ нѣсколько прояснѣвшимъ. Посылка ли великаго князя, дававшая Аристотелю новыя надежды (онъ не могъ сомнѣваться, чтобъ эта посылка не была на счетъ его), или разсматриваніе чертежей сдѣлали въ немъ благодѣтельную перемѣну, можетъ быть то и другое вмѣстѣ, только лекарь засталъ на губахъ его улыбку, вполнѣ развернувшуюся. Но мало-по-малу стала она исчезать, и новыя тучи надвинулись на чело его.

— Правда, Антоніо, — воскликнулъ онъ, — я безумный!

Антонъ сталъ разсматривать чертежи. Что онъ увидѣлъ, того языкъ не перескажетъ. Можетъ быть, твореніе, подобное храму Св. Петра въ Римѣ, можетъ быть пантеонъ христіанскій, божественную комедію, сложенную изъ камня. Знакомый съ высокими про
веденіями художества въ Италіи, приготовивъ с
воображеніе къ чему-то необыкновенному, онъ
дѣлъ, что созданіе Аристотеля перегнало и вообр

ніе и существенность. Долго стоялъ онъ передъ рисунками, не бывъ въ состояніи дать отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ.

Преддверіе храма было мрачно; лишь только входили въ него, васъ обнималъ священный ужасъ; все тамъ было: тяжесть грѣха, уныніе, скорбь, сокрушеніе. Исполинскіе четвероугольные столбы изъ огромныхъ камней, истесанныхъ, источенныхъ ржавчиною вѣковъ, окрапленныхъ плѣсенью времени, наваленныхъ въ дивномъ, гармоническомъ безпорядкѣ, казалось, складены были всемогущею рукою природы, а не смертнаго; изъ сводовъ, согласнаго размѣра со столбами, грозно выглядывали каменные гиганты и готовы были задавить васъ; молитвенный стонъ долженъ былъ отдаваться подъ этими сводами, какъ вздохъ изъ чахлой груди не одного человѣка, а цѣлаго человѣчества. Сквозь небольшія, безпорядочныя разсѣлины, мѣстахъ въ двухъ, трехъ, свѣтъ солнца ронялъ скупо свой одинокій лучъ то на Божественный ликъ распятаго Христа, то на плащаницу Его, то на лицо Магдалины, облитое слезами. Но чѣмъ далѣе углублялись во внутренность храма, тѣмъ легче, отраднѣе становилось душѣ: тутъ размѣры, формы, образы, снимали свои вериги, забирали болѣе воздуха, облекались въ полусвѣтъ надежды, въ упованіе безсмертія. Наконецъ, приближаясь къ послѣднему отдѣлу, вы теряли болѣе и болѣе земли подъ ногами своими и погружались въ какой-то святой неизмѣримости. Тамъ возсѣдала благодать, тамъ все было эѳиръ, гармонія, блескъ, радость. Слова не перескажутъ того, что чувствовалъ Антонъ, разсматривая чертежи дивнаго тройственнаго храма.

— Нѣтъ, — сказалъ наконецъ молодой человѣкъ въ восторгѣ, котораго не въ силахъ былъ скрыть,—нѣтъ великій художникъ; ты творилъ не на землѣ и только для земныхъ, которые развѣ долго послѣ насъ придутъ и силою Архимедова рычага замѣнятъ милліоны силъ человѣческихъ. Самое воображеніе не въ состояніи выдержать величіе этого созданія и, смущенное, падаетъ передъ нимъ: чтожъ, когда бъ оно было выполнено!.. Виноватъ, скажу тебѣ горькую истину: правъ, сто разъ правъ русскій властитель! Еслибъ онъ могъ постигнуть вполнѣ величіе этого зданія, онъ еще болѣе понялъ бы невозможность осуществить его. Брось, хоть на время, свои надежды—идея твоя далеко перегнала существенность. И не такъ ли всегда на дѣлѣ? что создало небо, того землѣ не выполнить.

Блѣдный, дрожащій, внималъ ему Аристотель, какъ бы слушалъ свой смертный приговоръ. Онъ приготовился къ этому приговору и, услыхавъ его, не могъ образумиться.

— Высокій, геніальный мечтатель, житель неба, сошедшій на нашу бѣдную землю,—продолжалъ молодой человѣкъ, взявъ холодную руку художника и сжимая ее,—ты ошибся въ нашихъ земныхъ разсчетахъ, въ нашихъ размѣрахъ. Еще болѣе ошибся ты въ мечтахъ осуществить свое созданіе здѣсь, на Руси, въ теперешнее время. Ты удивляешься, что тебя здѣсь не поняли: мудрено ль? ты пришелъ слишкомъ рано. Подумай: Іоаннъ одаренъ душою сильною, волею желѣзною, онъ побѣждаетъ время и способы, но онъ всемогущъ... Вдохнетъ ли онъ въ себя чувство краснаго, пламенную любовь къ нему до того, что усыновить *теперь* твое дѣло? Пожертвуетъ ли со-

вищами своей казны, отказавшись отъ другихъ предпріятій, которыя почитаетъ для себя выгоднѣе, полезнѣе? Пожертвуетъ ли тысячами рукъ своего народа, сотнями домовъ своихъ бояръ, церквами, которыми дорожитъ православная Москва? Въ немъ идея силы, созданная для того, чтобы соединить воедино разрозненныя части великаго цѣлаго, исполняетъ свое назначеніе; но идея прекраснаго ему невнятна, или представляется ему смутно, и все-таки въ образахъ силы, твердости, узорочности. Послушай меня, сократи размѣры своего чертежа въ половину, если не на одну треть. И тогда еще геній изящнаго и высокаго признаетъ твое произведеніе своимъ, потомство будетъ ему удивляться. Но и тогда приготовь къ нему властителя русскаго опытомъ зданія, который пріучилъ бы Іоанна и народъ если не къ идеѣ изящнаго, то хоть къ идеѣ величія, который былъ бы посредникомъ между русскими и тобою. Построй ты сначала зданіе примиренія. Оно будетъ новою жертвою отъ тебя народу русскому. А тамъ, сократя размѣры своего храма, выбери мѣсто не въ Кремлѣ, а на одной изъ высотъ московскихъ окружностей. Тогда, полный властелинъ своего дѣла, укрѣпясь средствами человѣческими, съ помощью Божьей создашь памятникъ себѣ безсмертный. Для этого можно взять слово съ Іоанна.

— Слово Іоанна?.. — воскликнулъ Аристотель, и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— То, что я говорилъ тебѣ, до сихъ поръ говорилъ къ твоему разсудку. Теперь обращаюсь къ твоему сердцу. Отказываясь строить храмъ Пречистой, не отнимаешь ли у Ней одинъ изъ алтарей Ея? Тамъ, гдѣ бы Ей покланялись тысячи, гдѣ приносили бы Ей

достойную жертву, ты оставляешь мѣсто запустѣнія безпорядка, нечистоты? Куда дѣвалось чувство христіанскаго смиренія?.. О, другъ мой, что сдѣлалъ ты съ чувствомъ благочестія, которое тебя всегда отличало?

Эти слова обдали художника невыразимымъ ужасомъ.

— Да, я обезумѣлъ! — воскликнулъ онъ, — воображеніе затмило мнѣ разсудокъ, самолюбіе погубило во мнѣ все доброе, все святое; не храмъ Господу хотѣлъ я строить, а себѣ, не Пречистой — хотѣлъ въ немъ себѣ поклоненія!.. Хуже чѣмъ язычникъ! Я уподобился израильтянамъ, вѣдавшимъ истиннаго Бога и падавшимъ передъ золотымъ тельцомъ. Ты образумилъ меня, юный, но разсудительный другъ! Да, я принесу смиренную жертву, но не великому князю, не русскому народу, а Матери Божьей. Ей даю обѣтъ построить храмъ, домъ Божій, какъ мнѣ приказываютъ строить, а не такой, какой хотѣло бы создать мое самолюбіе (художникъ перекрестился). Взглянн, Пречистая, милосердымъ окомъ на сокрушеніе моей воли и призри на меня, униженнаго грѣшника, съ высоты своей.

Съ трепетомъ святого восторга онъ схватилъ чертежи свои и изорвалъ ихъ въ мелкіе лоскуты, потомъ, рыдая, палъ передъ иконою Божіей Матери. Долго лежалъ онъ на полу, и когда поднялся, лицо его, казалось, просіяло. Онъ обнималъ своего молодого друга. цѣловалъ съ нѣжностью сына, какъ человѣкъ, пр шедшій домой изъ дальняго, труднаго путешеств Переломъ былъ силенъ, но онъ совершенъ. Гол вѣры сдѣлалъ то, чего не могла сдѣлать ни г

ная власть князей, ни сила дружбы, ни убѣжденія разсудка.

— Теперь, — сказалъ Аристотель, съ твердостью обратясь къ лекарю, — иди къ великому князю и скажи ему, что я не цѣпей убоясь, а исполняя обѣтъ Пречистой, завтра жъ начну строить домъ Божій, по образцу владимірскаго.

Извѣстіе объ излеченіи Аристотеля отъ *родимца*, какъ русскіе называли его припадокъ, обрадовало Ивана Васильевича. Онъ боялся, чтобы его розмыслъ и церковный строитель не сошелъ съ ума; добро бъ еще, когда бы не имѣли болѣе въ немъ нужды! Можетъ статься, и въ самомъ дѣлѣ художникъ былъ изъ числа тѣхъ геніальныхъ безумцевъ, которыхъ надо бы запереть, вмѣстѣ съ Тассомъ и Бетговеномъ, въ желтый домъ. Но, замѣтьте, тогда не было домовъ для призрѣнія умалишенныхъ. Радость свою не могъ скрыть Иванъ Васильевичъ, благодарилъ нѣсколько разъ лекаря и далъ ему слово, когда Аристотель выстроитъ церковь подъ Успенье такъ, какъ ему, великому князю, хочется, пожертвовать любимымъ мѣстомъ за городомъ и своею казною подъ новую церковь, которую можетъ палатный мастеръ созидать *по-своему*, лишь бы уменьшилъ размѣры чертежа.

На другой день, съ приличными духовными обрядами, заложенъ первый камень подъ основаніе Успенской соборной церкви. Вслѣдъ затѣмъ началъ Аристотель и строить ее по образцу владимірской. Съ удовольствіемъ замѣтилъ онъ, что типъ ея находится въ Венеціи, именно церковь Св. Марка. Но переломъ, сд[illegible]анный въ немъ побѣдою религіозной воли надъ с[illegible]олюбіемъ и лучшими его надеждами, былъ такъ

силенъ, что положилъ его на болѣзненный одръ, съ котораго не легко подняли его пособія врача и друга и любовь сына.

Въ такихъ обстоятельствахъ могъ ли Антонъ упомянуть ему о своихъ надеждахъ? А кого жъ ближе было ему выбрать въ сваты, какъ не Аристотеля?.. Выздоровленіе художника должно было рѣшить его участь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРІЕМЪ ПОСОЛЬСТВА

Въ Москвѣ и въ деревняхъ кругомъ необыкновенная тревога. Недѣльщики, боярскія дѣти ѣздятъ съ утра до ночи и *выбиваютъ* народъ. Русскій мужичокъ всею радостью радъ глазѣть по цѣлымъ днямъ хоть и на то, чего не понимаетъ, лишь бы не работать, а тутъ еще и палкой выгоняютъ въ городъ на цѣлыя сутки праздности. Валятъ тысячи со всѣхъ концовъ, и всѣ онѣ налягутъ на сердце Москвы: душно будетъ ей, родимой! Изъ этого народа хотятъ выставить декорацію московской силы.

И въ дворѣ великокняжескомъ не меньшая суета. На слѣдующій день пріемъ цесарскаго посла. Въ русскомъ царѣ, какъ начиналъ величать себя Иванъ Васильевичъ, возникало ужъ чувство достоинства, собственнаго и народнаго, и потому въ сношеніяхъ съ [illegible]омъ императора, заносчивымъ и взыскательнымъ, [illegible]ане великаго князя торговались за малѣйшее преимущество. Нѣсколько дней сряду бояре ѣздили въ [illegible]ьскій дворъ для переговоровъ о встрѣчѣ, провосидѣніи, вставаніи, цѣлованіи руки, о числѣ по-

клоновъ, объ одномъ шагѣ впередъ или назадъ, и едва ли не о чиханьѣ. Вывѣдали, что Поппель будетъ говорить, и приняли свои мѣры для приличнаго отвѣта Поппель требовалъ, чтобы великій князь бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ — въ этомъ отказано. Наконецъ, когда все улажено съ обѣихъ сторонъ, назначенъ день пріема.

Умы, или, сказать лучше, воображеніе народа, занято блестящимъ пріемомъ пословъ, какъ бы праздникомъ. Но подъ щитомъ церемоніальныхъ суетъ устроитель Руси готовилъ себѣ новое завоеваніе. Онъ пріобрѣталъ цѣлую область безъ меча, безъ союзовъ и переговоровъ.

У него былъ гость изъ Углича, братъ его родной, Андрей Васильевичъ старшій. Гостю обрадовались, но радушіе не были скупы. Лишь только пріѣхалъ онъ, провелъ весь вечеръ у великаго князя въ бесѣдахъ искреннихъ и веселыхъ. Онъ ожидалъ невзгоды за то, что не прислалъ Москвѣ вспомогательной дружины противъ ордынскихъ царей. Ничуть не бывало: никогда еще такъ дружелюбно не принимали его, никогда такъ задушевно не бесѣдовали съ нимъ. На другой день званъ онъ съ своими боярами обѣдать. Иванъ Васильевичъ встрѣчаетъ его, сажаетъ на почетное мѣсто, разсыпаетъ передъ нимъ ласки, ограненныя такъ искусно подъ блескъ дружбы, что угличскій князь принимаетъ ихъ за настоящіе самоцвѣты. Въ глазахъ, въ рѣчи хозяина не видно и тѣни лукавства: онъ не измѣняетъ себѣ до конца. Эта игра играетъ въ *западной* избѣ, которая, вѣроятно, такъ названа тому, что обращена лицомъ къ вечеру, но отнын должна называться *западней*. Пора было захлоп

въ ней неосторожную жертву. Иванъ Васильевичъ выходитъ въ *повалушу* и не возвращается болѣе. Время обѣдать. Званыхъ не замедлили угостить на славу. Въ столовой гриднѣ всѣ дворчане Андрея Васильевича забраны подъ стражу. Ничего не подозрѣвая, ждетъ онъ, чтобы пришли его въ *столы звать*. И пришли бояре московскіе. Одинъ изъ нихъ [1]) хочетъ что-то передать ему и не сможетъ: слезы мѣшаютъ говорить. Наконецъ, прерываемый ими не разъ, онъ сказалъ: «Государь, князь Андрей Васильевичъ, пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ». Андрей измѣнился въ лицѣ, всталъ съ своего мѣста, но, скоро оправившись, отвѣчалъ съ твердостью: — «Воленъ Богъ, да государь братъ мой, а Господь разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно». Выходя изъ гостепріимнаго жилища брата, несчастный промѣнялъ свой угличскій удѣлъ на казенный дворъ и цѣпи.

Въ тотъ же день разнесся по Москвѣ слухъ о заключеніи угличскаго князя: онъ привелъ въ ужасъ нѣсколькихъ избранниковъ Божьихъ, которые не побоялись гласно осуждать поступокъ великаго князя. Но большинство, чернь не разсуждающая, была противъ несчастнаго узника, называла его измѣнникомъ, предателемъ, врагомъ церкви и отечества. Успѣли надуть въ уши народу приближенные Ивана Васильевича, что угличскій князь пойманъ въ перепискѣ съ королемъ польскимъ, которому обѣщалъ голову Ивана Васильевича, что онъ для этого нарочно и прибылъ въ Москву со множествомъ бояръ своихъ, что онъ

[1]) Князь Иванъ Семеновичъ Ряполовской.

ужъ во дворѣ великокняжескомъ и посягалъ на жизнь старшаго брата, да встрѣтилъ неудачу по случаю предательства одного изъ своихъ людей. Тутъ же поминали и старыя вины его противъ Москвы, давно забытыя и прощенныя; о заслугахъ его Москвѣ никто не замолвилъ слова. И потому немудрено, что большинство было на сторонѣ силы, а не правды. На слѣдующій день готовился народу праздникъ, и о несчастномъ узникѣ скоро забыли. За него некому было вступиться, кромѣ Бога.

Вечеромъ того же дня, какъ угличскій князь схваченъ и заключенъ въ желѣза, Антона-лекаря позвали къ великому князю. Ивана Васильевича засталъ онъ въ тревожномъ состояніи.

— Послушай, лекарь, — сказалъ великій князь, — братъ умираетъ; помоги, пожалуй.

Антонъ обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ.

— Братъ хоть и злодѣй мнѣ, — продолжалъ великій князь, — хоть и посягалъ на мою душу, на Москву, — зато и посаженъ въ желѣза, — да я лиха смертнаго ему не желаю, видитъ Господь, не желаю. Хочу только проучить его, наказать, аки отецъ наказываетъ. Хочу добра Москвѣ и братьямъ моимъ. Кому жъ и печальникомъ быть о нихъ! Вѣдь я старшій въ семьѣ. А съ Андреемъ отъ *малыхъ ногтей* возрасли вмѣстѣ.

И заплакалъ онъ слезами притворными. Но страхъ его былъ искрененъ. Онъ боялся, чтобы Андрей Васильевичъ не умеръ въ первый день заточенія и чтоб смерти этой не причли ему въ вину.

— Продержу его мѣсяцъ, два, и отпущу, — дарилъ онъ лекарю. — Ступай себѣ въ любую с[от]ны Хоть и злодѣй, да кровный!.. Помоги, Антонъ! [слопн]

твоей не забуду николи, сосватаю тебѣ невѣсту по сердцу... дамъ тебѣ помѣстье... Отведи душу мою отъ скорби великой. Вотъ, дворецкій проводитъ тебя къ Андрею Васильевичу.

Антона изумилъ намекъ на невѣсту... Неужли великій князь знаетъ ужъ о любви его къ Анастасіи? кто могъ сказать о ней? Однакожъ долго изумляться было некогда; онъ поспѣшилъ къ заключенному и засталъ его въ опасномъ положеніи. Угличскій князь выдержалъ отважно первый ударъ; но когда измѣрилъ глубину своего несчастія, когда подвелъ свою будущность подъ участь прежнихъ важныхъ плѣнниковъ своего брата, онъ ужаснулся этой будущности. Вся кровь его прилила къ груди... Не наше дѣло описывать, какія мѣры принималъ Антонъ, чтобы помочь несчастному; довольно, если скажемъ, что онъ силою врачебныхъ средствъ, несмотря на сопротивленіе больного, сдѣлалъ ему нужное пособіе. Можетъ статься, онъ былъ виною, что протянулъ его тюремную жизнь еще года на два.

Радостно взыгралъ угличскій гость на небосклонѣ московскомъ, будто молодой мѣсяцъ, и, какъ молодой мѣсяцъ, тотчасъ погибъ на немъ. И на смертномъ одрѣ однимъ прощальнымъ ему звукомъ былъ звукъ желѣзъ.

Скорая помощь, оказанная угличскому князю, возвысила лекаря въ глазахъ русскаго властителя. Еще въ большей чести сталъ онъ держать его; дары слѣ
ли за дарами, ласковымъ словамъ умѣли дать цѣну.
Мо милостями воспользовался Антонъ, чтобы ис
ь облегченіе несчастному князю. Сняли съ него
мя желѣза, но какъ скоро онъ выздоровѣлъ,

1) Кня

опять надѣли ихъ. Антона жъ увѣрили, что онъ совсѣмъ отъ нихъ освобожденъ, и съ того времени не позволяли лекарю видѣться съ заключеннымъ.

Въ антрактѣ этого ужаснаго происшествія сыграли посольскій пріемъ. Изъ посольскаго двора вели Поппеля объѣздомъ лучшими улицами, Великою, Варьскою, Красною площадью и главной улицею въ городѣ. Все это убито народомъ, какъ подсолнечникъ сѣменами. Оставлено только мѣсто для проѣзда посла, его дворянъ и провожатыхъ. Всѣ окна исписаны живыми лицами, заборы унизаны головами, какъ въ заколдованныхъ замкахъ людоморовъ, по кровлямъ разсыпались люди. Вся Москва съ своими концами и посадами прилила къ сердцу своему.

«Тише! заиграли въ набатъ! — Ѣдутъ, ѣдутъ!» — раздалось въ народѣ, и этотъ возгласъ перебѣжалъ въ нѣсколько мгновеній отъ посольскаго двора до *набережныхъ сѣней*, гдѣ назначенъ пріемъ. Груди сдавлены, на спины налегли ужасною тяжестью, раздались жалобы, крики. «Ничего! ѣдутъ, ѣдутъ!» И вотъ потянулся поѣздъ. Въ головѣ шествія всадникъ, ударяющій въ мѣдныя тарелки. За нимъ переливается чешуйчатымъ потокомъ отборная десятня всадниковъ въ шлемахъ и латахъ, съ мечами и бердышами. Далѣе тянется по два въ рядъ нѣсколько бояръ съ неподвижною важностью мандариновъ, въ блестящихъ одеждахъ, въ которыхъ солнышко играетъ и перебираетъ лучи свои. Нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто несутъ на пышныхъ подушкахъ окладистыя бороды, расчесанныя волосокъ къ волоску, — такъ тучны они. Вотъ и самъ посолъ императорскій. На немъ бархатный малиновый берет надѣтый на бекрень, съ пукомъ волнующихся пер

прикрѣпленный пряжкою изъ драгоцѣнныхъ камней; искусно накинута бархатная епанечка, обшитая кругомъ золотыми галунами. Поппель, прищурясь и важно подбоченясь, рисуется на конѣ, отягченномъ блестящею сбруей, которому то и дѣло поддаетъ пыла острогами своими. И дѣйствительно, можно бъ вставить его въ рамку на лобномъ мѣстѣ, такъ изученно описана вся конная фигура его! Лучшій, высокій моментъ его жизни!—торжественный въѣздъ Траяна въ Римъ послѣ побѣды надъ Даками, мостъ Аркольскій, верхи пирамидъ для Наполеона! За нимъ его дворяне въ одеждѣ, которая уступаетъ изяществомъ и богатствомъ своимъ одеждѣ посла, какъ мѣсяцъ уступаетъ солнцу. Посолъ и свита его безъ оружія, обрядъ, строго наблюдаемый недовѣрчивостью русскихъ. Въ хвостѣ шествія опять нѣсколько бояръ по два въ рядъ.

Вся эта процессія должна остановиться въ виду набережныхъ сѣней. Рыцарю Поппелю хотѣлось проѣхать къ самому крыльцу; но какъ у краснаго крыльца имѣлъ право сходить только великій князь, то распорядители поѣзда такъ искусно прибили къ этому мѣсту волны народа, что гордый рыцарь вынужденъ былъ сойти съ коня тамъ, гдѣ ему указано. Внизу каменной лѣстницы встрѣтилъ его окольничій съ низкими поклонами, съ пожатіемъ руки (обрядъ, перенятый отъ иностранцевъ) и съ обычнымъ привѣтствіемъ отъ имени своего государя,—посерединѣ лѣстницы бояринъ съ тѣми же обрядами,—у входа въ сѣни дьякъ Курицынъ, который ввелъ Поппеля въ сѣни. Низшіе великіе дворчане встрѣчали и вводили послѣдъ

Но тутъ процессія вдругъ остановлена. Сдѣлалась тоха; между боярами пошли переговоры, и раз-

да велѣлъ всѣсти ему на скамейкѣ, противъ себя близко». Рука, осквернённая цѣлованіемъ латынщика, очищена омовеніемъ, которое совершилъ дворецкій. Вслѣдъ за посломъ сѣли всѣ дворчане на своихъ скамьяхъ. Посидѣвъ немного, онъ всталъ, и бояре послѣдовали его примѣру. Тутъ данъ былъ *вѣрющій листъ* на аскамитной подушкѣ. Великій князь показалъ, будто къ нему прикасается рукой, но не коснувшись далъ знакъ дьяку, который и принялъ листъ и положилъ съ подушкою на пустое *стоянце*. Затѣмъ дьякъ, обратясь опять къ Ивану Васильевичу съ обычнымъ поклономъ, произнесъ: «Господине, князь великій всея Руси, посолъ цесарской бьетъ тебѣ челомъ съ *поминками* отъ своего господина». Великій князь ласково кивнулъ послу; и дворяне цесарскіе, одинъ за другимъ, поднесли съ колѣнопреклоненіемъ монисто и ожерелье золотыя, 15 московскихъ локтей венедитскаго (венеціанскаго) бархата «темно-синь гладокъ», да сыну *первородному* великаго князя *платно* «червленый бархатъ на золотѣ, съ подкладкою синяго *чамлата*». За поминки велѣно его свѣтлости поклониться. Наконецъ съ тѣми же обрядами послу дозволено говорить отъ лица своего государя. При этомъ Иванъ Васильевичъ всталъ съ престола и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Поппель говорилъ: «Умоляю о скромности и тайнѣ. Ежели непріятели твои, ляхи и богемцы, узнаютъ, о чемъ я намѣренъ говорить, то жизнь моя будетъ въ опасности. Мы слышали, что ты, свѣтлѣйшій мощнѣйшій Іоаннъ, вседержавнѣйшій государь Р требовалъ себѣ отъ папы королевскаго достоин (при этихъ словахъ на лицо Іоанна набѣжало не

вольствіе). Но знай, что не папа, только императоръ жалуетъ въ короли, въ принцы и рыцари. Если желаешь быть королемъ (Иванъ Васильевичъ отступилъ и сѣлъ гнѣвно на престолъ,—вѣтренный Поппель, затвердивъ свою рѣчь, не перемѣнялъ ея), то предлагаю тебѣ свои услуги. Надлежитъ только скрыть это дѣло отъ польскаго короля, который боится, чтобы ты, сдѣлавшись ему равнымъ государемъ, не отнялъ у него древнихъ земель русскихъ [1])». Каждое слово доказывало, что посолъ не понималъ ни нрава государя, къ которому обращался, ни духа его народа, не зналъ и приличія мѣста и времени; каждое слово обвиняло умъ и неопытность Поппеля. На эту рѣчь нашъ Іоаннъ отвѣчалъ твердо, владычнымъ голосомъ, не вставъ съ престола.—«Ты спрашиваешь насъ, любо ли намъ отъ цезаря хотѣть кралемъ поставлену быть на нашей землѣ. Знай, лицерь Поплевъ, мы, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей; поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ только Бога, чтобы Онъ далъ намъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быть, какъ мы нынѣ государи на своей землѣ. А поставленія, какъ мы напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ». Дьякъ Курицынъ сдалъ эту рѣчь толмачу. Страшная минута для Бартоломея! Не передать во всей точности, слово въ слово, рѣчи своего грознаго повелителя императорскому послу онъ не смѣлъ, потому что дьякъ п[illegible]малъ нѣсколько нѣмецкій языкъ; передать, — не у[illegible]ить послу; однакожъ личная безопасность, ко-

---

[1]) И. Г. Р., т. VI.

торую онъ не разъ жертвовалъ для услуги другимъ, пересилила, и онъ, запинаясь и дрожа, исполнилъ обязанность переводчика. Можно было Поппелю изъ гнѣвныхъ очей Іоанна понять отчасти содержаніе рѣчи. Ужъ и эти вѣстники невзгоды встревожили его. Слушая же текстъ, онъ стоялъ смущенный, какъ школьникъ, пойманный въ проступкѣ, за который—сказали ему напередъ — будетъ онъ наказанъ. Смущеніе его еще болѣе увеличилось отъ побочнаго обстоятельства. Когда онъ, приступая къ своей рѣчи, раскланялся великому князю и дворчанамъ, замѣтилъ онъ между послѣдними лицо молодого боярина, которое его поразило. Вылитое изображеніе баронессы Эренштейнъ въ молодыя лѣта ея. Баронесса не любила Поппеля, онъ это хорошо зналъ и твердо помнилъ; ея суровый взглядъ, въ которомъ читалъ всегда явное къ нему отвращеніе, ея рѣзкія, непріятныя слова, зарублены были на сердцѣ его. Теперь, въ торжественныя минуты его жизни, казалось, она явилась сюда въ палату великокняжескую, чтобы помѣшать этому торжеству и смутить его самого. Въ молодомъ бояринѣ тотъ же строгій, гнѣвный взоръ, тотъ же видъ недоброжелательства! Рыцарь, отъ природы дерзкій, тутъ потерялся и не сыскалъ отвѣта, чтобы поправить, сколько можно, свою ошибку. Въ глазахъ Ивана Васильевича изобразилось удовольствіе побѣды, одержанной надъ почетнымъ иноземцемъ. Насладившись торжествомъ своимъ, онъ спѣшилъ однакожъ ободрить посла милостивымъ словомъ: ему не хотѣлось р[illegible] рвать дружбу свою съ нѣмецкими землями, кото[illegible] только-что возникла, тѣмъ болѣе, что извѣстны [illegible] были другія предложенія посла, льстивш[illegible]

любію.—«Это не помѣха — сказалъ Іоаннъ — нашему пріятельству съ цесаремъ римскимъ. Потому мы и вѣрющій листъ и дары его свѣтлости и высочества приняли съ любовію». Слова эти, переданныя по порядку черезъ дьяка и переводчика, ободрили Поппеля.

Извѣстно, что въ этой аудіенціи посолъ «именемъ Фридриха предложилъ Іоанну выдать дочь свою, Елену или Феодосію, за Альбрехта маркграфа баденскаго, племянника императорскаго, и желалъ видѣть невѣсту». Великій князь благосклонно принялъ предложеніе и соглашался, для разсужденій по этому дѣлу, отправить къ императору, вмѣстѣ съ рыцаремъ Поппелемъ, своего посла. Чтожъ касалось до желанія видѣть невѣсту, то Иванъ Васильевичъ объявилъ, что обычаи русскіе не дозволяютъ прежде времени показывать дѣвицъ женихамъ или сватамъ. Былъ еще вызовъ Поппелевъ, чтобы Іоаннъ запретилъ псковитянамъ вступаться въ земли «ливонскихъ *нѣмцевъ*, подданныхъ имперіи». Великій князь приказалъ отвѣчать, что псковитяне владѣютъ только своими землями и не вступаются въ чужія. Такъ очищены были всѣ политическіе запросы. Лицо молодого боярина навело посла на дѣла домашнія. Онъ вспомнилъ лекаря Эренштейна, и въ желаніи вредить однофамильцу своего дяди и названному сопернику, заносчивое сердце его нашло скоро источникъ изобрѣтенія, какой бы, конечно, не подарили риторическіе курсы, чреватые этими источниками. Онъ передалъ Ивану Васильевичу

у «святаго цесарскаго величества имѣть живыхъ
, называемыхъ по-русски лосями, если можно
хъ безъ роговъ или съ отпиленными рогами,
Г. ли вредить, и одного изъ вогулять,

которые ѣдятъ сырое мясо». — «Такой даръ цесарское величество почтетъ за особенное благопріятельство», говорилъ Поппель. «Въ замѣнъ же обѣщаетъ прислать тебѣ врача отъ двора своего, мейстера Леона, искуснѣйшаго въ цѣленіи всякихъ недуговъ. Не самозванецъ этотъ, а вельми мудрый, ученый, имѣющій на званіе лекаря листъ отъ самого императора, славный не только въ цесарскихъ владѣніяхъ, но и въ чужихъ земляхъ. И велѣлъ тебѣ мой свѣтлѣйшій, высокій господинъ сказать, — не довѣряйся слишкомъ пришлому къ тебѣ изъ нѣмецкой земли лекарю». — «Почему жъ такъ?» — спросилъ Іоаннъ. — «Онъ побродяга, самозванецъ, неучъ».

При этихъ словахъ видвинулся было изъ ряда великокняжескихъ дворчанъ молодой бояринъ, поразившій такъ рыцаря своимъ сходствомъ съ баронессою Эренштейнъ: это былъ самъ Антонъ. Вспыхнулъ онъ и затрясся, услыхавъ обидные отзывы Поппеля. Губы его готовы были произнести во всеуслышаніе слово: «лжецъ»; но Аристотель, стоявшій подлѣ него, такъ сильно дернулъ его за руку и сжалъ ее, великій князь такъ обдалъ его своимъ огненнымъ взоромъ и грозно поднялъ перстъ, что онъ удержался... Богъ знаетъ, какую бы суматоху произвело въ собраніи роковое слово Антона и какая бъ ужасная гроза разразилась тогда надъ его головой. Но когда Иванъ Васильевичъ властительски сдержалъ и разсѣялъ бурю, онъ самъ всталъ на защиту оскорбленнаго. — «Не поприго[illegible]ты, лицерь Николай Поплевъ», — сказалъ онъ, — «дешь рѣчь о дворскомъ нашемъ лекарѣ: мастер[illegible] свое и преданность Онтонъ доказалъ намъ не раз[illegible] дѣлѣ. Онтонъ любъ намъ завсегда: зато мы и въ

лости его своей содержимъ. А другого лекаря намъ не надо, и мы не хотимъ».—Что касается до вогулятина, который ѣстъ сырое мясо, и молодыхъ лосей, то Иванъ Васильевичъ съ великимъ удовольствіемъ обѣщалъ ихъ. Вмѣсто же ихъ просилъ «дѣловцевъ, копателей руды, да рудника, который умѣлъ бы раздѣлять отъ земли золото и серебро, да серебрянаго мастера хитраго, который умѣлъ бы дѣлать большіе суды и кубки, да чеканить и писать на судахъ». Этимъ размѣномъ просьбъ кончилась аудіенція. Посла проводили съ такою же честью, какъ и встрѣтили, если еще не съ бо́льшею, потому что надо было подсластить горечь сдѣланныхъ ему возраженій.

Бѣсясь на неудачу въ своихъ дипломатическихъ попыткахъ, которыя обѣщали ему богатыя милости отъ императора и великаго князя, бѣсясь на неудачу уронить Антона Эренштейна въ мнѣніи русскаго властителя, преслѣдуемый фамильнымъ сходствомъ своего названнаго врага съ баронессою, Поппель проклиналъ себя и свою судьбу. Такъ бѣдный рыболовъ, безуспѣшно закидывая нѣсколько дней сѣти, готовъ хоть самъ броситься въ воду. Посреди черныхъ думъ застала его записка отъ Антона-лекаря; это былъ вызовъ на поединокъ за оскорбленіе личности. Дрожащею рукою Поппель отвѣчалъ:

«Рыцарь Николай Поппель, по усыновленію баронъ Эренштейнъ, опоясанный изъ рукъ самого императора, никогда не унизится до того, чтобы поднять перчатку, брошенную презрѣннымъ лекаришкой». — «Въ такомъ случаѣ» — отвѣчалъ ему Антонъ — «благородный врачъ Эренштейнъ даетъ ему, подлому трусу, своею перчаткой пощечину, которую благороднѣйшій

рыцарь можетъ предъявить у своего императора въ доказательство, какъ онъ достойно носитъ свое почетное званіе».

Поппель принялъ пощечину, какъ философъ, въ надеждѣ отплатить за нее ударомъ болѣе чувствительнымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВАТОВСТВО

Ой! ты батюшка родимый!
Ты за что, за что прогнѣвался
На свое ли дитя милое,
На свою ли дочь родимую,
Что отдать хочешь въ чужи люди,
Въ чужи люди незнакомые,
На чужу, дальню сторону?
Ужъ я ли тебѣ помѣха въ чемъ,
Изгоняешь съ очей долой?
Износила ли платье цвѣтное?
Переѣла ль кусокъ сахарный?
Выпила ли меды сладкіе?
Бытоптала ли сады зеленые?

Съ того времени какъ Анастасія посѣтила милаго иноземца, вкрадывалось иногда въ ея сердце чувство дурного дѣла, тяготила ее тайна, скрываемая отъ отца; иногда находила опять, по привычкѣ, черная мысль, что она очарована Антономъ; но это раскаяніе, эта черная мысль скоро убѣгали при воспоминаніи сладкихъ минутъ, которыми подарила ее любовь. Теперь одна разлука съ милымъ Антономъ мучила ее болѣе всего. Хотѣлось бы еще сладкаго свиданія съ нимъ, еще хмѣльного поцѣлуя!.. Только о томъ и думала, ь Антонъ будетъ ее миловать, когда она будетъ кья да его.

Его жъ мысли и чувства возносились выше зем- . восторговъ. Храмовый рыцарь шелъ на освобож-

деніе гроба Господня отъ ига невѣрныхъ; дорогой заблудился въ очарованномъ лѣсу и завелъ туда жъ юнаго, неопытнаго спутника, брата крестоваго. Образумившись, ищетъ онъ вывести и себя и его на правый путь: придутъ ли тогда на умъ забавы турнира, вѣнокъ побѣдный?.. Такъ и Антонъ думалъ только, какъ бы спасти невѣсту души своей отъ погибели земной и, можетъ быть, вѣчной. Тяжко было ему иногда отъ мысли, что онъ творитъ большой грѣхъ, перемѣняя исповѣданіе отцовъ своихъ, но рядомъ съ нею являлась другая, торжествующая—о святости долга, о необходимости жертвы. Чѣмъ ближе былъ онъ къ исполненію, тѣмъ болѣе очищалось его сердце отъ нечистоты страстей. Нерѣдко, даже безъ отчетливой причины, дѣлалось ему грустно, очень грустно: тогда онъ молился—о чемъ, знаетъ только Господь; молитвы его были безъ словъ: онѣ выражались однѣми горячими слезами. Счастіе его было такъ смутно!.. къ свѣтлому току его примѣшалась нечистая струя...

Два письма, одно къ матери, другое къ воспитателю, были посланы посредствомъ Курицына. У первой просилъ Антонъ благословенія на великое дѣло, къ которому готовился, и умолялъ ее пріѣхать на Русь, хотя навѣстить его.

«Вы сами желали, милая, безцѣнная матушка»,—писалъ онъ:—«чтобы я не возвращался болѣе ни въ Богемію, ни въ Италію, чтобы я нашелъ здѣсь свою осѣдлость; вы сами не разъ намекали мнѣ, что ис. неніе этого желанія будетъ лучшею усладою ва старости и успокоитъ васъ въ будущемъ свѣтѣ. Ви Провидѣніе было заодно съ вами: Оно привело

въ домъ русскаго боярина, гдѣ любовь назначила мнѣ здѣсь новое отечество. Если бъ вы знали Анастасію (тутъ описывалъ онъ ея наружныя и душевныя достоинства), если бъ вы знали, какъ она меня любитъ, то, конечно, не желали бы мнѣ лучшей подруги».

Почти такого жъ содержанія было письмо къ воспитателю; въ немъ присовокуплялъ только тягостныя свои сомнѣнія насчетъ перемѣны исповѣданія и тутъ же успокоивалъ свою совѣсть тѣмъ, что принималъ постановленія церкви, не зараженной злоупотребленіями, какія унижаютъ западную. Съ увѣренностью писалъ Антонъ о будущемъ своемъ союзѣ. Имѣлъ ли на это причины, мы сейчасъ увидимъ.

Какъ скоро Аристотель почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни, молодой другъ его спѣшилъ открыть ему свое сердце, свои желанія, надежды и опасенія. Въ какихъ трудахъ, какъ бы думали вы, засталъ Антонъ художника? Онъ сочинялъ вновь чертежи своего огромнаго храма. Разстаться съ нимъ было все равно, что умереть. Въ немъ былъ весь онъ. Когда вошелъ лекарь, Аристотель покраснѣлъ и поблѣднѣлъ, какъ будто застигли его въ важномъ проступкѣ, и спѣшилъ кое-какъ, чѣмъ попало, накрыть чертежи. Вмѣсто того, чтобы найдти въ художникѣ усерднаго свата, Антонъ нашелъ въ немъ пламеннаго противника его дѣлу. Грозный опытъ сдѣлалъ Аристотеля опасливымъ до какой-то робости; во всемъ сталъ онъ видѣть однѣ неудачи. Онъ обѣщалъ однакожъ ть его сгряпчимъ у боярина Образца, какъ самый зкій человѣкъ, какъ отецъ. Но надежды не подаъ, угадывая неодолимыя препятствія въ ненависти зоды къ нѣмцу, изъ рода заклятыхъ враговъ его,

хотя бъ этотъ нѣмецъ и принялъ русскую вѣру. Такое начало не предвѣщало ничего добраго; теперь, какъ водится, препятствія возбудили въ Антонѣ сильнѣйшее желаніе обладать предметомъ, который составлялъ счастіе и муку его жизни.

Не чувствуя ногъ подъ собою, весь погруженный въ грустномъ раздумьѣ, шелъ Антонъ домой; навстрѣчу ему, пыхтя, багровый отъ жара и сильнаго движенія, переводчикъ Бартоломей. Неизбѣжный сталъ поперекъ дороги его, униженно кланяясь, кивая головой и ногой, опахивая себя шапкою; онъ хотѣлъ говорить и отъ усталости не могъ. Молодой человѣкъ учтиво просилъ дать ему дорогу.

— Нѣтъ, высокопочтеннѣйшій господинъ,—сказалъ наконецъ Бартоломей, съ особеннымъ жаромъ, какъ будто пропустилъ кусокъ, стоявшій у него въ горлѣ,— нѣтъ, не сойду, пока вы меня не услышите. Убейте, прибейте меня, но выслушайте. Вы меня не любите, ненавидите, презираете, я это знаю, но я не могу отвесть отъ васъ души своей; это свыше силъ моихъ. Я таковъ же къ вамъ, какъ въ первыя минуты, когда васъ увидѣлъ... все также уважаю васъ, все также пламенно люблю и готовъ пожертвовать для васъ Богъ знаетъ чѣмъ. Сдѣлайте изъ меня... Ну, что бъ вы хотѣли изъ меня сдѣлать?.. Усерднаго слугу вашего?.. Мало? ну коня, вьючную лошадь!.. Хуже?.. Ахъ! что бы сыскать хуже!.. Ну, придумайте сами...

И началъ Бартоломей съ отчаяніемъ бить себя [illegible] лакомъ въ грудь не хуже изступленнаго, плохого [illegible] тера. Съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него Антонъ пожалъ плечами.

— Не хотите говорить, ну, такъ выслушайте.

не знаете, но я вашъ усерднѣйшій слуга, вашъ преданнѣйшій изъ людей, знаю... Молва идетъ по городу, можетъ дойти до отца... пріѣдетъ братъ... тогда смерть ваша неизбѣжна... говорятъ, вы обольстили Ан...

— Несчастный, не доканчивай, или я убью тебя здѣсь, на мѣстѣ!—воскликнулъ молодой человѣкъ, поблѣднѣвъ и весь дрожа, и какъ будто боясь, чтобы угрозы его не сбылись, бросился опрометью отъ презрѣннаго разнощика вѣстей,

— И вотъ наконецъ, — говорилъ онъ самъ съ собою,—позоръ дѣвушки, по моей милости, ходитъ изъ устъ въ уста; о немъ звопитъ ужъ въ набатъ этотъ мерзавецъ! Вѣрно, проговорилась подруга! Гдѣ жъ увѣренность спасти ее во-время отъ стрѣлъ молвы? Гдѣ жъ благородство, польза жертвы? Одно мнѣ осталось, — броситься къ ногамъ великаго князя, признаться ему во всемъ и молить его быть моимъ спасителемъ и благодѣтелемъ. Скорѣе и сейчасъ же. Онъ намекалъ мнѣ такъ благосклонно о невѣстѣ, онъ будетъ моимъ сватомъ.

Антонъ повернулъ шаги свои къ хороминамъ великокняжескимъ; но когда шелъ мимо избы Курицына, добрый духъ шепнулъ ему зайти къ дьяку, столько усердному къ пользамъ его. Онъ нашелъ его въ важныхъ занятіяхъ, можно бы прибавить затруднительныхъ, потому что Курицынъ, покровитель жидовской ереси на Руси, долженъ былъ, по приказанію великого князя, составить списокъ еретикамъ, съ назначеніемъ имъ ссылки и другихъ наказаній, впрочемъ не строгихъ. Въ этомъ случаѣ Иванъ Васильевичъ показалъ хорошо свои отношенія и свои обязанности къ своему слугѣ своему, и слуга понималъ также хо-

рошо, чего желалъ его владыка, свои обязанности къ нему и отношенія къ братьямъ, еретикамъ. Какъ водится, Курицынъ составилъ списокъ тѣмъ лицамъ, которыя были малозначащи, ненадежны и простодушнѣе другихъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, объяснивъ молодому человѣку свои занятія,—вотъ наконецъ Иванъ Васильевичъ, по убѣжденію духовныхъ лицъ, открылъ глаза!.. Гнусная ересь обнаружилась!.. Я давно говорилъ ему, — не слушалъ, не вѣрилъ!.. О, если бъ ты зналъ, господинъ лекарь, какъ много обольстительнаго, прекраснаго въ этой ереси! Отчего жъ и вѣтвится она со дня на день!.. И между тѣмъ зло ужасное, гибель народа!.. Надо искоренить, во что бъ ни стало... Да, въ этомъ случаѣ Иванъ Васильевичъ слишкомъ милостивъ, или слишкомъ упрямъ. Говоритъ: не хочу дѣлать, чего хочетъ народъ; и такъ мѣшаетъ мнѣ много! Чтожъ? присудилъ наказаніе самое легкое, дѣтское,—смѣха ради!.. Кого ссылаетъ въ дальніе города, кому готовитъ потѣху... да ты самъ увидишь...

До Антона не разъ доходили слухи, что Курицынъ принадлежитъ жидовской ереси и тѣломъ и душой. Лукавству его онъ не изумился: онъ ужъ болѣе ничему не изумлялся. Допытаться же настоящихъ его религіозныхъ мнѣній и стараться обратить его къ истинѣ было некогда, и потому молодой человѣкъ спѣшилъ открыть ему свое положеніе. Намѣренія Антона хвалили, съ надеждъ его сбросили вереги, объявивъ ему, что великій князь извѣстенъ ужъ о склоннос своего дворского лекаря къ дочери Образца. Въ том что государь былъ вкладчикомъ въ этой тайнѣ, з зяинъ призналъ себя виноватымъ, а какими путя

извѣстна она была самому Курицыну, этого не могъ, не смѣлъ и не долженъ былъ открывать.

— Ты это когда-нибудь узнаешь,—говорилъ дьякъ; потомъ прибавилъ:—Иванъ Васильевичъ заранѣе играетъ ужъ твою свадьбу. Окрестись, и по рукамъ, молвилъ бы я вмѣстѣ съ нимъ, да боюсь: круто повернешь властью господина нашего,—все дѣло испортишь. Мой совѣтъ: для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ сыскать умнаго, ловкаго свата, не изъ владыкъ земныхъ, не изъ князей и бояръ, а простого людина, который умѣлъ бы побороть непріязнь Образца къ иноземцу. Я за это не берусь: ты знаешь, мы съ нимъ другъ другу чужіе. Постой, дай подумать, на кого ловче напасть... Да вотъ... чего лучше тверчанина Аѳони!.. Вѣдь ты знаешь его?

— Знаю, и прибавлю, сколько могу судить по его отношеніямъ ко мнѣ, онъ меня любитъ, несмотря на мое басурманство. Не разъ водилъ я его по нѣмецкимъ и итальянскимъ землямъ, и за это считаетъ онъ себя въ долгу у меня.

— Такъ съ Богомъ! Ударь ему челомъ и проси его въ сваты. Откройся, что ты полюбилъ дочь Образца, увидавъ ее только разъ въ окно, и то по пріѣздѣ изъ Твери. Разумѣется, во главу дѣла положи обѣтъ окреститься въ нашу русскую, православную вѣру; она же есть источникъ всякой благодати (еретикъ вымолвилъ это съ притворнымъ благоговѣніемъ). Затѣмъ прибавь и волю нашего всемощнѣйшаго господина, Ивана Васильевича. Только берегись сказать, что я тебя послалъ: это нужно. Теперь отъ души поздравить тебя съ красоткой-женою и потьемъ.

— Нѣтъ, при этомъ случаѣ не возьму богатыхъ даровъ отъ великаго князя, хотя бы пришлось заслужить и гнѣвъ его. Я не продаю себя. По крайней мѣрѣ, душа моя чиста будетъ, здѣсь и на томъ свѣтѣ, отъ упрека въ корысти. Во всемъ прочемъ послушаю тебя; чтобъ доказать это, изъ твоего дома иду прямо къ Аѳанасію Никитину.

— Идешь одинъ, пѣшкомъ, въ село Чертолино? — сказалъ Курицынъ.

— Одинъ. Чего бояться! Лошади не взялъ, чтобъ не возбудить любопытства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буду.

— Почему бъ не отложить до завтраго. Дорога дальняя, есть перелѣсокъ, окруженъ болотомъ... есть у тебя враги... Ты забылъ Поппеля...

— Не думаю, чтобы рыцарь покусился на дѣло разбойничье. Съ благословеніемъ Божьимъ я рѣшился. Завтра, можетъ статься, будетъ поздно.

— Хорошо, что сказалъ. Друзья твои станутъ у тебя на стражѣ.

Антону ничего не оставалось дѣлать, какъ благодарить.

Подходя къ избушкѣ, гдѣ жилъ странникъ, онъ услыхалъ льющіеся изъ нея звуки духовнаго пѣнія. Звуки были такъ легки, свободны отъ всего земного, въ нихъ отзывались миръ души, согласіе, дѣтская простота и повременамъ возмужавшая сила чувствъ, умиленіе, теплота, проникающія въ сердце, въ мозгъ костей вашихъ. Не таковъ голосъ земныхъ страстей, такъ бесѣдуютъ только съ Богомъ. Эренштейнъ остановился у воротъ и слушалъ духовную пѣснь съ восторгомъ. Пѣніе становилось тише и тише и вдр замолкло, какъ будто спустилось на землю, обреме

нее тяжестью небесной ноши. Но Антонъ не успѣлъ еще образумиться отъ умиленія, его обнявшаго, какъ послышалось вновь пѣніе. Теперь это были печальные, раздирающіе душу звуки. Старецъ пѣлъ: «не рыдай меня, мати, зряще во гробѣ». Обращеніе къ матери, гробъ, унылое пѣніе невольно навели тоску и благочестивый трепетъ на сердце молодого человѣка.— «О! что сулишь ты мнѣ, святой старецъ!.. Неужли голосъ твой вѣщій?..» — сказалъ онъ со слезами на глазахъ... и отнялъ руку отъ кольца, которымъ готовился ударить въ столбъ приворотный. Онъ хотѣлъ ужъ идти отъ воротъ, и одумался.—«Дитя, малодушный»,— говорилъ онъ самъ себѣ, — «неужли обращеніе Богочеловѣка къ Матери изъ гроба могло смутить тебя? Съ именемъ Господа иду на благое дѣло, и не побоюсь стрѣлъ, летящихъ на меня во тьмѣ».

Съ послѣднимъ словомъ онъ постучался въ ворота и на спросъ Аѳанасія Никитина: «кто пришелъ», отозвался именемъ Господнимъ. Его тотчасъ впустили; разумѣется, оградили себя крестнымъ знаменіемъ на всякій недобрый случай. Аѳоня не чуждался знакомства съ чужеземцами: съ какими и какими народами онъ не сообщался! Однакожъ во всѣхъ сношеніяхъ съ ними всегда осѣнялъ себя крестомъ Господнимъ, который, увѣренъ онъ былъ, не разъ спасалъ его отъ бѣдъ.

Жилище его было бѣдно, но чисто. Лучшимъ украшеніемъ клѣти составляла икона Божьей Матери, къ подолью которой принесъ путешественникъ все рѣдкое, что могъ принесть на Русь изъ своего дальняго странствія: ткани индійскія на подвѣски, жемчугъ и самоцвѣты на ризу, листы пальмоваго и вѣтви финиковаго

дерева, красивыя перья рѣдкихъ птицъ вмѣсто рамы. Тутъ было его прошедшее, его настоящее и будущее; сюда соединялъ онъ свое богатство земное и небесное.

— Волей или неволей жалуешь ко мнѣ?—спросилъ старикъ.

— Неволей,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—потому что наслало меня къ тебѣ дѣло головное, кровное; волей, потому что въ этомъ дѣлѣ избралъ тебя, Аѳанасій Никитичъ, вмѣсто отца родного. Будь же мнѣ отецъ, не откажись.

Такое вступленіе изумило тверчанина. Но когда молодой человѣкъ сталъ разсказывать ему свои намѣренія и просьбу, одинокій глазъ старика заблисталъ чуднымъ свѣтомъ, губы его растворились улыбкой. Выслушавъ челобитье, онъ съ большимъ удовольствіемъ изъявилъ готовность быть печальникомъ и сватомъ Антона, христіанскаго дѣла ради; только успѣхъ отдавалъ въ руки Господа.

— Побудь у меня часокъ,—сказалъ Аѳоня, схвативъ свою шапку и посохъ, — разомъ ворочусь. Злое дѣло откладывай со дня-на-день и молись. авось, соскучится сидѣть у тебя за пазушкой да стошнится отъ молитвы; сгинетъ въ благой часъ, аки нечистая сила отъ заутренняго звона. Съ добрымъ дѣломъ иначе. Взвидѣлъ птицу дорогую, наметывай мигомъ калену стрѣлу, натягивай лукъ тугой,—она твоя, птица небесная. Пропустишь, и потонула въ небѣ.

— Боюсь только, во-время ли пришелъ, — сказалъ Антонъ.—Я съ запросомъ къ твоему кольцу, а ты пѣлъ пѣснь надгробную. Навелъ на душу тоску невыносимую. Почему такъ скоро перешелъ къ этой пѣ отъ возношенія Господа?

— Почему?—отвѣчалъ тверчанинъ, нѣсколько смутясь,—почему, сказать тебѣ не сумѣю. Нашелъ Божій часъ, не мой. Да не кручинься попусту: гдѣ Господь, тамъ все благо, все добро. Помолимся Ему, и возрадуется душа наша о Немъ.

И старикъ палъ тѣломъ и духомъ передъ иконою—за нимъ Антонъ.

— Теперь, помолясь, съ благословеніемъ Божіимъ, примемся за службу Ему —молвилъ первый, и вышелъ изъ избы.

Можно судить, въ какомъ тревожномъ состояніи остался молодой человѣкъ. Всѣ шаги, всѣ слова чуднаго посредника между нимъ и судьбою были заочно взвѣшены, разсчитаны по маятнику замирающаго сердца.—«Вотъ,—думалъ Антонъ,—подошелъ старикъ къ воротамъ Образца, вотъ онъ всходитъ на лѣстницу... Онъ въ комнатѣ боярина... произноситъ имя Анастасіи, имя мое... Жребій мой положенъ на вѣсы судьбы... Господи, урони на него милостивый взоръ!»

Между тѣмъ Аѳоня быстро направлялъ свои шаги къ жилищу Образца, пріискивая въ головѣ и сердцѣ рѣчи, которыя могли бы успѣшнѣе дѣйствовать на отца Анастасьина. Странникъ былъ недавно у святого мужа, Іосифа Волоцкаго, и наслушался изъ его медоточивыхъ устъ духовной бесѣды съ однимъ бояриномъ, отъ которой сердце его таяло. Изъ нея-то источники собирался онъ употребить теперь въ дѣло. Еще впервые путь его неровенъ и грудь повременамъ требуетъ от-
[illegible]а; впервые рука дрожа схватила вѣстовое кольцо и
[illegible]рно ударила въ столбъ приворотный. Бояринъ дома,
[illegible]чѣ отворяютъ калитку; Аѳонѣ запрета нѣтъ, въ
[illegible]ъ часы дня ни пришелъ онъ. Всходитъ на

лѣстницу. У сѣнныхъ дверей онъ отдохнулъ и оправился.

Василій Ѳедоровичъ лежалъ на постели въ повалушѣ; ему очень нездоровилось. Никогда еще въ жизни своей не хворалъ онъ сильно, и потому настоящая болѣзнь, вдругъ его свалившая, не таила опасныхъ признаковъ. Одръ, можетъ быть, смертный, и будущность— вотъ великія темы, которыя представлялись самородному краснорѣчію нашего странника-витіи.

Попрежнему гость, войдя въ клѣть, ставилъ посохъ у дверей, творилъ три крестныя знаменія передъ иконой и кланялся низко хозяину, пожелавъ ему здравія; попрежнему хозяинъ ласково привѣчалъ его и сажалъ на почетное мѣсто. Послѣ разныхъ оговорокъ съ обѣихъ сторонъ, тверчанинъ началъ такъ:

— Вотъ прошло и красное лѣто. Пташки свили гнѣзда, вывели дѣтокъ, выкормили ихъ и научили летать. Потянулъ вѣтеръ со полуночи,—не страшенъ пичужечкамъ; пѣстуны указали имъ дорожку по поднебесью на теплыя воды, на привольные луга. Запоздай родимые выводомъ, немудрено и снѣговой непогодѣ застать малыхъ дѣтенышей, бѣдныхъ птенчиковъ.

Бояринъ взглянулъ пристально въ око Аѳонѣ и примолвилъ:

— Ты не спросту рѣчь ведешь, Никитичъ.

— Самъ вѣдаешь, бояринъ, передъ сказкою всегда присказокъ. А веду я рѣчь къ тому, коротко лѣто и нашего житія. У кого есть дѣтки, надо подумать, как[illegible] имъ теплое гнѣздышко свить, какъ бы ихъ отъ н[illegible] годы на теплыя воды.

— Птицы небесныя не сѣютъ и не жнутъ, а с[illegible] лоду не умираютъ,—возразилъ бояринъ: —обо всѣх[illegible]

Господь равно промышляетъ, равно ихъ отъ грозы прію-чаетъ, показываетъ имъ всѣмъ путь чистъ въ при-вольную сторону. А намъ за грѣхи ли нашихъ прароди-телей, или за наши, не всѣмъ одинака доля дается: кому талантъ, кому два, овому нѣтъ ничего. Заботъ и у насѣ о дѣткахъ не мало, да... (тутъ онъ глубоко вздохнулъ).

— Иной летаетъ соколомъ съ руки великокняже-ской,—перебилъ Аѳоня:—что ни кругъ, то взовьется выше; другой пташкѣ не та часть. Поетъ себѣ щебе-туньей-ласточкой, скоро-скорехонько стрижетъ воздухъ крыльями, а далѣ дома родимаго не смѣетъ. Не все жъ по тепло на гнѣздо колыбельное; придетъ пора-времячко, надо и свое гнѣздышко свивать, и своихъ дѣтушекъ выводить.

— Опять отвѣчу: наша доля и нашъ урокъ въ рукѣ Господней, безъ него и волосъ съ головы не падетъ.

— Не взыщи, осударь Василій Ѳедоровичъ, коли я, худородный, бездомный странникъ, молвлю тебѣ не въ укоръ, не въ уразумѣніе, а въ напоминаніе. У насъ на умѣ всѣ сокровища земныя, то для себя, то для дѣтокъ, а про сокровища небесныя, ихъ же ни тля, ни червь не поѣдаютъ, и въ поминѣ нѣтъ. А тамъ придетъ часъ Христовъ, аскамитныхъ кафтановъ, ковшовъ серебря-ныхъ, ларцовъ кованыхъ съ собой не возьмемъ; явимся къ нему наги, съ одними грѣхами или добрыми дѣлами.

— Господь вѣдаетъ, по силамъ и по разумѣнію тру-димся о спасеніи души нашей и дѣтей нашихъ.

— Трудишься? а ищешь богатыхъ, знатныхъ же-новъ осударынѣ Анастасіи Васильевнѣ?..

Не оскорбился бояринъ этимъ упрекомъ и отвѣчалъ во:

— Правда твоя, искалъ по немощи родительской, а болѣе человѣческой. Зато, статься можетъ, Господь и наказалъ меня сватовствомъ Мамона. Съ той поры не плодитъ мое деревцо сладкихъ яблочковъ; съ той поры жениховъ Настенькѣ словно рукой сняло, да и сама она, горемычная, сохнетъ, что былина на крутомъ яру. Я ли не ходилъ на богомолье по святымъ мѣстамъ; я ли не ставилъ мѣстныхъ свѣчъ, не теплилъ лампады неугасимой!

— Слыхалъ ты Божье слово: вѣра безъ дѣлъ мертва.

— Слыхалъ, и творилъ по Божью слову. Одѣлялъ я щедро нищую братью, помогалъ разореннымъ отъ пожара, въ голодные годы, выкупалъ изъ плѣну басурманскаго. И старался, чтобы лѣвая рука не знала, что подаетъ правая.

— Вѣстимо, и то все Господу въ угоду. Да ты давалъ свой излишекъ, чего у тебя вдоволь было. Не послѣдній ломоть дѣлилъ ты, не послѣднюю пулу отдавалъ. Вотъ дѣло иное, кабы ты для спасенія души твоего недруга отдалъ бы, чего у тебя дороже, милѣе нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, кусокъ своего тѣла, кровь свою!

Сказавъ это, старикъ выпрямился и зорко посмотрѣлъ одинокимъ, блестящимъ глазомъ на своего слушателя, какъ стрѣлокъ, желая высмотрѣть, ловко ли онъ ударилъ въ цѣль. Заставили бы его повторить, онъ не сумѣлъ бы; ему самому казалось, кто-то другой говорилъ въ немъ.

При словѣ «недруга» бояринъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Не о Мамонѣ ли говоришь? — воскликнулъ голосомъ осужденнаго, который проситъ милости.

— Чтожъ? хоть бы о немъ. Онъ твой ворогъ.

— Аѳанасій Никитичъ, друже мой, ты хочешь безчестья моей сѣдой головѣ, безчестья сыну, дочери, всему роду нашему. Ты хочешь, чтобъ я умеръ неспокойно, чтобъ я съ того свѣта слышалъ, какъ дѣти моихъ дѣтей будутъ пенять мнѣ, можетъ статься, клясть меня за позоръ свой, чтобы я слышалъ, какъ народъ, мои вороги будутъ смѣяться надъ моей могилой и позорничать на ней. Вотъ, скажутъ, былъ добрый отецъ! радѣлъ о дѣткахъ!.. пристроилъ дочку единородную, любимую, за внука колдуньи, что сожжена на Можаѣ на лобномъ мѣстѣ! Внукъ вѣдьмы, сынъ кровнаго ворога моего, съ нимъ же долженъ мой сынъ на поле, пойметъ дочь мою... Нѣтъ, Аѳанасій Никитичъ, проси, требуй отъ меня другого. Господь видитъ, коли то для Христова дѣла, не пожалѣю крови своей.

Къ этому слову велъ Аѳанасій Никитичъ; онъ почти торжествовалъ побѣду.

— Успокойся, бояринъ, не къ Мамону рѣчь веду. Спасетъ ли его окаянную душу дочка твоя любимая, голубица чистая? Только свою погубитъ. Не ея желаетъ онъ сыну, а богатства твоего. Женихъ мой не таковъ, хочетъ одного богатства небеснаго; только съ этимъ приданымъ дорога ему Анастасія свѣтъ-радость Васильевна.

— О комъ же говоришь, и въ умъ не дается.

Аѳоня сотворилъ крестное знаменіе и сказалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ сватомъ, осударь Василій
ровичъ, да не простымъ, обыденнымъ, хочу, да и
ень великой душа бы твоя явилась ко Христу, аки
ста чистая, непорочная. Вотъ видишь, два жениха

на примѣтѣ для Анастасіи Васильевны. За обоихъ стоитъ господинъ нашъ Иванъ Васильевичъ, за одного стою я крѣпко: оба басурманы. Одинъ татаринъ и царевичъ...

— Каракача, сынъ Касимовца Даньяра?

— Какъ сонъ въ руку.

— Ужъ были мнѣ стороной намеки о немъ. Не прочь бы я отъ него, коли онъ окрестится.

— Вѣстимо, онъ царевичъ!.. Дѣло христіанское дѣломъ, честь таки честью!..

Иронія эта глубоко потрясла религіозную душу Образца. Онъ смутился, какъ бы проговорясь передъ своимъ судьею, но оправившись отвѣчалъ:

— Такъ я за царевича не отдамъ, видитъ Господь, не отдамъ... Кто жъ другой? Не томи, ради Бога.

— Бояринъ, помни, не простую свадьбу затѣваемъ; мы готовимъ вѣнцы нетлѣнные на тебя и другого раба Божьяго.

— Говори, друже, говори.

— Другой... Онтонъ-лекарь.

— Нѣмчинъ!.. — вскричалъ Образецъ помертвѣвъ.

Въ этомъ словѣ былъ цѣлый родъ латинщиковъ, ненавистный, заклятый, смерть любимаго сына, вся жизнь боярина съ ея предразсудками и вѣрованіями.

— Вѣдь я не таилъ отъ тебя, что женихъ басурманъ.

— Чернокнижникъ, слуга нечистаго! — продолжалъ бояринъ.

— Напраслина, Василій Ѳедоровичъ! Напрасли... грѣхъ великій. Кто заложитъ душу свою, скаже что онъ слыхалъ его въ зазорныхъ бесѣдахъ, только что видалъ въ дѣлахъ сатанинскихъ! Быва

у него не разъ, бесѣдовалъ съ нимъ не однажды, все рѣчь о Божьемъ дивномъ твореніи, разумная, красная, свѣтлая, словно ключъ гремучій. Скроменъ, какъ дѣвица, отваженъ, какъ твой сынъ, милостивъ до бѣдныхъ. Николи не забуду его добра. Одно только держитъ его въ когтяхъ нечистаго, только одно потянетъ его въ смолу горючую, что онъ некрещеный. Но коли приметъ нашу вѣру крещеную, очистится отъ всякой скверны, скорѣе нашего попадетъ въ обитель Бога. Подумай, бояринъ, ты заложилъ мнѣ святое слово.

Образецъ вмѣсто отвѣта залился слезами, въ первый еще разъ по смерти жены своей.

— Чего хочешь отъ меня? — произнесъ онъ наконецъ, едва не рыдая.

— Крови твоей, дорогой части твоего тѣла, ими же спасешь душу раба Божьяго Онтона отъ огня вѣчнаго, помилуешь и свою душу.

— Дай сроку дня три, хоть до пріѣзда сына.

— Дастъ ли тебѣ этотъ срокъ Іисусъ Христосъ для очищенія грѣховъ твоихъ, когда явишься къ Нему на тотъ свѣтъ? (эти слова принадлежали не Аѳанасью Никитину, а Іосифу Волоцкому) можетъ статься, заутро опоздаетъ слово твое. Откажешь Онтону, — кто поручится, что онъ тотчасъ не уѣдетъ въ свою латинскую землю? Останется тогда навѣки въ плѣну адовомъ. И когда придетъ на тотъ свѣтъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, когда возьмутъ его, чтобы бросить въ смолу кипучую, «Господи», скажетъ онъ: «я тѣлъ къ Тебѣ въ обитель твою, а меня не пустилъ бъ твой Василій: онъ связалъ меня по рукамъ и ногъ, онъ кидаетъ меня въ огонь вѣчный: свяжи его мною, ввергни его въ огонь со мною». Спасутъ ли

тебя тогда твои подаянія, твое богомолье? Одумайся, Василій Ѳедоровичъ; повтори святое слово свое, да возрадуются ангелы, принимая въ ликъ свой новую христіанскую душу, воспоютъ: «слава, слава Тебѣ, Господи, на земли и на небеси!»

Глубоко вздохнулъ Образецъ, какъ бы вздыхало съ нимъ все его существо, взглянулъ на икону Спасителя, съ любовью и страданіемъ распятаго съ Нимъ на крестѣ, и поднялся вдругъ съ болѣзненнаго одра своего, крѣпокъ и сановитъ, и произнесъ съ умиленіемъ:

— Помолимся Господу.

За нимъ всталъ тверчанинъ. И молились они.

— Господи, Отецъ милосердый, — говорилъ Образецъ, ставъ на колѣна,—прими отъ недостойнаго раба Твоего жертву кровную, великую! Одна дочь у меня, ненаглядная моя, сокровище мое, и ту отдаю Тебѣ. Господи, Господи, помяни меня и ее во царствіи Своемъ.

И обнялись бояринъ со странникомъ. Кончивъ дѣло Божье, принялись за мірское. Ударили по рукамъ и условились: приготовить Анастасію, объявить чрезъ Аѳоню согласіе Антону-лекарю и сказать ему, чтобы онъ, сберегая дѣвичью стыдливость и честь отъ всякаго нареканія людского, переѣхалъ завтра жъ на другой дворъ и тотчасъ взялъ духовника боярскаго, который ввелъ бы его въ вѣру крещеную. Свадьбѣ положено быть не прежде, какъ судъ Божій рѣшитъ участь Хабара на *полѣ*. Видѣлъ ли Антонъ дочь боярина и какъ видѣлъ, не спрашивали: можетъ статься, Образецъ с ялся узнать, что узнать было бы ему непріятно.

Лишь только сватъ ушелъ, Анастасію позвали отцу.

— Зачѣмъ?.. Недаромъ! — подумала она, и сердце затрепетало въ груди, и ноги подломились.

Когда она вошла въ повалушу отца, важное, умиленное лицо его, взоръ, глубоко павшій ей въ душу, икона, убранная свѣтомъ лампады, какъ передъ праздникомъ,—все сказало ей, что готовится для нея что-нибудь чрезвычайное.

Старикъ заговорилъ трогательнымъ голосомъ о своей болѣзни, о предчувствіи близкой смерти. Вотъ и воронъ словно впился въ кровлю дома и не хочетъ отстать отъ нея, и собака роетъ яму передъ окномъ повалуши, и мать Анастасьина во снѣ является и зоветъ къ себѣ!

— Батюшка, родимый... не умирай, не покидай меня...—едва могла сказать Анастасія, и залилась слезами.

— Радъ бы не покидать, дитя мое милое, наливное мое яблочко, да Господь позоветъ, никто не остановитъ. Пора подумать, какъ бы тебя пристроить... ты ужъ дѣвка въ порѣ... злые люди скажутъ скоро: устарокъ!..

Въ числѣ уроковъ, данныхъ мамкою своей воспитанницѣ, какъ себя вести и что, когда говорить, былъ и тотъ, что и какимъ голосомъ слѣдовало отвѣчать отцу, когда онъ молвитъ ей о женихѣ. Эпиграфъ, взятый нами для настоящей главы, съ должнымъ, мѣрнымъ причитаніемъ, затвердила на подобный случай Анастасія, но теперь было не до него. Она стояла у изголовья отцовской кровати ни жива, ни мертва; она ничего не могла молвить и утирала тонкимъ рукавомъ своимъ слезы, лившіяся въ изобиліи.

Отецъ продолжалъ:

— По закону Божьему выбралъ я тебѣ жениха...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРЕЛѢСОКЪ

Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный,
За деревомъ сидимъ и ждемъ...

Пушкинъ.

Антонъ былъ счастливъ; онъ спасъ честь любимой дѣвушки; онъ будетъ обладать ею. Едва вѣрилъ счастію своему. Исполняя волю Образца и еще болѣе собственнаго сердца, рѣшился онъ переѣхать завтра жъ къ Аристотелю, а отъ него на другой дворъ, какой ему назначатъ. Нынѣ жъ могъ еще ночевать подъ одною кровлею съ Анастасіей. Смеркалось ужъ, когда онъ, простясь съ своимъ благодѣтелемъ и сватомъ, вышелъ изъ двора его. Было идти далеко. Лошади не прислалъ Курицынъ, какъ обѣщалъ. Онъ спѣшилъ.

Въ виду Занеглинной, по спуску горы къ моховому болоту, его ожидалъ довольно большой перелѣсокъ. Становилось все темнѣй и темнѣй. Мѣсяцъ привсталъ только съ земли и свѣтилъ лѣниво, то глядя соннымъ лицомъ въ глаза путнику, то перебирая листьями деревъ какъ блестящею гранью алмазовъ, то склоняясь за дерево, опозоренное грозой. Наконецъ и онъ, утомленный

своимъ путемъ, готовъ былъ упасть на грудь земли. Одинъ Кремль, вспрыснутый послѣднимъ его сіяніемъ, вырѣзывалъ на небѣ кровли своихъ домовъ и кресты своихъ церквей; все же кругомъ распростерлось во мракѣ у ногъ его, какъ рабы у ногъ своего падишаха.

Лишь къ перелѣску, Антона обдало холодомъ испаренія болотъ; самое небо, испещренное то облаками, то струями облаковъ, стояло надъ нимъ мраморнымъ куполомъ. Курево тумана побѣжало по рощѣ, и деревья, казалось, встрепенулись, приняли странные образы и зашевелились. Березы закивали кудрявыми головами, или пустили по вѣтру длинныя косы; черныя сосны вытянули свои крючковатыя руки, то съ угрозой вверхъ, то преграждая дорогу; зашептала осина, и кругомъ путника стали ходить тѣ причудливыя видѣнія, которыя воображеніе представляетъ намъ въ подобныхъ случаяхъ. Какъ будто вѣдьмы въ шабашъ свой, слетѣлись сюда рои летучихъ мышей и подняли воздушныя пляски почти передъ самымъ носомъ путника. Подстать имъ ночной ріомачъ и деревенскій лѣшій, сычъ, разсыпался своимъ адскимъ хохотомъ. Было отчего трухнуть и не робкому. Но Антонъ спѣшилъ подъ свою кровлю, въ первый еще разъ такъ прекрасную, подъ кровлю, гдѣ онъ будетъ съ своею невѣстой. Ему было тепло, ему было не страшно. На случай встрѣчи недобрыхъ людей, стилетъ у боку и кистень, оправленный въ острое желѣзо, который далъ у Аѳоня,—все это въ рукахъ мощнаго и отважнаго лодца могло служить надежнымъ щитомъ.

Правда, подалъ было ему опасеніе какой-то всадникъ, который почти съ самаго Чертолина выѣхалъ

со стороны на его дорогу и все слѣдилъ его въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Останавливался онъ, — и всадникъ останавливался; трогался съ мѣста,—то жъ дѣлалъ и неотвязчивый путникъ. Окликалъ, — не было отвѣта. Онъ вспомнилъ слова Курицына и, самъ-третей съ двумя оружіями, ловчился на защиту свою въ случаѣ нападенія. Наконецъ ему наскучили опасенія безъ всякихъ слѣдствій.— «Вѣрно, путникъ боится меня, а я его трушу»,—подумалъ Антонъ, и пошелъ себѣ безъ оглядки, прислушиваясь къ топоту лошади, его провожавшему, какъ прислушиваетесь къ жужжанію мухи, которая около васъ безпрестанно вертится, не кусая васъ. Сладкія минуты, ожидающія его въ будущемъ съ Анастасіей, заронились въ его сердцѣ и воображеніи. Что не было она или къ ней не относилось, не занимало его. Онъ весь погруженъ былъ въ мечты свои, когда изъ дымнаго клуба тумана кто-то осторожно окликнулъ его по имени.

— Я, — отвѣчалъ онъ, и остановился.

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ кто-то вынырнулъ изъ куста, и прямо къ нему.

— Прага... собаки... спаситель, — проговорилъ неизвѣстный по-нѣмецки, схвативъ Антона съ необыкновенною силой за рукавъ, увлекъ въ кусты и повалилъ. Хищная птица не быстрѣе съ налета хватаетъ свою жертву. — Ради Бога, — прибавилъ онъ шопотомъ, — не шевелись и молчи.

Довольно было таинственнаго пароля, извѣстна одному Антону, чтобы повѣрить чудному незнакоми Этотъ пароль напомнилъ ему случай въ Прагѣ, ког онъ избавилъ жида Схарія отъ ожесточенныхъ жив

ныхъ, которыя готовы были его истерзать; знакомый выговоръ изобличилъ возничаго, который привезъ Антона на Русь. Ничего не понимая и покоряясь его убѣдительной волѣ, онъ не шевелился и молчалъ.

Минуты двѣ, три... мимо ихъ проѣхалъ всадникъ, слѣдившій молодого человѣка. Тутъ Антону крѣпко пожали руку. Немного погодя, послышался свистъ; отвѣчали свистомъ въ оврагѣ.

— Теперь, поскорѣй за мной,—сказалъ вполголоса Захарій или Схарія, какъ звали его на Руси:—въ нѣсколькихъ саженяхъ ждетъ тебя разбойничья засада. Голова твоя куплена Поппелемъ.

Храбриться было безразсудно: молодой человѣкъ поспѣшилъ за Схаріемъ. Въ чащу перелѣска, въ разрѣзъ его, далѣе и далѣе, и потонули въ немъ. Только вожатый нерѣдко останавливался, чтобы дать перемежку шороху, который производили они руками и ногами, пробираясь между кустовъ и деревъ. Онъ желалъ, чтобъ этотъ шорохъ приняли за шумъ вѣтерка, бѣгающаго по перелѣску.

— Не теряй изъ вида этой звѣздочки, — говорилъ Захарій, показывая ему звѣзду, едва мерцавшую на востокѣ: — моли Бога, чтобы она не скрылась.

И шли и бѣжали они на ея утѣшительное сіяніе. Наконецъ, утомленные выбрались изъ перелѣска. Передъ ними болото. Оно показалось имъ ямою, въ которой жгутъ уголья, такъ дымилось оно изъ тумана. Въ это самое время вѣтерокъ донесъ до нихъ крики: гинулъ... пропалъ... разсыпся! лови окаяннаго!» И потъ лошадей разлился по разнымъ сторонамъ, по рогѣ въ Чертолино, по опушкѣ перелѣска. Сердце у да хотѣло выскочить изъ груди; оробѣлъ и Антонъ.

Жаль было ему разстаться съ жизнью въ лучшее время ея; ужасно умереть подъ дубиною или ножомъ разбойника!

— Здѣсь гдѣ-нибудь близко гать, — сказалъ Захарій внѣ себя: — разойдемся, ты — влѣво, я — вправо... поищемъ ее... найдешь — кашляни; я сдѣлаю то же... Гать, — или мы пропали!

Разошлись для поисковъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Антонъ подалъ условный знакъ. Жидъ къ нему. То мѣсто, гдѣ подъ темной полосой туманъ образовалъ сизый сводъ, указало гать. Вотъ ужъ бѣглецы на ней. Къ этой же сторонѣ, по опушкѣ перелѣска, неслись всадники... жарче и жарче топотъ коней ихъ... слышенъ паръ утомленныхъ животныхъ...

— Тише, дай мнѣ руку, или я упаду, — сказалъ жидъ задыхающимся голосомъ, схвативъ Антона за руку. — Сейчасъ мостъ черезъ ручей... а тамъ...

Онъ не могъ договорить: у него зажгло подъ сердцемъ. Еврей потерялъ ужъ присутствіе духа и физически ослабѣлъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, готовъ былъ упасть. Его стало, чтобы начать подвигъ, но робкой его природѣ недоставало силы кончить его. Напротивъ, разумная отвага молодого человѣка только-что и развилась во всей силѣ въ минуты величайшей опасности. Онъ схватилъ Захарія, потащилъ его, перенесъ черезъ мостикъ и положилъ почти бездыханнаго на сухомъ берегу. Потомъ воротился къ мостику — одно бревешко долой, въ ручей, протекающій черезъ болото, — другое, третье — и переправа уничтожена. Тума скрылъ бѣглецовъ. Они были спасены; въ виду и посадъ выставлялъ изъ паровъ земныхъ углы свои кровель. Они слышали, какъ заговорила гать подъ н

гами лошадей и вдругъ замолкла. Раздались крики и стоны; просили о помощи, слышались увѣщанія и проклятія. Вѣроятно, лошадь попала въ прорывъ мостика и увлекла своего сѣдока.

— Туда тебѣ и дорога! — вскричалъ еврей, пришедшій въ себя, какъ скоро узналъ, что находится внѣ опасности. — Копающій другому яму въ нее и попадаетъ. Однакожъ поспѣшимъ. Въ посадѣ ожидаетъ тебя твой...

Захарій не договорилъ — что-то просвистало мимо ушей его. Это была стрѣла, пущенная однимъ изъ погони въ то мѣсто, гдѣ находился говорившій. Испуганный, онъ наклонился до земли, дернулъ своего спутника за кафтанъ и началъ нырять въ туманѣ, почти на четверенькахъ, къ сторонѣ посада. Ничего лучше не могъ сдѣлать Антонъ, какъ послѣдовать за нимъ, не отставая.

— Ну, — сказалъ Захарій, выбравшись наконецъ въ безопасную пристань, то-есть къ избѣ, ему знакомой, потому что онъ въ нее постучался условнымъ стукомъ, — ну, сдѣлалъ я по закону отцовъ своихъ жаркое омовеніе. И безъ дождя на мнѣ нѣтъ нитки сухой.

Имъ отперли и замкнули за ними калитку.

— Теперь могу вознесть благодареніе и хвалу Богу Авраама и Іакова, — сказалъ еврей, введя своего спутника въ чистую, просторную комнату: — ты спасенъ.

— Чѣмъ могу благодарить тебя, добрый Захарій! — вѣчалъ Антонъ, пожавъ ему съ чувствомъ руку.

Это изъясненіе было сдѣлано ночью; никакихъ совѣщъ не взялъ бы молодой человѣкъ, чтобы днемъ,

при свидѣтеляхъ, дотронуться до жида, несмотря на все, чѣмъ былъ ему обязанъ, и на то, что готовъ былъ во всякое время оказать ему явную помощь, какъ человѣку.

— Чѣмъ?.. Я еще у тебя въ долгу. Ты спасъ мнѣ жизнь безъ всякихъ видовъ, не зная меня, изъ одного человѣколюбія. Мало еще? спасъ еще жида. Жида! чего это стоитъ въ глазахъ христіанъ!.. Я, твой должникъ, плачу тебѣ только, что получилъ отъ тебя. Завтра меня не будетъ здѣсь, въ Москвѣ. Богъ вѣдаетъ, удастся ли когда тебя увидѣть, еще болѣе, — поговорить съ тобою!.. Теперь могу на свободѣ дать отчетъ въ суммѣ добра, которую отъ тебя получилъ, могу тебѣ открыться... Увѣренъ въ благородствѣ души твоей, знаю, слова мои не пойдутъ далѣе тебя.

— О, конечно, ты можешь быть увѣренъ.

— Я говорилъ тебѣ, ѣхавъ на Русь, что не забуду твоего благодѣянія, что у меня здѣсь сильные друзья, которые могутъ сдѣлать тебѣ добро болѣе самого Аристотеля. Ты посмѣивался нерѣдко надо мной, ты считалъ меня хвастуномъ, однакожъ я не лгалъ. Ничтожный еврей, котораго школьники пражскіе могли безнаказанно травить собаками, извозчикъ твой—основатель обширной секты на Руси. Здѣсь я имѣю свое маленькое царство; мои слова даютъ законъ (еврей гордо выпрямился, глаза его заблистали); здѣсь отмщаю свое униженіе въ нѣмецкихъ земляхъ, беру съ лихвою то, что мнѣ тамъ ближніе мои, человѣки, мнѣ подобные, отказываютъ. Въ семьяхъ князей и бояръ, палатахъ митрополита, въ самой семьѣ великаго кня имѣю учениковъ и поклонниковъ. Многія женщин черезъ которыхъ можно и здѣсь сильно дѣйствова

несмотря на ихъ заключеніе, самыя жаркія мои поборницы.

Молодой человѣкъ слушалъ съ ужасомъ откровеніе жида. Онъ поднялъ глаза къ небу, какъ будто молилъ его вступиться за свое дѣло...

— «О! — думалъ онъ, — когда останусь на Руси, буду отыскивать этихъ несчастныхъ, заблудшихъ овецъ, буду стараться силою религіозной діалектики приводить ихъ къ божественному Пастырю ихъ. Захарій останется въ сторонѣ».

— Вотъ черезъ этихъ сильныхъ людей,—говорилъ еврей, — дѣйствовалъ я на расположеніе къ тебѣ великаго князя. Черезъ одного изъ нихъ властитель русскій давно узналъ о склонности твоей къ дочери Образца.

— Отъ кого жъ ты узналъ мои сердечныя тайны?

— Твой слуга недокрещенецъ — мой ученикъ. Ему поручено было слѣдить твои поступки и пути, чтобы я, въ случаѣ опасности, могъ помочь тебѣ. Какъ онъ подстерегалъ твои отношенія къ дочери боярина, спроси у него. Униженіе, въ какомъ его держали у Образца, научили его лукавству. Отчего жъ и родъ нашъ такъ лукавъ!.. Слуга твой зналъ, что я желаю тебѣ добра: мнѣ повинуясь, преданный тебѣ, онъ исполнялъ должность лазутчика съ особеннымъ искусствомъ и усердіемъ. Доказательство, ты этого даже и не подозрѣвалъ.

— Никакъ, никогда.

— Прости насъ, мы слѣдили тебя для твоего жъ ?обра, мы опутывали тебя сѣтью, чтобы въ случаѣ, ли попадешься въ пучину, легче вытащить изъ нея. зналъ, что Поппель твой заклятый врагъ. Недаромъ ть твоя указывала на него, какъ на человѣка, для бя опаснаго. Дорогою вѣтренникъ намекалъ своимъ

дворянамъ о тайныхъ видахъ на тебя. Онъ говорилъ о порученіи барона Эренштейна известь тебя во что бъ ни стало: лекарь-однофамилецъ бросалъ тѣнь на баронскій щитъ его. Сейчасъ по пріѣздѣ въ Москву началъ онъ точить на тебя орудіе клеветы. Когда это ему не удалось, онъ принялся за оружіе разбойника. Черезъ боярина Мамона куплена голова твоя. Въ посольскомъ дворѣ имѣлъ я людей преданныхъ, которые давали мнѣ или Курицыну обо всемъ знать. Приставы Попшеля были выбраны изъ учениковъ моихъ. Вездѣ, во всякое время, очи и сердце мое были на твоей стражѣ. И всегда, вездѣ я старался, чтобы не узнали, не видѣли, что жидъ о тебѣ заботится; никогда меня не видали въ бесѣдахъ съ тобою, не только во дворѣ твоемъ. Я зналъ, что мои сношенія съ тобою могутъ тебѣ повредить, особенно въ домѣ Образца; я берегъ твое имя отъ пятна этого, какъ будто берегъ честь дочери. Ты не упрекнешь меня въ противномъ.

Жидъ говорилъ съ особеннымъ чувствомъ; на глазахъ его навернулись слезы.

— О, конечно, нѣтъ! — воскликнулъ тронутый молодой человѣкъ.—Я не подозрѣвалъ тебя и въ Москвѣ.

— Все это шло хорошо до нынѣшняго дня. Нынче далъ мнѣ знать Курицынъ, что ты пошелъ къ Аѳанасію Никитину, несмотря на его увѣщанія отложить твое путешествіе до завтраго. Онъ поджидалъ твоего возврата въ удобномъ мѣстѣ, но ты не возвращался. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ подкупленной шайки извѣстилъ меня о томъ же съ прибавкой, что если ты мѣшкаешься, тебя выждутъ въ оврагѣ моховомъ, меж Занеглинной и Чертолиномъ. Я разсчелъ время. Собр преданныхъ людей на защиту твою было поздно;

слать тебѣ твою лошадь съ слугою — безполезно. Ни лошадь, ни слуга не помогли бъ въ тѣсномъ оврагѣ, гдѣ тебя окружилъ бы десятокъ разбойниковъ. Курицынъ пошелъ хлопотать, чтобы лошадь твоя съ слугою поспѣли по крайней мѣрѣ сюда, въ домъ одного изъ преданнѣйшихъ моихъ учениковъ. Долженъ тебѣ признаться, я не имѣю постояннаго жилища; нынѣ ночую у одного изъ своихъ, завтра у другого.

«Незавидна жъ участь твоя, царекъ еретиковъ!» — подумалъ Антонъ.

— Я же рѣшился отсюда, прямо черезъ гать болота, пробраться перелѣскомъ на дорогу въ Чертолино и тамъ въ опушкѣ дожидаться тебя. Извѣстно мнѣ было, что одинъ изъ разбойниковъ будетъ тебя слѣдить. Въ случаѣ, если бъ не удалось мнѣ высвободить тебя изъ-подъ его опеки, мы бъ двое остановили его и съ нимъ потягались. Слава Богу, я прибѣжалъ вовремя, — ты спасенъ. Благодарю Всевышняго, что Онъ даровалъ мнѣ нынѣ возможность оказать тебѣ услугу. Случись это завтра, Господь знаетъ, чѣмъ бы это кончилось. Завтра чѣмъ свѣтъ меня здѣсь не будетъ; обстоятельства заставляютъ меня выѣхать отсюда ранѣе, чѣмъ я думалъ. Я оставлю Русь — навсегда. Но скажи мнѣ, какой успѣхъ имѣло сватовство Никитина? Не нужна ли тебѣ грозная воля великаго князя?

— Теперь она лишняя. Моя судьба рѣшена; Анастасію отдаетъ мнѣ самъ отецъ, я остаюсь на Руси.

— Радуюсь, что *мой* Курицынъ указалъ тебѣ вѣрнаго свата, что и тутъ, если не я, то одинъ изъ ревностнѣйшихъ монхъ учениковъ помогъ тебѣ. Отъѣзжая, ю тебя его попеченіямъ... по крайней мѣрѣ до того змени, пока здѣсь будетъ оставаться усыновленный

баронъ Эренштейнъ. Объ одномъ умоляю, не показывай дьяку, что ты знаешь о его... пожалуй, по вашему назову... отступничествѣ.

Молодой человѣкъ это обѣщалъ. Однакожъ ему непріятно было оставаться подъ опекою еретиковъ, и онъ давалъ себѣ обѣтъ какъ можно скорѣе освободиться отъ нея.

— Буду въ Прагѣ, увижу если не мать твою, по крайней мѣрѣ ея слугъ... Что прикажешь сказать?

— Скажи, добрый Захарій, что я счастливъ... какъ можно быть только счастливому на землѣ. Передай ей все, что ты обо мнѣ знаешь, и любовь мою къ Анастасіи, и согласіе ея отца, и милости ко мнѣ русскаго государя. Въ довольствѣ, въ чести, любимъ прекрасною, доброю дѣвушкою, подъ рукою и окомъ Божьимъ,—чего мнѣ недостаетъ! Да, я счастливъ. Сказалъ бы—вполнѣ, да только мнѣ недостаетъ присутствія и благословенія матери! Попроси, чтобы она довершила мое благополучіе, пріѣхала хоть взглянуть на мое житье въ Москвѣ.

«И ее назовутъ басурманкой, и ей будетъ не легко здѣсь, въ семьѣ русскихъ!»—подумалъ еврей,—но не сказалъ, чтобъ не огорчить Антона.

— Прибавь, что ты видѣлъ меня въ лучшія минуты моей жизни, когда я готовился въ первый разъ ночевать подъ одною кровлей съ своей невѣстой. Эти минуты мнѣ принадлежатъ, этотъ день мой; завтра, будущее—въ рукѣ Божьей.

— Теперь мы все объяснили другъ другу, что намъ нужно было знать,—сказалъ Захарій покр снѣвъ.—Позволь, на прощаніи... еврею... здѣсь ник не увидитъ... я потушу свѣчку... позволь обнять те

прижать къ своему сердцу въ первый и послѣдній разъ.

Молодой человѣкъ не допустилъ, чтобы Захарій потушилъ свѣчу; онъ обнялъ его при свѣтѣ... съ чувствомъ любви и искренней благодарности.

Они простились. Когда Антонъ выѣзжалъ со двора, слуга его, недокрещенецъ, подошелъ къ нему, чтобы также проститься: онъ ѣхалъ съ своимъ наставникомъ и покровителемъ въ дальнія земли. Молодой человѣкъ умѣлъ и въ этомъ случаѣ оцѣнить тонкое чувство еврея. Не легко было бъ имѣть въ услугахъ еретика, отступника отъ Христова имени! Возвращаясь домой, онъ разбиралъ благородныя чувства жида съ особенною благодарностью; но обѣщалъ себѣ сдѣлать приличное омовеніе отъ нечистоты, которою его отягчили руки, распинавшія Спасителя.

Ночь слабо спорила съ зарей, когда молодой человѣкъ подошелъ къ своимъ воротамъ. Онъ оставилъ лошадь во дворѣ Аристотеля, куда заѣзжалъ сказать о своемъ счастіи. Боже! какія чувства волновали его, когда онъ входилъ на дворъ Образца, когда онъ ступилъ на крыльцо свое! Какъ въ бывалые дни, окно въ терему Анастасьиномъ отворено (мамка это ей позволила, узнавъ, не безъ удивленія, о помолвкѣ своей питомицы за Антона-лекаря, котораго ужъ запрещено было называть басурманомъ: она хотѣла этимъ угодить своему будущему боярину); какъ въ бывалые [illegible], Анастасія сидитъ у окна и ждетъ своего милаго [illegible]рователя. Она бросила ему цвѣтокъ; цвѣтокъ былъ [illegible]ый, только-что съ груди ея. Любовники дождались [illegible]я. Попрежнему вели они нѣмую бесѣду; долго говорили другъ съ другомъ любовно, краснорѣчиво-стра-

стно взорами, движеніями. Утро раздѣлило ихъ. Анастасія закрыла было окно и опять открыла его; Антонъ ушелъ было къ себѣ и опять воротился. Еще разъ простились они. У ней глаза были заплаканы: время, которое они будутъ разлучены, покажется ей вѣчностью.

И во снѣ видѣлъ Антонъ... О, чѣмъ сны его лелѣяли, того не могъ передать словами!

«Нѣтъ,» — сказалъ онъ самъ себѣ просыпаясь: — «нѣтъ, я слишкомъ счастливъ!.. Когда бъ мнѣ не просыпаться!.. Видѣлъ я разъ, какъ пчелу, опьянѣвшую въ ароматической чашѣ цвѣтка, вѣтерокъ сорвалъ вмѣстѣ съ нимъ и бросилъ въ пылающій костеръ, зажженный прохожимъ. Почему бъ мнѣ не такая участь?.. Безумное желаніе, достойное язычника!»— прибавилъ онъ, взглянувъ на образъ Спасителя:— «смерть христіанина не такова должна быть... есть блага выше земныхъ».

Аристотель засталъ его еще въ постели, погруженнаго то въ сладкія мечты, то въ религіозныя думы. Дружескія привѣтствія одного, ласки другого довершили его счастіе. Больше всѣхъ радовался этому счастію Андрюша: онъ столько содѣйствовалъ ему; крестная мать и другъ были давно его обрученники.

— Вотъ, помнишь, — говорилъ онъ своему молодому другу:—я предсказывалъ тебѣ, что будете съ моей милой, прекрасной Настей стоять въ церкви подъ вѣнцами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАКАЗАНІЕ ЕРЕТИКОВЪ

«Да по та мѣста, господине, мнѣ князь великой велѣлъ престати говорить, и мнѣ, господине, мнится, кое государь нашъ блюдется грѣха казнити еретиковъ».

Письмо Іосифа Волоцкаго къ духов. Іоанна III.

Не мало честили Іоанна духовные и народъ за то, что онъ, украшая стольный городъ свой, ломалъ церкви *извѣчныя* и переносилъ кладбища за посады. И нечестивымъ называли, и гробокопателемъ. Дѣйствовали противъ него словомъ Святаго Писанія и сказмами. «А что вынесши церкви, да и гробы мертвыхъ», писалъ новгородскій архіепископъ Геннадій къ митрополиту Зосимѣ: «да и на томъ самомъ мѣстѣ садъ посадити, и то какова нечесть учинена! Отъ Бога грѣхъ и отъ людей соромъ. Здѣсь пріѣзжалъ жидовинъ новокрещенный, Даниломъ зовутъ, а нынѣ христіанинъ, да мнѣ за столомъ сказывалъ во всѣ люди:— Понарядился есми изъ Кіева въ Москвѣ, ино де мнѣ чали жидова лаяти: собака-де ты, куды нарядился? язь-де великой на Москвѣ церкви всѣ выметалъ ъ!» Долетали эти стрѣлы до Ивана Васильевича; но нихъ не было ему больно: онъ надъ ними лся, и продолжалъ дѣлать свое.

Представленія, нерѣдкія и убѣдительныя, голосъ народа, покорный, но докучливый, насчетъ жидовской ереси, возбудили живѣе его вниманіе. Онъ приказалъ нарядить соборъ изслѣдовать ересь. Хотѣли пытать обвиненныхъ,—онъ запретилъ, хотѣли казни,—не позволилъ. Государь «соблюлъ себя отъ грѣха казнить ихъ». Согласно съ волею его, соборъ проклялъ всенародно ересь; кому назначили ссылку, кому народное поруганіе. Наказаніе стыдомъ примѣрно въ царствованіе государя грознаго и въ XV вѣкѣ.

Мы видѣли, что составленіе списка еретикамъ было поручено ихъ покровителю; замѣтили также, кому составлялся списокъ. Великій князь, въ угожденіе нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ, прибавилъ отъ себя нѣсколько явныхъ отступниковъ, ему указанныхъ. Назначенныхъ въ ссылку немедленно отослали въ дальніе города; другіе взяты подъ стражу: изъ нихъ готовили потѣху народу. По этому-то случаю Схарію было не безопасно въ Москвѣ. Иванъ Васильевичъ и не подозрѣвалъ его въ своемъ стольномъ городѣ; но когда бъ навели на него гнѣвный взоръ великаго князя, не миновать бы ему участи Мамоновой матери. Конечно, жида бъ не поберегли. Благоразумнѣй было ему убраться во-время изъ Москвы. Онъ это и сдѣлалъ, увезя съ собою богатую дань, собранную съ легковѣрія, глупости и любви ко всему чудесному, ко всему таинственному, этой болѣзни вѣка. Въ своей фурѣ везъ онъ чѣмъ на будущее время выкуп ь себя съ семействомъ отъ гоненій нѣмецкихъ гражд ь и князей.

Днемъ потѣшнымъ не замедлили. Мѣстомъ зрѣл а назначены Красная Площадь и прилегающія ул .

Нынче не гонятъ народъ, какъ на посольскій ходъ: самъ бѣжитъ къ мѣсту зрѣлища. Тамъ было для него дѣло стороннее, кромѣ ротозѣйнаго удовольствія: везли какого-то нѣмца къ господину ихъ, а зачѣмъ, про что, Владыка небесный вѣдаетъ! Сюда приходитъ онъ на свой праздникъ, на рѣшеніе своего дѣла, затѣяннаго по его тяжбѣ, за предметъ, близкій его сердцу, почти согласно съ его желаніемъ, по его приговору конченнаго; здѣсь онъ зритель казни и вмѣстѣ заплечный мастеръ. Ему даютъ вволю наругаться надъ высшими себя, и онъ спѣшитъ воспользоваться этой потѣхой, да и приготовить себѣ сладкія воспоминанія о ней въ будущіе горькіе часы.

Торжища опустѣли, лавки заперты, работы кончились. Жители Москвы и окрестностей, старъ и молодъ, съ ранняго утра сторожатъ свои мѣста на площади, на главныхъ улицахъ. Дальніе люди, пѣшіе и конные, прибывъ въ Москву за нуждами своими, лишь услыхали о потѣхѣ, забываютъ усталость, нужды, сворачиваютъ съ дороги своей и спѣшатъ причалить къ мѣсту общаго любопытства. Сюда прискакало и множество дворчанъ великокняжескихъ, въ томъ числѣ царевичъ Каракача и товарищъ его Андрей Аристотелевъ. Площадь ощетинилась зрителями. Не съ такою жадностью слетаются вороны на добычу, приготовленную чужимъ трупомъ, какъ стеклись сюда люди посмотрѣть на униженіе людей; не тѣсно колышатся ...ковицы на полосѣ, куда земледѣлецъ положилъ въ ...тъ обильныя сѣмена, какъ тѣснятся головы человѣческія на этой площади. Деревья въ садахъ государевыхъ, которыя не успѣли еще огородить, ломятся ... движенія тысячей, получившихъ первый толчокъ

отъ одного двигателя въ первыхъ рядахъ. Поденщики, обливающіе трудовымъ потомъ кусокъ хлѣба, забыли, что они въ одинъ мигъ уничтожаютъ годовые труды своихъ братій (чернь объ этомъ никогда и не думаетъ); государевы слуги забыли, что они губятъ утѣшеніе своего князя и пуще грознаго властителя; христіане,— что они попираютъ святыню: землю церковную и прахъ своихъ предковъ, за которые такъ жарко вступались. Палки недѣльщиковъ суетятся о порядкѣ; но и палица тутъ не могла бы ничего сдѣлать.

Ѣдетъ наконецъ бирючъ; въ обнаженной по локоть рукѣ его сѣкира. Передъ этимъ знакомъ разступается народъ на широкую улицу. — «Вотъ, православные, идетъ воинство сатаны!» — закричалъ бирючъ громогласно: — «такъ государь нашъ, великій князь всея Руси, наказываетъ еретиковъ, отступниковъ отъ имени Христова».

И вслѣдъ за нимъ, какъ будто сдѣлался взрывъ ракетнаго снопа, отъ одного конца площади поднялся смѣхъ, гамъ, крики восторга, ругательства; шумъ этотъ постепенно разливается по массѣ народа и наконецъ затопляетъ всю площадь.

Странный, чудный поѣздъ! Стоитъ посольскаго! Издали не поймешь, что такое ѣдетъ. Видишь лошадей, вожаковъ, всадниковъ, но все это такъ уродливо, такъ сликовано, такъ окутано шерстью и убрано соломой, что вдругъ не объяснишь себѣ предметовъ. Ближе, ближе... А, вотъ что! Ѣдутъ всадники попарно чинно, стройно. Клячи въ первыхъ рядахъ, на подборъ взятыя съ той конной, гдѣ цѣнятъ ихъ толы по кожѣ, очень годныя для анатомическаго театр едва передвигаютъ ноги. Это машина, которой движ

ніе дала сила вожаковъ и старается поддержать: остановите ее, не легко опять заставить двинуться. Въ середнихъ и заднихъ рядахъ лошади побойчѣй и красивѣй — вѣроятно, съ цѣлью. Всѣ онѣ наряжены въ соломенную, золотистую сбрую. Вожаки оборваны, запачканы, но могучи, ведутъ коней съ важностью и ловкостью искуснѣйшаго конюшаго или медвѣжьихъ учителей изъ Сморгони. Смотря на ихъ усилія, такъ и думаешь, что кони готовы у нихъ вырваться. Всадники сидятъ лицомъ къ хвосту, въ вывороченныхъ шубахъ. На головахъ шлемы берестовые, остроконечные, съ мочальными кистями, въ какіе наряжаетъ бѣсовъ творчество нашихъ суздальскихъ художниковъ. Чело тріумфаторовъ украшено пышнымъ вѣнцомъ изъ соломы съ надписью: «Сатанино воинство». Лица выписаны изъ страшнаго пришествія, такъ они блѣдны, смущены, скомканы. Мудрено ль? осужденные не знаютъ еще, какой конецъ будетъ имѣть ихъ торжественное шествіе посреди народа, который обнялъ ихъ своими воплями и, можетъ статься, готовъ закидать каменьями. Они съ трудомъ держатся на лошадяхъ. Кто старается удержать равновѣсіе какъ искусный балансеръ, и сидитъ на своей клячѣ, будто на протянутой веревкѣ; кто киваетъ головой, какъ маятникъ, или безпрестанно ныряетъ. Вотъ оступился конь, и сѣдокъ съ нимъ погружается: только сила вожака поднимаетъ ихъ. Одинъ, оборотивъ руки назадъ, держится искусно за холку; другой ухватился превѣжливо двумя, тремя пальцами за верхушку хвоста, какъ искусный парикмахеръ за тупей своего паціента. Сыскался однакожъ и баянный, который, согнувъ ногу на крестецъ лошади, сидитъ, какъ на подушкѣ, раскланивается на-

роду своимъ шлемомъ и уморительно кривляется. Это удальство награждено смѣхомъ и пощадой зрителей.

Зато другимъ достается порядкомъ. Сначала встрѣчаютъ ихъ насмѣшками, ругательствами. Кричатъ: «собаки!.. Христа распяли! жидовины! бѣсы! Куда собрались въ походъ?.. Къ своему князю—сатанѣ!» Проѣздъ все-таки трогается порядкомъ. Скоро не довольствуются бранью, начинаютъ плевать осужденнымъ въ глаза. Потомъ и этого мало. Ребятишки хватаются за хвосты лошадей, надувшись, удерживаютъ ихъ, стегаютъ кнутиками, украшаютъ пучками и вѣнками репейника, которыми успѣли запастись. Иные кричатъ: «чтожъ мы бояръ и князей его милости—сатаны встрѣчаемъ безъ хлѣба и соли?.. развѣ у насъ не достало его?.. И вслѣдъ затѣмъ сыплется на несчастнаго каменный градъ. Тутъ и скоты, хотя долго терпѣли, однакожъ вышли изъ себя. Одинъ четвероногій Боливаръ отчаянно лягнулъ, вырвался, выскакалъ изъ рядовъ и тѣмъ разстроилъ все чиноуложеніе шествія. Сигналъ къ возмущенію поданъ: оно сообщается какъ огонь соломѣ. Самыя тѣ животныя, которыя всю жизнь свою безпорочно ходили тихимъ, ровнымъ шагомъ, заржали невѣсть что и потеряли всякое уваженіе къ своимъ вожакамъ. Кто прядаетъ, кто лягаетъ, кто кусается, кто ложится; избранныя, въ крови которыхъ кипитъ жаръ привольныхъ степей, понесли. Тогда суматоха дѣлается общею. Нѣкоторые вожаки бросаютъ поводья. Всадники повѣряютъ душу Богу. У котораго шлемъ сползъ на глаза, и онъ, справляясь съ нимъ, то съ лошадью, дѣлаетъ эквилибристическія штуки, которыхъ не сдѣлалъ бы въ другое время закакія деньги. У другого шлемъ летитъ въ сто-

и онъ наклоняется, словно падающая въ Пизѣ башня. Иной схватилъ хвостъ лошади, и преуморительно держитъ этотъ букетъ передъ своимъ носомъ; другой обнялъ страстно станъ своей четвероногой подруги. Многіе упали. На лежачихъ, вопреки пословицѣ, сыплются удары: плохой изъ плохихъ развѣ не кладетъ на нихъ печать своего минутнаго самовластія.

Это что́ мчится навстрѣчу возмутившейся ордѣ быстрѣе птицы, быстрѣе вѣтра?.. Кровный аргамакъ безъ сѣдока! Онъ будто несется по воздуху, и только клубы пыли, катящіеся подъ нимъ, означаютъ его путь по землѣ. Ноздри его горятъ, какъ раскаленный уголь; и богатая узда, и черкасское сѣдло, изукрашенныя золотой чеканью, и черный атласъ его шерсти, все пылаетъ огнемъ отъ лучей солнца, и весь онъ огонь. Нѣтъ ему препятствій, — валитъ, топчетъ, перелетаетъ, что ему на пути ни попадется. Народъ забылъ свою потѣху; всѣхъ глаза несутся за конемъ; кто ближе къ нему, суетится только о своей безопасности. Кричатъ: «лови! лови!.. конь царевича!.. конь Аристотелевъ!..» Но никто не думаетъ ловить: поймайте птицу на лету!.. Въ бѣшенствѣ аргамакъ несется прямо на рогатки, что стоятъ у Пушечнаго двора, и—грудью о высокія иглы ихъ. Лишь разъ вздохнуло благородное животное и пало.

Чей же это конь?.. Какого сѣдока сбилъ онъ съ себя?.. Господи! ужъ не Андрюшу ли, сына Аристотелева?..

Нѣтъ, это конь царевича Каракачи, сына государева любимца. Рьяный и пылкій, онъ однакожъ слушался до сихъ поръ своего ловкаго и могучаго господина. Царевичъ, едва не родившійся въ сѣдлѣ, умѣлъ

всегда управлять имъ, по своей волѣ. Оба азіатцы, они хорошо понимали другъ друга. Чтожъ сдѣлалось нынѣ съ несчастнымъ животнымъ? Отъ криковъ ли народа, отъ суматохи ли поѣзда, онъ вдругъ взбѣсился, сбросилъ своего всадника и помчался, какъ будто овладѣлъ имъ ужасный духъ. Разсказываютъ, что какой-то человѣкъ, вытѣснясь изъ первыхъ рядовъ народа, только погладилъ его сзади... Кто былъ такой, каковъ собою, никто не можетъ порядочно разсказать. Вѣрно колдунъ, чародѣй!..

Царевичъ лежалъ безъ движенія на площади,—настоящее бронзовое изваяніе, сброшенное съ своего подножья! Блѣдность мертвизны выступаетъ даже изъ смуглаго лица его, губы побѣлѣли, голова разбита; что онъ живъ, видно только по струямъ крови, которая окрашиваетъ пурпуромъ своимъ его земное изголовье.

Народъ сдѣлалъ около него кружокъ, охаетъ, разсуждаетъ; никто не думаетъ о помощи. Набѣгаютъ татары, продираются къ умирающему, вопятъ, рыдаютъ надъ нимъ. Вслѣдъ за ними прискакиваетъ самъ царевичъ Даньяръ. Онъ слѣзаетъ съ коня, бросается на тѣло своего сына, бьетъ себя въ грудь, рветъ на себѣ волосы и, наконецъ, почуявъ жизнь въ сердцѣ своего сына, приказываетъ своимъ слугамъ нести его домой. Прибѣгаетъ и Антонъ, хочетъ осмотрѣть разбитаго,—его не допускаютъ.

Въ нѣсколько мгновеній долетаютъ вѣсти объ этомъ происшествіи до самаго великаго князя. Онъ люби Даньяра, и Богъ знаетъ чѣмъ бы пожертвовалъ, чтоб возвратить ему сына, единственнаго, страстно люб маго сына, послѣднюю вѣтвь его рода. Призванъ А

тонъ. Велѣно ему тотчасъ ѣхать во дворъ татарскаго царевича, осмотрѣть больного и возвратиться къ великому князю съ донесеніемъ, будетъ ли онъ живъ и можно ли ему помочь. Съ нимъ вмѣстѣ отправлены дворецкій и другой бояринъ: они везутъ слово Ивана Васильевича къ Даньяру, чтобы онъ допустилъ лекаря до осмотра сына.

Грозной волѣ великаго князя не смѣетъ противиться татаринъ; Антонъ допущенъ къ одру молодого царевича. Кровь унялась, но обнаружился жаръ, хотя и не въ сильной степени. Лекарь не ограничился свидѣтельствомъ; онъ переступилъ даже приказъ великаго князя. Сдѣланы необходимыя перевязки, а потомъ ужъ изслѣдованъ приступъ болѣзни.

Иванъ Васильевичъ ожидалъ лекаря съ такимъ нетерпѣніемъ, что вышелъ къ нему на переходы.

— Каковъ?—спросилъ онъ тревожнымъ голосомъ.

— Богъ милостивъ, — отвѣчалъ лекарь. — Силенъ ушибъ, оказалась горячка, но раны и болѣзнь не смертельны. Если позволишь мнѣ лечить царевича, онъ будетъ здоровъ.

— Спаси его, ничего не пожалѣю для тебя; будешь всегда ходить у меня въ милости и въ чести. Только смотри... поднимешь ли его?

— Ручаюсь, государь.

— Проси тогда отъ меня чего хочешь.

Не успѣлъ еще Иванъ Васильевичъ это выговорить, какъ прискакалъ ко двору великокняжескому самъ царевичъ Даньяръ.

— Недаромъ,—воскликнулъ великій князь, поблѣднѣвъ и смотря съ подозрѣніемъ на своего лекаря, — царевичъ не умираетъ ли?

— Не можетъ быть... я тебѣ не солгалъ, государь,—отвѣчалъ Антонъ съ твердостью.

Даньяръ вошелъ къ великому князю, упалъ ему въ ноги и завопилъ:

— Батька Иванъ, не вели ходить лекарю къ моему дѣткѣ. Помочилъ ему голову зельемъ, сталъ Каракаченька благимъ матомъ кричать, словно бѣлены покушалъ. Татары, русскіе, всѣ говорятъ: уморитъ лекарь. Уморитъ,—и я за дѣткой. Посолъ цесарскій сказалъ, онъ много народу...

— Антонъ?—перебилъ великій князь, грозно посмотрѣвъ на него.

— Глупцы, злые люди, тутъ же и посолъ, не знаютъ, что говорятъ, или говорятъ по ненависти!—отвѣчалъ Антонъ.—Когда я пришелъ къ больному, онъ лежалъ въ безпамятствѣ. Отъ моей перевязки и лекарства очнулся: слава Богу, въ немъ пробудилась жизнь! Покричитъ и перестанетъ. Если же не станутъ его лечить, или отдадутъ на руки знахарямъ татарскимъ или русскимъ, такъ не ручаюсь, чтобъ онъ завтра или послѣ-завтра не умеръ.

— Мой татаринъ хочетъ его вылечить, — сказалъ Даньяръ.

— Врутъ твои татары!.. Полно валяться, какъ баба!—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, давая знать царевичу, чтобы онъ всталъ; потомъ, обратясь къ лекарю, примолвилъ,—опять спрашиваю, ручаешься ль, коли ты станешь лечить, что царевичъ будетъ здоровъ?

— Я сказалъ тебѣ уже разъ, государь; никогда не лгу и никогда отъ своего слова не отступаюсь.

—Отдашь ли голову свою въ залогъ? — спрос

великій князь, вскинувъ на него свои огненные взоры.

Ужасныя, роковыя минуты для Антона!.. Слова Ивана Васильевича были какъ сѣкира, поднятая надъ головой. Великое «быть или не быть» Гамлета!.. Съ одной стороны не опасность болѣзни, въ которой не обнаруживалось никакихъ отчаянныхъ признаковъ, честь, оскорбленная посломъ императорскимъ въ глазахъ великаго князя и всей Москвы... Надо было оставаться съ именами неуча, невѣжи, коновала, или побѣдить противника своимъ искусствомъ, своимъ знаніемъ, выиграть навсегда довѣріе русскаго властителя и народа его, вырвать изъ рукъ невѣжества и зависти вѣнокъ и для науки, для пользы человѣчества... Не за тѣмъ ли и пріѣзжалъ Антонъ въ страну необразованную? Вотъ прекрасный случай для цѣли его!.. Съ другой стороны, бездѣлица, противная ходу болѣзни, одна неблагопріятная минута, посланная свыше и... прощай, Анастасія, прощай, мать,—прощай, все, что еще такъ сильно привязывало къ жизни, что жизнь эту дѣлало такою прекрасной!

Но... честь и опять честь взяла верхъ. Антонъ посмотрѣлъ на небо, какъ бы говоря: «неужели Ты отступишься отъ меня?» и потомъ сказалъ вслухъ голосомъ, въ которомъ отзывалось сердечное содроганіе:

— Отдаю свою голову въ залогъ. Только условіе...

— Вотъ видишь образъ Спаса нашего, — перебилъ Иванъ Васильевичъ своимъ владычно-роковымъ голосомъ:—беру Господа во свидѣтели, коли ты уморишь евича, голова твоя слетитъ долой. Слышь? Слово е не мимо идетъ. Вылечишь,—любая дочь боярская ія, съ нею любое помѣстье на всей Руси.

— О наградѣ не думаю, — сказалъ Антонъ, — думаю о словѣ своемъ. Только требую, чтобы всѣ мои приказанія насчетъ больного были исполняемы въ точности, слово въ слово, не отступая ни на волосъ, чтобы мои лекарства давали разъ въ разъ, какъ я прикажу, чтобы меня впускали къ больному царевичу во всякіе часы дня и ночи. Еще требую, чтобы одинъ изъ твоихъ довѣренныхъ кого самъ укажешь,—кромѣ Мамона,—наблюдалъ за этимъ строго, когда меня не будетъ при больномъ. Вотъ мои условія, государь; безъ нихъ и моя наука, и мое усердіе ничто, безъ нихъ не берусь лечить.

— Буди по твоему. Слышишь, друже мой? — сказалъ радостно Іоаннъ.—Мое слово заложено за твоего сына; я за него отвѣчаю. Ступай къ себѣ домой, не слушай пустыхъ рѣчей и не кручинься попусту. Но коли послѣ того не сдѣлаешь по моему слову, не дашь лекарю дѣлать съ сыномъ, что онъ знаетъ, такъ я тебѣ не другъ.

— Когда такъ, батька Иванъ, послушаю тебя, — сказалъ Даньяръ.

И всѣ, болѣе или менѣе утѣшенные, разошлись къ своимъ обязанностямъ.

Скоро узналъ и Мамонъ объ ушибѣ царевича, будто бы смертельномъ. Одинъ изъ слугъ донесъ ему, что царевичъ ужъ и умеръ.

— Ай да пріятель! услужилъ!.. заплатилъ за серебряную суду!..—говорилъ Мамонъ сыну съ восторгомъ, котораго скрыть не могъ,—слышалъ?..

— Слышалъ, — отвѣчалъ равнодушно сынъ.

— А!.. не бывать ей за царевичемъ татарски. не бывать ей замужемъ!.. Я сказалъ... Радуйся, сы

Сынъ отвѣчалъ ему глухимъ, предсмертнымъ кашлемъ.

Еще не дошла до нихъ тайна, что Образецъ отдаетъ дочь свою за Антона-лекаря. Хотя и потревожило Мамона извѣстіе, что басурмана выжилъ старый воевода изъ своего двора, но вѣсть о смерти царевича покуда вознаградила его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЛЕ

Не бойтесь ничего, есть средство пособить,
Я, право, отъ души готовъ вамъ услужить
Хмельницкій.

Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ, но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила...
Пушкинъ.

Съ первою вѣстью, что его зовутъ на судъ Божій, Хабаръ прискакалъ изъ Твери, загнавъ подъ собою нѣсколько лошадей. Что встрѣтило его въ дому родительскомъ? Умирающій отецъ, сестра, сосватанная за басурмана... Едва вѣритъ послѣдней вѣсти: не повѣрилъ бы, если бъ не слышалъ отъ самого отца, Онъ любилъ искренно Антона, и порадовался, что такому молодцу, съ которымъ всегда готовъ былъ породниться крестовымъ братствомъ, достанется его сестра. Одобряя согласіе отца, разсказываетъ ему о прекрасныхъ качествахъ Антона-лекаря, о его отвагѣ, привязанности къ русскимъ и желаніи, вѣроятно давнишнемъ, обрусѣть *закономъ* и обычаями. Во время похода не разъ застаивалъ онъ его въ молитвахъ; онъ далъ ему, по усильной просьбѣ его, вмѣстѣ съ одеждою и тѣльникъ: всѣмъ этимъ побѣждено басурманство Антона; русскій *законъ*

очиститъ его отъ всякой нечистоты, которая могла бы оставаться на душѣ отъ латинства. Тутъ же къ одру умирающаго отца Хабаръ-Симской возвратилъ обѣтъ свой исправиться, безъ пятна, безъ укоризны. Пламенной, но твердой душѣ его стало силъ совершить этотъ обѣтъ. Чистъ отъ всякаго упрека въ разгулѣ и буйствѣ, единственныхъ порокахъ его, вступилъ онъ въ ту божницу, гдѣ сердцу его такъ убѣдительно сказался голосъ природы и религіи, гдѣ совершилось его обращеніе. Какъ это исправленіе и вѣсти объ Антонѣ утѣшили больного старца! какъ радовался Хабаръ, что доставилъ ему такое утѣшеніе, можетъ быть въ послѣдніе часы его жизни.

Готовясь на *поле*, Хабаръ желалъ примириться со всѣми, кого обидѣлъ, разумѣется, кромѣ Мамона, съ которымъ споръ долженъ былъ рѣшить судъ Божій. Однакожъ у сына его просилъ онъ таки прощенія, черезъ своего стряпчаго, въ томъ, что въ игрѣ кулачной изувѣчилъ его. И къ Селиновой явился, принесъ ей повинную голову и умолялъ развязать душу отъ всѣхъ оскорбленій, которыя волею и неволею сдѣлалъ ей. Молодая вдова могла ль не простить того, для кого губила свою душу? Одно слово, одинъ взглядъ, и она попрежнему его рабыня. Не думая завязывать вновь былыхъ связей, Хабаръ говорилъ ей о святости своихъ обязанностей передъ отцомъ земнымъ и Отцомъ не беснымъ, передъ сестрою, увѣрялъ ее клятвенно (безъ ---вы не повѣрила бъ), что навсегда оставилъ Гаиду олюбитъ только ту суженую, безпорочную дѣвицу, орая можетъ быть его женою по выбору родителя агословенію Божью. Онъ и Селиновой совѣтовалъ мать объ отношеніяхъ ея къ добрымъ людямъ, по-

думать о стыдѣ, о Богѣ, о будущей жизни. Такими увѣщаніями поставилъ между собой и ею святую ограду, за которую желанія ея не смѣли ужъ переступить. Болѣе всѣхъ краснорѣчивыхъ доводовъ этого молодого черноброваго проповѣдника съ огненными очами подѣйствовало на нее обѣщаніе Хабара не видать болѣе опаснѣйшей изъ ея соперницъ. Они разстались, довольные другъ другомъ, помирившись, какъ братъ и сестра, бывшіе въ ссорѣ. Чувства брата и сестры сохранили они одинъ къ другому до самой смерти.

Что молодая вдова не поминала его болѣе «*лихомъ*», доказала она вскорѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла за молодого, красиваго монаха, августинова ордена, Ивана (прозваннаго у насъ, неизвѣстно почему, *спасителемъ*), котораго умѣла своими зажигательными глазками свести съ ума, заставить скинуть бѣлую рясу и окреститься въ русскую вѣру. Съ рукой ея новокрещенецъ получилъ отъ великаго князя помѣстье, и оба взысканы были отъ русской Кліо слѣдующими строками [1]): «Мая въ 17, Иванъ спаситель Фрязинъ, капланъ постриженный августинова закона бѣлыхъ чернцовъ, закона своего отрекся и чернечество оставилъ, женился и понялъ за себя..... Селинову, князь великій его пожаловалъ селомъ».

Вы помните, что Мамонъ бралъ у дворянина изъ нѣмецкаго посольства уроки, какъ биться на мечахъ. Выздоровѣвъ отъ своего похожденія за разрывомъ-травой, онъ съ особеннымъ усердіемъ принялся за обученіе, отъ котораго ожидалъ торжества болѣе вѣр

---

[1]) И. Г. Р., т. VI, примѣч. 629, годъ 1492.

Успѣхи его были надежны: глазъ, рука, сердце — наводили удары мѣткіе. Объ этомъ зналъ Бартоломей. Къ Бартоломею благоволилъ, и словомъ и дѣломъ, старый воевода, отецъ его крестный. Посудите сами, какъ же хоть изъ благодарности не угодить новою, важною вѣстью покровителю своему! Ни за какія деньги не измѣнилъ бы онъ тайнѣ Мамона и цесарскаго посла, но долгъ, великій, священный долгъ повелѣвалъ сорвать съ нея печать, и онъ, съ сокрушеніемъ сердца, отрывая часть своего тѣла, принесъ дань свою къ одру Образца. При этомъ случаѣ былъ и Хабаръ.

— Видитъ Господь,—говорилъ всесвѣтный переводчикъ или переводитель вѣстей, — только изъ горячей любви, изъ глубоковысочайшей преданности, передаю вамъ великую тайну. Умоляю о скрытности. Если узнаютъ посолъ цесарскій и Мамонъ, ходя ощупывай то и дѣло голову.

Онъ пародировалъ рѣчь императорскаго посла великому князю.

— Не бойся, не выдадимъ,—отвѣчалъ бояринъ. — Да не взыщи, крестный сынокъ, хоть и помолчишь, такъ не потеря.

— Изъ твоихъ вѣстей, Варѳоломей Васильевичъ,— примолвилъ Хабаръ,—немного добра выжнешь, словно на полѣ, гдѣ колосъ отъ колоса — не услышишь и голоса. Не взыщи.

— Пожалуй, коли такъ... бывшій великій вождь и , настоящій вождь грозныхъ силъ вашего свѣтлѣйго господина, пеняйте на себя, если побѣда на ѣ останется за вашимъ непріятелемъ... Чтожъ дѣ-ъ? моя жертва не въ угоду... Коли такъ, я за...

Онъ хотѣлъ сказать: «я замолчу», но не договорилъ. Силъ не стало совершить ужасный подвигъ скромности. Онъ поворочалъ на груди Сизифовъ камень, и разомъ свалилъ его. Все было передано, что хотѣлъ онъ передать.

— Чтожъ изъ этого?—спросилъ отецъ, глядя зоркими очами на сына, по лицу котораго пробѣжала легкая тѣнь задумчивости.

— Какъ что? Развѣ забыли вы, какого молодца побѣдилъ литвинъ мастерствомъ? Да, вы забыли, по чему съ того времени запрещено биться съ чужеземцами!.. Но время еще не ушло и для вашего сына. Въ два-три дня даровитый воинъ, какъ онъ, можетъ выучиться нѣмецкой наукѣ биться на мечахъ. Фить, фить, фить! (тутъ переводчикъ, пріосанясь, началъ показывать руками, какъ будто выступалъ на противника) и пуфъ! прямо въ сердце; не жалѣйте, бейте, колите, вонзайте безъ пощады, по локоть руки вашей, прямо въ это кровожадное сердце, откуда истекло такъ много горечи на домъ, почивавшій подъ благословеніемъ Божіимъ.

Отецъ и сынъ невольно улыбались.

— Поучите, поучите, господинъ переводчикъ, — сказалъ Хабаръ,—можетъ статься, случай будетъ подраться съ сосѣднимъ пѣтухомъ.

— Смѣйтесь! Можно смѣяться; теперь я устарѣлъ,—возразилъ Бартоломей, тяжело вздохнувъ, будто старый левъ, который не въ силахъ болѣе обороняться.—Посмотрѣли бъ на меня въ былые годы! вѣрите ли?.. конечно, теперь, глядя на меня, хро ногого, трудно повѣрить.. я бился разомъ съ тр такими молодцами, какъ вы. Одинъ цѣлилъ мнѣ

глазъ, другой въ сердце, третій въ мѣсто болѣе чувствительное, положимъ... въ колѣно. Но я былъ не промахъ, тотчасъ замѣтилъ ихъ уловки, и пифъ, пафъ!.. кто мѣтилъ мнѣ въ глазъ, тому я вырѣзалъ глазъ, воткнулъ его на конецъ меча и прямо съ нимъ другому въ сердце такъ, что послѣ смерти этого нашли ужъ у него глазъ, оправленный въ сердце. Вотъ каково, господине!

— Чтожъ третій, ускользнулъ?—спросилъ Хабаръ.

— Третьему... ха, ха, ха!.. этотъ ударъ долго ходилъ по нѣмецкимъ землямъ, какъ чудо искусства. Но теперь я мирный гражданинъ; мой мечъ — языкъ.

— Часто на твою жъ голову, Варѳоломеюшка, — сказалъ бояринъ.

— Часто и на благо моего ближняго. Вотъ, хоть бы и теперь, веду рѣчь къ спасенію вашего сына. Нѣмцы сказывали мнѣ, Мамонъ бьется на вѣрную смерть. Почему бъ не поучиться и вашему сынку у ловкаго бойца, хоть бы, недалеко ходить, у господина Антона-лекаря.

— Не ты ль говаривалъ, что онъ боится и тѣни своей? — возразилъ Хабаръ.

— Тогда языкъ мой прильнулъ бы къ моей гортани! Развѣ я потерялъ разумъ! Вѣрно, говорилъ я о какомъ-нибудь другомъ Антонѣ-нѣмцѣ, только не о вашемъ будущемъ родственникѣ. О, глазъ мой далеко видитъ!.. Дѣло въ томъ, что господинъ Антонъ бьется на славу.

— Слыхалъ и я, да дѣло въ томъ, что я въ эту колу не гожусь, — сказалъ Хабаръ. — Надѣюсь на й глазъ и руку, а болѣе всего на правый судъ пода. Въ своей же чести и безчестьѣ дольщиковъ

не прошу и не принимаю, за свою голову никому не кланяюсь.

Глаза Образца, доселѣ мутные, необыкновенно заблистали. Онъ приподнялся съ своего ложа и произнесъ тронутымъ голосомъ:

— Такъ было всегда въ роду нашемъ. Сынъ мой не измѣнитъ завѣту прародителей; Хабаръ, да все-таки Симской. Что Господъ положитъ на судѣ Своемъ, тому и быть.

— О, коли такъ, коли мой совѣтъ не угоденъ вамъ, — перебилъ Бартоломей воспламеняясь, — такъ знайте: я имѣю еще одно средство вамъ услужить... Но этого не скажу, воля ваша, не скажу, хоть бы самъ великій князь приказывалъ... Голову свою положу на плаху, не скажу... Можетъ статься, Всевышній, любя васъ, выбралъ меня орудіемъ... Шелъ мнѣ навстрѣчу юродивый, видно святой человѣкъ, и молвилъ мнѣ такія слова... Нѣтъ, воля ваша, не скажу... скрѣплю сердце, замкну уста... Прощайте, прощайте.

И Бартоломей, боясь самого себя, боясь проговориться, выбѣжалъ безъ оглядки изъ палатъ боярскихъ.

Разумѣется, и этой тайнѣ, конечно, изобрѣтенной усердіемъ всеобщаго угодника, посмѣялись отецъ и сынъ.

Окольничимъ назначенъ день, часъ суда Божьяго. Объ этомъ объявлено *поручникамъ* той и другой стороны. Между тѣмъ спрошены они, будутъ ли польщики сами биться или наемными бойцами. Поручники обязались самихъ тяжущихся представить на поле назначенному дню. Потомъ спрошены они, на каки оружіяхъ будутъ биться польщики, верхами или ı шіе. Объявлено, что на мечахъ и пѣшіе.

День великій наступилъ. И Мамонъ и Хабаръ исполнили свои христіанскія обязанности, какъ передъ смертнымъ часомъ, разумѣется, каждый съ разными чувствами. Образецъ велѣлъ перенести себя въ божницу и тамъ, усердно, со слезами молясь, ожидалъ рѣшенія Божьяго суда.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь Троицы-въ-Поляхъ, на Никольской, низенькая, въ полчеловѣка, каменная ограда, пустившая изъ себя новую, живую ограду изъ деревъ, захватывала тогда между своими стѣнами четвероугольный лоскутъ земли. На немъ стояла деревянная церковь во имя Георгія-Побѣдоносца, такая ветхая, что переходы ея опускали по сторонамъ свои крылья, а кровли источены были ржавчиною времени. Между храмомъ и стѣнами оставалась площадка, можетъ быть саженъ въ десятокъ, на которой мурава изорвана была лошадиными копытами. Иногда зелень, окропленная слѣдами крови, въ полночь вздохи и стенанія, прогулка мертвецовъ, свѣчи, горящія въ церкви кровавымъ свѣтомъ,—всѣ эти явленія не могли бы дать повода къ удивленію, когда бы прибавить, что мѣсто, гдѣ они происходили, называлось *полемъ*, то есть мѣстомъ судебныхъ поединковъ.

Рано поутру, едва свѣтло установилось, толпа всадниковъ прискакала къ оградѣ съ разныхъ сторонъ. Одни предупредили другихъ двумя-тремя мгновеніями. Это были окольничій, дьякъ Курицынъ, подъячій, Мамонъ-отецъ, Хабаръ-Симской, двое поручниковъ, двое стряпчихъ и нѣсколько недѣльщиковъ. Провожавшіе ихъ дворчане, отобравъ коней у своихъ господъ и вручивъ польщикамъ оружія, удалились на нѣкоторое разстояніе отъ ограды. Поручниковъ и стряпчихъ осви-

дѣтельствовали, нѣтъ ли при нихъ доспѣховъ, дубинъ и ослоповъ, что строжайше было запрещено законами. Всѣ черезъ калитку вошли въ ограду, кромѣ недѣльщиковъ, которые остались за ней для наблюденія, чтобы никто изъ постороннихъ не смѣлъ къ ней подходить. Въ случаѣ же ослушанія, недѣльщики обязаны были, забравъ виновныхъ, отсылать въ тюрьму. Правда, за однимъ угломъ ограды, въ кустахъ крапивы, послышался шелестъ; но онъ или не возбудилъ подозрѣнія тогдашнихъ полицейскихъ чиновъ, или оставленъ ими умышленно безъ слѣдствія. Можетъ статься, вѣсы правосудія были покривлены на этотъ разъ серебромъ, дружбою, покровительствомъ, кто знаетъ чѣмъ!

Калитку заперли на твердый желѣзный крюкъ, оставшіеся подъ этимъ замкомъ вышли на паперть церкви. Здѣсь окольничій спросилъ польщиковъ, кто «за ними поручники и стряпчіе». Когда они указаны были, Мамону и Хабару, а за ними поручникамъ и стряпчимъ велѣно приложиться ко кресту, вдѣланному въ церковную дверь. Отъ всѣхъ нихъ потребована клятва, что они съ оружіями, «къ чародѣямъ и звѣздочетцамъ волховать не ходили, къ полю чародѣевъ не приводили и у поля ихъ не будетъ, при чемъ подтверждено цѣловавшимъ крестъ, что если они «накривѣ» это дѣлали и достовѣрные свидѣтели обличатъ ихъ, то имъ быть по градскимъ законамъ отъ господина всея Руси въ великой опалѣ, а отъ святителей, по священнымъ правиламъ, въ духовномъ запрещеніи».

Съ паперти всѣ сошли на *поле*. Отмѣрили рокоі кругъ, можетъ быть смертный для одного изъ пр тивниковъ. Польщики стали на немъ. Поручникамъ стряпчимъ указано, гдѣ имъ стоять за бойцами. Т

стряпчій Хабара доложилъ окольничему и дьяку, что бой, вопреки закону, *неравенъ*, и потому не можетъ начаться. Потребовали объясненія. Оказалось, что у Мамона колонтари были длиннѣе Хабаровыхъ и слѣдственно защищали его болѣе отъ ударовъ.

— Оставь! — вскричалъ Хабаръ. — Чѣмъ тяжеле доспѣхи, тѣмъ дороже добыча.

— Торгашу думать о корысти! — возразилъ Мамонъ, — я и безъ мѣры и вѣсу приму тѣло вражье.

— Пожалуй, я торгашъ! Мечомъ своимъ смѣрю твои доспѣхи, кровью твоей же куплю ихъ.

Мамонъ поклонился.

— Коли пришло по обычаю, и безъ покупки кланяемся ими на упокой души твоей, хоть нынче поставимъ на твою могилку.

— Трудъ лишній вашей милости!.. Возьму лучше живой на память друга. Зачѣмъ мѣшкать! Теперь же надѣну дорогой боярскій подарокъ. Стало, мои доспѣхи лишніе.

Сказавъ это, Хабаръ скинулъ шлемъ и колонтари и перебросилъ ихъ за ограду, будто камешекъ.

— Не уступлю, — вскричалъ Мамонъ, и сбросилъ свои доспѣхи. — Тратимъ слова, а не кровь. Тянешь, голубчикъ, время: видно, жаль разстаться съ бѣлымъ свѣтомъ.

— За мое добро съ меня же пеня!.. Скажи лучше спасибо. Даю тебѣ лишній часъ Божьимъ міромъ по[illegible]расоваться. Но мѣра есть и добру. Пора Мамону
а, гдѣ живутъ мамоны. Выступай!

И выступили они: Хабаръ — пригожъ, свѣтелъ, ь Божій красный день, Мамонъ — угрюмъ, съ ли-ъ, исписаннымъ кровавыми швами, съ лѣсомъ во-

лось, вставшихъ на дыбы, какъ будто адскій гнѣвъ и ихъ вооружилъ на бой, съ глазами, выбѣгающими изъ своихъ круговъ; Хабаръ, полонъ справедливости своего дѣла, природной отваги и надежды на Бога, Мамонъ, исполненъ мщенія и зла, не менѣе отваженъ, одушевленъ сверхъ того увѣренностью на свое искусство.— «Ты побѣдишь», сказали ему его учители, дворяне Поппеля и самъ Поппель. Эти слова окрыляютъ духъ его, придаютъ рукѣ необыкновенную твердость, глазу необыкновенную вѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, бой скоро становится неравенъ. Хабаръ все нападалъ, Мамонъ только и дѣлалъ, что защищался и отражалъ удары противника, но этимъ самымъ и утомилъ его. Сынъ Образца понимаетъ ужъ, хотя и смутно, превосходство своего противника; первый еще разъ въ жизни сердце знакомится съ тревогою. Мамонъ растетъ передъ нимъ и ширится. Пригнанный почти къ завѣтной чертѣ, гдѣ полшага назадъ ждетъ гибель его и позоръ всего рода Симскихъ, Хабаръ ищетъ средствъ выиграть хоть одинъ шагъ впередъ. Разъ его ранили въ плечо, разъ едва не обезоружили. Вотъ ужъ нанесенъ ударъ, который перегнулъ его назадъ, какъ сильная рука молодую березу.

Часъ твой наступилъ, молодецъ! Широко, раздольно, весело погулялъ ты по красной улицѣ жизни; красавицы расчесывали твои черныя кудри, горячо цѣловали тебя въ очи и въ уста, нѣжили на пуховыхъ персяхъ, товарищи низко кланялись тебѣ; отецъ, Русь тобою радовались. Пожилъ, потѣшилъ свою бѣлую грудь. Часъ твой приспѣлъ сложить молодецкую головушку на сыру землю. Зачѣмъ не положилъ ея въ чистомъ полѣ, въ честномъ бою съ татарами или русина

врагами матушки Москвы, золотой маковки Руси? Умеръ бы, оплаканный ратными товарищами, но живъ бы остался въ памяти народной. А теперь долженъ умереть съ позоромъ... И погребенія христіанскаго не дадутъ.

Стряпчій его поблѣднѣлъ; дьякъ, окольничій душою хотѣли бы отвесть ударъ... это видно по глазамъ ихъ, по наклоненію головы... тяжело имъ, какъ будто на нихъ нанесенъ мечъ.

Въ это самое время кто-то изъ-за угла ограды закричалъ: «Орлы летятъ! орлы!» Мамонъ затрясся, поблѣднѣлъ, взглянулъ на небо и невольно отступилъ. Не ожили ль его крылатые враги? Не летятъ ли принять участіе въ бою противъ него? Ударъ былъ потерянъ. Видно, самъ Господь сталъ на сторонѣ Хабара. Этотъ спѣшитъ воспользоваться нечаяннымъ страхомъ своего противника и занять выгодное положеніе. — «Оправься», — кричитъ онъ ему. — Но Мамонъ растерялся и дѣйствуетъ какъ ребенокъ. Скоро мечъ выбитъ изъ его рукъ, кисть и лицо порублены. Противникъ, чувствуя, что обязанъ своею побѣдой случаю, даритъ ему жизнь. Изуродованный, едва не ослѣпленный, Мамонъ клянетъ все и всѣхъ, себя, свидѣтелей, Провидѣніе, богохульствуетъ. — «Хочу ли я жить?» — кричитъ онъ Хабару: — «хочу, буду жить на пагубу твою, твоего рода. Ошибся, пріятель!.. Убилъ бы, концы въ воду».

Недѣльщики ищутъ, или притворяются, что ищутъ, кричалъ объ орлахъ, и не находятъ. (Въ этомъ овата была власть Курицына, можетъ быть, и ы). Судьи и свидѣтели побоища, самъ дьякъ въ асѣ смотрятъ другъ на друга, какъ бы спрашивая:

откуда жъ чудный голосъ, чудныя вѣсти объ орлахъ? почему орлы смутили польщика? Тутъ что-нибудь не спусту; чародѣйство, или насланье Божье!

А кричалъ кто бъ, думали вы? — Бартоломей. Переводчикъ исполнилъ свое слово, — услужилъ, и подъ щитомъ кустовъ, заглушавшихъ околицу, выбрался цѣлъ и здравъ изъ своей добровольной засады. Не то бъ, ему въ тюрьму. О, чтобы услужить, онъ готовъ и въ желѣза.

Судъ Божій рѣшенъ. Стряпчій побѣжденнаго призываетъ его дворчанъ; Мамона окровавленнаго уносятъ домой; поручникъ его выплачиваетъ окольничему и дьяку пошлины; подъячій составляетъ дѣло о побоищѣ, дьякъ подписываетъ его.

Между тѣмъ Хабаръ на паперти молился Георгію-Побѣдоносцу, поднявшему мечъ за него. Наконецъ въ оградѣ воцарилась пустота. Однѣ хищныя птицы налетѣли, поглядывая, нѣтъ ли для нихъ добычи.

Отца засталъ Хабаръ въ божницѣ. Тамъ Образецъ, стоя на колѣнахъ, молился и вдругъ впалъ въ предсмертное усыпленіе. Съ одной стороны поддерживала его Анастасія, обливая его слезами, съ другой — старая мамка. Вдругъ онъ встрепенулся... «Идетъ» — произнесъ онъ, обратя на икону Спасителя глаза, необыкновенно заблиставшіе.

Въ сосѣдней клѣти кто-то украдкою пробирался. Анастасія не слыхала, онъ слышалъ... Дверь отворилась.

— Вошелъ Хабаръ. — Было поле? — спросилъ у рающій.

— Было. Не я, а Господь побѣдилъ — отвѣ- сынъ, и разсказалъ, какъ бились польщики, не ут-

ни своей неудачи въ началѣ боя, ни случая, которому обязанъ былъ за побѣду.

— Много милостивъ Ты до меня, Господи... Ты спасъ родъ мой отъ позора... могу съ честью умереть... Иванъ... Анастасія... Ант... буди надъ вами благосло...

Онъ не договорилъ, далъ знакъ, чтобы его поднесли къ иконамъ и сталъ отходить на рукахъ дѣтей своихъ. Лицо мертвеца просіяло улыбкою праведника: знать, ангелы встрѣчали у себя гостью земную, возвратившуюся домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СПОРЪ ЗА НЕВѢСТУ

И мрачно вѣдьма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой
И чернымъ зміемъ улетѣла.
«Руслан и Людмила».

На кровати сидѣлъ царевичъ Каракача. Голова его была еще въ перевязкахъ; на лицѣ оставались еще слѣды болѣзни, но видно было, что явленія жизни мощной, огненной, изглаживали ихъ. Коварная усмѣшка подергивала губы его; по-временамъ онъ отъ души смѣялся.

Чтожъ было причиной его смѣха?—Шутки, которыми забавлялъ его Русалка. Дворецкій умѣлъ такъ угодить ему, что сдѣлался для него необходимымъ собесѣдникомъ. Если эта сидѣлка мужескаго рода сначала очень не нравился Антону, который хорошо зналъ его лукавую душу, зато впослѣдствіи онъ самъ сталь просить его чаще посѣщать больного, видя, старикъ своими шутками успѣшно помогалъ лече А леченіе было трудно по припадкамъ бѣснов которымъ избалованный татаринъ былъ подверж

Чего не дѣлалъ Русалка, чтобы доставить удовольствіе молодому царевичу! То потѣшалъ его музыкою котячьей, пуская ее по воздуху на концѣ змѣинаго хвоста, то услаждалъ его доброе сердце, принося ему въ жертву птицъ, которыхъ этотъ разрубалъ мечомъ или ослѣплялъ. И нѣмцевъ, съ ихъ посломъ, уморительно представлялъ, какъ они являлись ко двору великаго князя, и русскихъ, когда подносили басму татарскимъ ханамъ, и отца своего и себя въ видѣ козла. Со времени ушиба царевичъ не могъ безъ сильнаго содроганія слышать топотъ, даже ржаніе лошади. Татарину бояться коня—все равно, что мореходцу воды. Это убивало Даньяра. Какъ помочь горю, какъ излечить сына отъ конобоязни, взялся дворецкій. Успѣхи оправдали вскорѣ обѣщанія и труды Русалки. Онъ часто игралъ въ игру Генриха IV, то есть превращался въ лошадку, бѣгалъ на четверенькахъ, ржалъ, брыкалъ. Разница была только та, что добрый король дѣлался дитятею для своихъ маленькихъ дѣтей, а дворецкій становился четвероногимъ изъ угожденія восемнадцатилѣтнему татарскому царевичу. Игра кончилась однакожъ тѣмъ, что Каракаченька сталъ садиться на него верхомъ и погонять его добрымъ кнутикомъ. Зато нѣжный узкоглазый папа не зналъ, какъ отблагодарить умнаго, услужливаго дворчанина.

Всѣмъ ужъ извѣстно сдѣлалось, что Образецъ до своей смерти благословилъ дочь на бракъ съ Антономъ-лекаремъ. Это неожиданное обстоятельство повергло въ обыкновенное уныніе Мамона, и безъ того истерзаннаго тѣломъ и душой. Онъ искалъ вновь случая мстить Образцу и въ гробѣ, и на дѣтяхъ его. — «Ты не забылъ меня»,—говорилъ онъ своему другу-дво-

рецкому: — «гдѣ жъ твое слово? гдѣ твой крестъ? Такъ-то платишь мнѣ за услуги мои! Не я ли выручилъ твою голову въ дѣлѣ князя Лукомскаго?.. Сокруши мнѣ лекаря, какъ хочешь... Я обѣщалъ цесарскому послу... Я поклялся, что Обращихѣ не бывать замужемъ... Ужъ коли этого не сдѣлаешь для меня, такъ и я на томъ свѣтѣ не дамъ тебѣ отдыха».

Совѣстливость, если не совѣсть, дворецкаго пробудилась этимъ упрекомъ: она вспомнила и то, чего скромность друга не досказала — богатые дары, которые Мамонъ черпалъ для него щедрою рукою изъ своей сокровищницы. Были ль сдѣланы вновь подарки, или подѣйствовала одна благодарность, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что Русалка обѣщалъ своему больному другу стараться разстроить новый союзъ.

Для достиженія своей цѣли, вкравшись въ довѣріе Каракачи, началъ выхвалять ему красоту Анастасіи и успѣлъ возбудить въ молодомъ азіатцѣ, съ пылкими, необузданными чувствами, желаніе обладать ею во что бъ ни стало. Царевичу никогда ни въ чемъ не отказывали; потребовалъ бы птичьяго молока, и того послали бы отыскивать: такъ избаловалъ его отецъ. Но басурману безъ околичностей получить дѣвицу русскую, дочь боярскую, нельзя было и думать. Между ними на дорогѣ стояло важное условіе, передъ которымъ надо было подклонить голову—именно перемѣна вѣры; находились и препятствія — благословеніе Образца на бракъ дочери съ Антономъ-лекаремъ, согласіе самого великаго князя. Условіе можно бы скоро устранить, исполнивъ его; объ уничтоженіи т рыхъ хлопоталъ теперь Русалка.

— Она была сужена тебѣ самимъ великимъ княземъ,—говорилъ между прочимъ хитрый дворецкій: — на этомъ господинъ Иванъ Васильевичъ положилъ свое слово отцу твоему, какъ шли походомъ во Тверь. Жаль, коли достанется другому! Зазорно, коли невѣста царевича достанется нѣмчину-лекарю! Скажетъ народъ: «пилъ медъ царевичъ, по устамъ текло, да въ ротъ не попало; выхватилъ стопу дорогую изъ его рукъ иноземный дѣтина!»

— Не отдамъ никому,—воскликнулъ Каракача, ударивъ кулакомъ по кровати.—Посулилъ Иванъ Васильевичъ, такъ она моя. Не на смѣхъ же сулилъ! Отецъ мой далъ ему своихъ богатырей, не взялъ назадъ.

И Каракаченька началъ метаться, вопить, какъ избалованный ребенокъ, которому не даютъ любимой игрушки.

— Утѣшь сынка,—говорилъ дворецкій Даньяру наединѣ, — обѣщай ему дочь Образца, хоть и не въ правду! Бѣдному дитяткѣ она и во снѣ грезится. Выздоровѣетъ, такъ сладишь, какъ знаешь. А теперь хворому хоть себя отдашь.

Нѣжный родитель поспѣшилъ успокоить сынка, подтвердивъ слова дворецкаго, что Анастасія точно обѣщана ему великимъ княземъ и что нѣтъ силъ на свѣтѣ, которыя бы ее отбили. «Лекаря же можно — прибавлялъ онъ — откинуть отъ нея угрозами и дарами. Не велика птица! За счастье почтетъ уступить царевичу».

Въ такомъ разгарѣ засталъ Антонъ своего паціента его попечителей. Осмотрѣвъ его, онъ, по всѣмъ знакамъ, могъ поздравить себя съ скорымъ его доровленіемъ, только находилъ въ немъ легкій жаръ,

и потому просилъ, чтобы дали съ нимъ вѣрнаго татарина, съ которымъ обѣщалъ прислать лекарства.

— Зелья-то горькія мнѣ даешь, — сказалъ съ сердцемъ Каракача,—а невѣсту, лучшій цвѣтъ моего сада, у меня изъ-подъ носу хватаешь.

— Какую невѣсту? — спросилъ Антонъ смутясь, какъ будто не понималъ, на кого онъ намекаетъ.

— Какую? дочь Образца! Она моя суженая. Мнѣ самъ Иванъ Васильевичъ ее посулилъ. Волею или неволею отдашь мнѣ.

Антонъ засмѣялся, какъ смѣялся бы просьбѣ ребенка, который просилъ бы у него мѣсяцъ съ неба.

— Батька, дай ему горсть серебра, пускай отступится добромъ.

Даньяръ пошелъ было исполнять волю сына.

Ужъ это не походило на шутку. Продажа невѣсты возмутила Антона; онъ остановилъ старика и сказалъ ему съ негодованіемъ:

— Напрасный трудъ, царевичъ! Насыпь мнѣ груды твоего серебра, хотя въ уровень съ палатами великаго князя, и тогда не промѣняю на нихъ своей невѣсты.

— Каракаченькѣ полюбилась; уступи, лекарь!

— Мнѣ самому полюбилась,—иронически возразилъ Антонъ: — не отдамъ и за царство.

— Отнимемъ силою,—закричалъ Даньяръ воспламеняясь.

— Отнимемъ силою, — повторилъ Каракача, привставъ съ постели.

— Для этого нѣтъ силы на свѣтѣ. Вспомните, не въ Касимовѣ.

— Мой Касимовъ тамъ, гдѣ я съ своими бо... рями, — сказалъ Даньяръ: — и въ Москвѣ я царев

Мало тебѣ этого, такъ я на дѣвку возьму дарный листъ отъ моего благопріятеля Ивана Васильевича.

— Великій князь обѣщалъ мнѣ любую дочь боярскую за леченіе твоего жъ сына. Твой сынъ здоровъ, такъ я выбираю дочь Образца.

— Мой сынъ былъ бы здоровъ и безъ тебя. Мы звали тебя только въ угоду Ивану Васильевичу.

— Что съ нимъ долго толковать, батька, — закричалъ Каракача.—Я здоровъ, мнѣ онъ не нуженъ болѣе. Позови татаръ нашихъ, да и въ кнутья его до воротъ.

— Кто до меня дотронется, не останется живъ,— сказалъ съ твердостью Антонъ, хватаясь за стилетъ, съ нимъ неразлучный.—Господинъ дворецкій, неужли ты, довѣренное лицо великаго князя, поставленный здѣсь для того, чтобы исполняли мои приказанія, допустишь оскорбить меня въ домѣ безумныхъ татаръ!

Видя, что пламя, которое зажегъ, готово было превратиться въ неугасимый пожаръ, Русалка началъ его тушить. Прорветъ безъ него, тѣмъ лучше, лишь бы себя вывести изъ бѣды! Онъ подходилъ то къ отцу, то къ сыну, умолялъ ихъ укротить гнѣвъ свой, завѣрялъ, что дѣло обойдется и безъ насилія, что онъ, усердный ихъ слуга, потеряетъ голову, если государеву лекарю будетъ нанесена обида, что онъ лучше совѣтуетъ просить лекаря отступиться отъ своей невѣсты въ пользу царевича. И къ Антону обращался
коленіемъ не сердить татаръ, и хоть для виду, для
обѣщать уступку. Выздоровѣетъ поганый татар-
ла, все опять придетъ на свое мѣсто.
Но Каракача не слушалъ, бѣсился, топалъ ногами,
лъ себя за голову, отъ чего перевязки на ней

сползли и показалась кровь; судороги начали его корчить.

«Лекарь колдунъ, вогналъ опять хворость въ сына, чтобы отмстить за невѣсту», — подумалъ Даньяръ, и палъ въ ноги Антону, умоляя его спасти Каракаченьку и клянясь, что они за невѣстой не погонятся.

Такъ дикари переходятъ въ страстяхъ своихъ отъ одной крайности къ другой.

Могъ ли Антонъ сердиться на этихъ дикарей, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ выздоровленія царевича было заложено все, чего дороже не имѣлъ онъ въ жизни: Анастасія, жизнь и честь его. Онъ спѣшилъ подать помощь Каракачѣ, и въ этомъ скоро успѣлъ.

Сильное сложеніе татарина, помогавшее леченію, поставило его опять на ноги такъ, что онъ черезъ два дня, попрежнему, отъ души смѣялся потѣхамъ дворецкаго и предавался невиннымъ забавамъ своего добраго сердца. Объ успѣшномъ леченіи извѣстенъ былъ и великій князь.

Съ лекаремъ заключенъ миръ, къ нарушенію котораго Даньяръ не подавалъ ужъ ни малѣйшаго повода. Нѣмчинъ-волхвъ нагонялъ болѣзнь и скоро исцѣлялъ ее: какъ же его не бояться и не уважать! Только сынокъ, вѣроятно, подбитый дворецкимъ, вздумалъ было опять предъявить свои требованія на Анастасію.

— Перестань,—сказалъ ему угрюмо Антонъ:—будетъ опять худо и хуже прежняго. Скорчу разомъ!

Испугался царевичъ этой угрозы и замолчалъ.

Въ тотъ же день Антонъ прислалъ царевичу вѣрнымъ служителемъ, татариномъ, новое лекарство которымъ думалъ заключить леченіе. Пора было по

чить и награду, обѣщанную великимъ княземъ. Для нея терпѣлъ онъ такъ много.

Онъ стоялъ ужъ у цѣли своихъ желаній и обѣтовъ. Враги его и семейства Образца были побѣждены, честь и голова его — выручены изъ ужаснаго залога, въ который заключило ихъ слово Іоанна, рука Анастасіи скрѣпляла его союзъ съ людьми и судьбою. Никто и ничто не оспаривали ужъ его счастія; самая совѣсть замолчала, чтобы, казалось, дать ему вполнѣ имъ насладиться. Милый, дорогой мертвецъ отнялъ было у него сердце и мысли Анастасіи; съ трудомъ могли отрывать ее отъ могилы отца; но черезъ нѣсколько времени живой другъ, очарователь ея, ея суженый, снова занялъ всѣ ея помыслы и чувства. Недолго могла она выдержать, чтобы не видать его. Потворщица мамка сберегла имъ подъ кровомъ осенней ночи, у калитки двора, сладкое, упоительное свиданіе. Съ братомъ Анастасіи дружба Антона скрѣплялась болѣе и болѣе. Верхъ его счастія былъ такъ близокъ отъ него.

Осеннія сумерки сгущались надъ городомъ. Въ избѣ царевича Даньяра все было погружено въ глубокій сонъ. Каракача спалъ, отецъ его дѣлалъ то же, въ сосѣдней клѣти татары слѣдовали примѣру своихъ повелителей; все это сипѣло и ворковало такъ, что слушателю надо было твердыя уши, чтобы не бѣжать изъ дома. Однакожъ въ горницѣ Каракачи находился слушатель, для котораго эта музыка была усладительнѣй всѣхъ гармоній на свѣтѣ. Онъ лежалъ на лавкѣ и притворялся спящимъ; говорю, притворялся, потому что онъ, среди общаго усерднаго акомпанемента, привсталъ съ лавки осторожно, затая дыханіе, сталъ прокрадываться къ

полкѣ, надъ самымъ ухомъ Даньяра. Старый царевичъ, какъ змѣй-горынычъ, хранилъ тутъ живую воду для своего сына. Пользуясь его сномъ, тотъ, который прокрался къ полкѣ, одною рукой что-то схватилъ оттуда, а другою что-то поставилъ на мѣсто похищенной вещи. Исполнивъ это, возвратился къ своей лавкѣ, легъ на нее и опять захрапѣлъ, будто ни въ чемъ не бывало.

Даньяръ проснулся первый и велѣлъ служителю подать свѣточъ. Когда это было исполнено, онъ съ трудомъ разбудилъ Русалку, спавшаго на лавкѣ. Тутъ же проснулся и молодой царевичъ.

— Пора Каракаченькѣ зелья, — молвилъ Даньяръ, снявъ склянку съ завѣтной полки.

Съ того времени, какъ лекарства видимо помогли сыну отъ послѣдняго припадка, онъ съ величайшею точностью исполнялъ приказанія Антона. Нынѣшній день велѣно было вновь начать присланную склянку, какъ скоро огни зажгутся въ домахъ, и потому старикъ-царевичъ спѣшилъ не пропустить назначеннаго часа.

— Эхъ, — примолвилъ Русалка, — я давно бъ всѣ склянки за заборъ, а нынче и подавно. Что-то косо смотрѣлъ лекарь...

— Не смущай, дворецкій, — возразилъ Даньяръ: — ты и такъ дѣтку наводишь на сердце. Выпей, Каракаченька, не слушай... лекарь сказалъ: сладко будетъ... въ послѣдній разъ...

И Каракача, боясь ужъ не исполнить приказа врача всемогущаго, выпилъ изъ серебряной ч жидкость, въ нее налитую. Питье показалось очень вкусно, и онъ попросилъ еще. Дали ем

Лекарь говорилъ: «хоть разомъ выпьетъ все, тѣмъ лучше!»

Былъ одинъ человѣкъ въ комнатѣ, который перемѣнился въ лицѣ, — именно Русалка. Смущенія его никто не замѣтилъ. Онъ скоро оправился и началъ потѣшать молодого царевича шуточками, которыя вновь изобрѣлъ. Всѣ были веселы, Каракача болѣе другихъ. Но не прошло четверти часа, какъ онъ сталъ жаловаться на боль въ желудкѣ, въ груди... Губы его посинѣли, лицо дѣлалось то багрово, то мертвѣло. Сначала онъ стоналъ, потомъ крики смѣнили стенанія... Послали за лекаремъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что лекаря нѣтъ дома Разослали новыхъ гонцовъ отыскивать его. Самъ дворецкій вызвался на это дѣло — только тогда, когда увидѣлъ, что царевичъ умираетъ.

Отыскали наконецъ... Бѣдный, несчастный Антонъ не засталъ царевича въ живыхъ.

Даньяръ лежалъ въ безпамятствѣ на трупѣ сына; онъ не видалъ лекаря, а то бъ убилъ его. Татары бросились было на Антона, но его освободили недѣльщики, присланные ужъ съ приказаніемъ великаго князя взять его подъ стражу и заковать въ желѣза. Антонъ не противился; онъ зналъ, что участь его рѣшена, онъ понималъ Ивана Васильевича и помнилъ, что слово грознаго владыки не мимо идетъ. Невинный, онъ долженъ былъ подклонить голову подъ топоръ палача.

Вотъ какъ и отъ кого Иванъ Васильевичъ узналъ вый о смерти царевича.

Русалка, вмѣсто того, чтобы искать лекаря, какъ щалъ, поскакалъ прямо къ великокняжескимъ хо чинамъ.

— Господине великій князь, — сказалъ онъ, войдя къ Ивану Васильевичу въ повалушу и трясясь всѣмъ тѣломъ, — привезъ тебѣ недобрую вѣсть.

— Не пожаръ ли? Коня!—вскричалъ великій князь, который въ такихъ случаяхъ всегда отправлялся самъ тушить огонь, хотя бы это случилось и въ полночь.

— Нѣтъ, господине, умеръ... царевичъ Каракача.

Великій князь поблѣднѣлъ и перекрестился.

— Умеръ?.. Не можетъ статься! Каракача былъ здоровъ сегодня... лекарь сказалъ. Лжешь, аль обезумѣлъ!..

— Воистину, государь. Прикажи перевѣдать. Былъ голубчикъ здоровехонекъ. Покушалъ нынче хорошо, спалъ крѣпко, шутилъ со мною... Да... вздумалъ позадорить съ Антономъ-лекаремъ за невѣсту его, дочь Образца... Антонъ и прислалъ ему зелья... уморилъ за посмѣхъ. Я своими глазами видѣлъ, какъ отходя мучился бѣдный царевичъ. Сердце у меня отъ жалости повернулось.

— Уморилъ?.. за посмѣхъ?.. — кричалъ Иванъ Васильевичъ внѣ себя.—Слово мое было заложено... Не слыхалъ его! Развѣ у него двѣ головы!.. Въ желѣза, въ черную избу!.. Голодною смертью уморить!..

Онъ не могъ сказать слова; глаза его горѣли, пѣна била у рта. Потомъ, успокоившись немного, покачалъ головой и залился слезами:

— Уговорилъ я Даньяра лечить сына!—продолжалъ онъ. — Одно было только дѣтище, одна была утѣха старику! Хорошо заплатилъ я ему за вѣрную служ Недаромъ отецъ противился лечить... Нѣтъ, надо уговорить его!.. Уморилъ за посмѣхъ?.. Пилить мало!.. Жечь на маломъ огнѣ мало! Отдамъ его

рамъ на поруганіе, на муки... пусть дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ!.. И на томъ свѣтѣ будетъ помнить слово мое.

И заставлялъ онъ себѣ повторить, какъ спорилъ Антонъ за дочь Образца, когда, съ кѣмъ прислано зелье, скоро ли сталъ мучиться царевичъ, принявъ его. Русалка все повторилъ, лукаво вплетывая въ свою рѣчь прежнюю ссору Антона съ царевичемъ, и какъ онъ, дворецкій, помирилъ ихъ, и какъ грозилъ нынѣ лекарь, что отплатитъ Каракачѣ горьше прежняго, и какъ велѣлъ отцу дать ему выпить зелья, хоть все разомъ, примолвивъ: «сладко будетъ... въ послѣдній разъ...» — а лицо его такъ и подергивало. И зелье-то не самъ принесъ, какъ бывало, а прислалъ съ татариномъ, на всякій случай, для отговорки, подмѣнили-де зелье недобрые люди, вороги его.

— Совѣтъ былъ отъ меня отцу,—продолжалъ Русалка,—умолялъ его не давать лекарства: нѣтъ таки, далъ, словно изъ ума выжилъ, аль бѣлены объѣлся... Знать, нечистый понуждалъ.

Выслушавъ эту коварную повѣсть, великій князь повторилъ строжайшій приказъ держать Антона въ черной избѣ, въ желѣзахъ, пока не сдастъ его татарамъ на поруганіе и казнь. Приказалъ было онъ заключить Анастасію въ монастырь, но одумался. Вѣроятно, вспомнилъ заслуги отца и брата. — «Дѣвка не виновата», — молвилъ онъ, и велѣлъ отмѣнить приказъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЧЕРНАЯ ИЗБА

Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ
И все передо мной затмилось.

Пушкинъ.

Казенный дворъ намъ ужъ знакомъ. Въ томъ самомъ отдѣленіи черной избы, гдѣ содержались сначала *Матифасъ*, переводчикъ князя Лукомскаго, и потомъ Марѳа посадница, заключили Антона. Вчера свободенъ, съ новыми залогами любви и дружбы, почти на вершинѣ счастія, а нынче въ цѣпяхъ, лишенъ всякой надежды, ждалъ одной смерти, какъ отрады. Онъ просилъ изслѣдовать дѣло о болѣзни царевича,—ему отказано; злодѣяніе его, кричали, ясно какъ день.

«Господи, Ты одинъ мнѣ остался»,—говорилъ онъ, обливая желѣза слезами:—«не жалуюсь на Тебя. Можетъ быть, Ты наказываешь меня за преступле
котораго я не считалъ такимъ, можетъ быть, и
меня... Кто знаетъ, какія горести впередъ отра
бы жизнь мою! Теперь я выпью чашу одинъ, а

пришлось бы раздѣлить съ подругою, съ дѣтьми... я вдвое страдалъ бы, видя ихъ страданія. Знаю, что Анастасія меня любитъ; но въ ея лѣта впечатлѣнія бываютъ такъ преходящи... жизнь ея длинна... погорюетъ, поплачетъ о басурманѣ, и перестанетъ... Время чего не дѣлаетъ!.. А все-таки жаль мнѣ разстаться съ ея любовью, со всѣмъ, что она мнѣ подарила и что сулила еще... Если она меня истинно любитъ любовью нездѣшнею, такъ мы скоро будемъ вмѣстѣ; если Богъ сочеталъ наши души, люди не разлучатъ.—Но къ чему умирающему для міра и эти желанія?.. Она такъ молода... такъ прекрасна, такъ создана для счастія!.. Господи, дай ей насладиться упоеніями, восторгами любви, удовольствіями супруги, матери, всѣми благами жизни; вознагради хоть ее всѣмъ, что отнимаешь у меня въ лучшіе годы мои; дай мнѣ хоть въ одной изъ обителей Твоихъ порадоваться ея счастіемъ!.. Господи, Отецъ творенія, что сдѣлаешь Ты съ матерью моей? Что будетъ съ нею, когда узнаетъ мое заключеніе, мою позорную смерть!.. Объ одномъ молю для нея, устрой, чтобы до своей кончины не вѣдала объ ужасной перемѣнѣ судьбы моей, чтобы она знала меня въ живыхъ счастливымъ! Не откажи мнѣ, Боже мой, призвавшій меня самъ въ этотъ міръ и нынѣ призывающій въ другой, чтобы я душевнымъ спокойствіемъ матери хоть тамъ былъ утѣшенъ за страданія земныя».

Въ такихъ думахъ Антонъ проводилъ дни и ночи. о воспитателѣ своемъ не забылъ въ своихъ молитъ; но, зная твердость его души, облегчалъ этою слью память о немъ. Иногда, забывшись, думалъ о будущности на землѣ, о блаженствѣ любить, о

дняхъ прекраснѣйшихъ, которые обѣщалъ ему союзъ съ Анастасіей; иногда мечталъ, что все, его окружающее, сонъ, обманъ. Но скоро выводили его изъ этого очарованія холодная тяжесть и звукъ цѣпей, окно съ желѣзными ершами, въ которое свѣтъ едва проникалъ сквозь пузырную оболочку, духота и нечистота его клѣтки. На стѣнѣ уродливо начерчены были имена предмѣстниковъ его: «Matheas», «Марѳа», посадница великаго Новгорода. Какая была ихъ участь?. Одинъ сожженъ въ желѣзной клѣткѣ, другая исчахла въ этой тюрьмѣ. Могъ ли онъ думать, въѣзжая въ Москву, за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и смотря на пламя, обвивавшее несчастныхъ литвянъ, что самого,—мудрено ль,—постигнетъ та же участь? Могъ ли онъ воображать, посѣщая черную избу въ числѣ придворныхъ Іоанна, удостоенный его почетнаго вниманія и отличныхъ милостей,—такъ сказать,—рука объ руку съ нимъ, что онъ будетъ заключенъ въ той самой клѣти, гдѣ такъ ужасно поразила его участь новгородской посадницы? О, когда бы мечтательность не затмила его разсудка, онъ долженъ былъ видѣть, чего могъ ожидать въ странѣ, гдѣ невѣжество и предразсудки исключили было его изъ общества христіанъ и причли къ дѣтямъ сатаны. Развѣ не видалъ онъ, что самъ князь Холмскій, украшеніе и слава своего отечества, избавился отъ плахи, успѣвъ только укрыть голову подъ щитомъ случая, у него жъ, иноземца? Развѣ не остерегала его ужасная судьба князя угличскаго, брата самаго великаго князя, котор і позванъ имъ на дружескую трапезу и отведенъ ь тюрьму, въ которой и теперь изнываетъ? По со - ству, за перегородкой тюремной, слышны взд і

стенанія: не его ль, князя угличскаго? Рано же пріобщился къ этимъ страдальцамъ!.. Бѣдный Антонъ, онъ не имѣлъ ушей, чтобы слышать, глазъ, чтобы видѣть, онъ лишился разумѣнія. Страсть все помутила. А, между тѣмъ, если бъ начать снова жизнь на Руси зная, что кончитъ ее такъ, какъ теперь кончаетъ, — онъ опять желалъ бы встрѣтиться съ Анастасіей, повторить муки и блаженство послѣднихъ мѣсяцевъ и умереть хоть съ позоромъ Онъ насладился ужъ благами, какими только можетъ смертный насладиться на землѣ; онъ взялъ ужь съ нея богатую дань, какою рѣдкіе изъ смертныхъ бываютъ надѣлены: онъ взялъ *свое* съ этой земли, — чего жъ болѣе? Господь видимо любитъ его, что зоветъ къ себѣ въ лучшія минуты его жизни. О, когда бъ тамъ было продолженіе здѣшнихъ былыхъ минутъ блаженства?..

Къ надеждамъ и утѣшеніямъ, мелькавшимъ въ коловоротѣ мыслей и чувствованій, присоединилось еще одно душевное услажденіе: судьба сберегла его, хоть невольно, отъ отступничества... онъ умретъ въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Но и это услажденіе было кратковременно. Имъ овладѣла грустная мысль, что Анастасія, послѣ смерти его, будетъ сердцемъ чуждаться басурмана, не посѣтитъ могилы латинщика, и, можетъ быть, чернокнижникъ, слуга нечистаго, опять заступитъ въ ея мысляхъ мѣсто Антона, жениха ея. Трупъ его бросятъ гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ болото, воронамъ на съѣденіе. Эта мысль до того овладѣла имъ,

единственнымъ его желаніемъ сдѣлалось имѣть
аго духовника, который могъ бы напутствовать
въ другой міръ словомъ и властью Спасителя.

его не перепытывала душа его въ первые дни

заключенія! Не говорю о лишеніяхъ физическихъ. Каждый день убавляли пищи его, наконецъ стали давать ему по кусочку черстваго хлѣба и по кружкѣ воды. За трапезой его строго наблюдалъ самъ дворецкій великаго князя. Лишенія такого рода сносилъ онъ съ твердостью; но что болѣе всего сокрушало его, такъ это неизвѣстность о друзьяхъ и объ Анастасіи. Хоть бы повѣяло на него отрадою ихъ воспоминанія, ихъ участія и любви къ нему; хоть бы вѣсточку объ нихъ услыхалъ.

Подъ смертною казнью запрещено было впускать къ нему кого-либо, кромѣ попечителей объ его тюремномъ содержаніи. Но воля человѣка, въ соединеніи съ умомъ или съ любовью, сильнѣе желѣза, прозорливѣе всякаго аргуса.

Въ день Покрова Богородицы, сквозь рѣшетку его клѣти, изъ перехода тюремнаго, сухощавая рука женщины бросила ему калачъ. Хлѣбъ былъ надломанъ. Антонъ поднялъ его, и чтожъ увидалъ? Въ этомъ подаяніи скрывалось сокровище, — тѣльникъ Анастасіи. Онъ не могъ не узнать его. Тѣльникъ осыпанъ горячими поцѣлуями, облитъ слезами и поспѣшно спрятанъ на груди, глубоко, у сердца. Боже сохрани, чтобы сторожа не увидали святого товарища, не отняли его! Лучше самую смерть. Теперь Антонъ не одинъ: съ нимъ Спаситель, умирающій на крестѣ, съ нимъ она, его невѣста, его супруга на этомъ свѣтѣ и въ другомъ. Она вновь обручилась съ нимъ на вѣки...

Вдобавокъ къ его благополучію, на слѣдующ ноч посѣтилъ его Курицынъ, отперевъ тюрьму зо тымъ ключомъ, тоже всемогущимъ, подъ щитомъ п

данныхъ людей. Онъ помнилъ и спѣшилъ исполнить завѣтъ своего учителя Схаріи, принеси подкрѣпленіе тѣлу и душѣ узника. Пища, болѣе обильная и вкусная, припасы для письма на случай переписки съ друзьями при первомъ удобномъ случаѣ, вѣсти о тѣхъ, о комъ такъ хотѣлось знать несчастному, и надежды умилостивить властителя, — вотъ что принесъ добрый Курицынъ. Надеждамъ худо вѣрилъ Антонъ; но участіе и любовь друзей вознаградили его за всѣ прошедшія муки.

— Въ тюрьмѣ, въ несчастіи, узнаю истинную цѣну дружбѣ, любви,—говорилъ онъ дьяку,—могу ли роптать послѣ всего, чѣмъ Господь наградилъ меня, могу ли жаловаться на судьбу свою? Вотъ, подлѣ меня, князь вѣнчанный, а — слышишь ли его стенанія?..—изнываетъ, заброшенный всѣми!.. Съ сокровищемъ, которое ты мнѣ принесъ, могу умереть безъ ропота, въ послѣднія минуты мои долженъ благословить пройденный путь и цѣловать руку, которая вела меня по немъ.

Какъ Антонъ благодарилъ ночного посѣтителя за то, что доставилъ ему припасы для письма! Онъ просилъ его только объ одномъ предсмертномъ одолженіи, посѣтить его еще разъ и взять отъ него нѣсколько посланій къ матери.

— Добрый Захарій доставитъ ихъ, если найдешь случай переслать къ нему,—говорилъ заключенный.— За то на томъ свѣтѣ, у престола Бога, буду молить о еніи его души. Увидишь Захарія, скажи, что я, ъ смертью, со слезами благодарилъ его и тамъ буду.

посвятилъ онъ всѣ часы, въ которые могъ

укрыть себя отъ зоркаго взгляда сторожей, на то, чтобы написать нѣсколько писемъ къ матери. Письма были отъ разныхъ чиселъ и могли служить на годъ, на два. Въ нихъ изображалъ Антонъ свою счастливую жизнь съ прекрасною, обожаемою супругой, милости государя, надежду пріѣхать современемъ въ Богемію въ русскомъ посольствѣ, все, все, что могъ прибрать для утѣшенія матери. Душа его раздиралась; онъ глоталъ слезы, чтобѣ онѣ не падали на бумагу, когда начертывалъ на ней строки, въ которыхъ все было неправда, кромѣ увѣреній въ любви сыновней.

Съ какимъ восторгомъ Поппель и Мамонъ торжествовали свою побѣду! Первый былъ въ восхищеніи, что избавился отъ человѣка, котораго боялся дядя его, котораго онъ самъ ненавидѣлъ за сходство фамилій, за физіономію, наружныя и душевныя качества и еще по какому-то смутному, непонятному чувству. Тайный голосъ ужъ, конечно, недаромъ всегда вооружалъ его противъ Антона Эренштейна... А Мамонъ? Израненный, изуродованный, онъ оживился, будто вспрыснули его живою водой. Онъ позвалъ къ себѣ свое домашнее привидѣніе, которое являлось къ нему, словно изъ гроба, для того только, чтобы выслушивать радостную вѣсть о чьемъ-нибудь несчастіи.

— Слышалъ? — сказалъ онъ сыну: — жениха той, знаешь... нѣмчина Антона, посадили въ черную избу; головѣ его не уцѣлѣть на плечахъ. А! каково! я сказалъ: дочери Образца не бывать замужемъ. Не бывать-таки, не бывать!.. Кто возьметъ ее послѣ басурмана. Радуйся, господине Хабаръ-Симской, въ своихъ меннныхъ палатахъ! Радуйся и батька въ своей зе ной норѣ! Слышишь, друже мой, Василій Ѳедоро

Бьемъ тебѣ челомъ этимъ хлѣбомъ-солью, кланяемся тебѣ на сладкомъ да пьяномъ меду. Шибнетъ тебѣ въ носъ и подъ парчевою окуткой!.. (И Мамонъ адски захохоталъ). Чтожъ не говоришь ничего, сынъ?

Какъ жилецъ другого міра, дающій знать о своемъ присутствіи между здѣшними только вѣяніемъ могильнаго тлѣнія, молодой Мамонъ не выказывалъ ужъ на лицѣ ни радости, ни печали. По обыкновенію, на восторги отца онъ отвѣчалъ глухимъ, предсмертнымъ кашлемъ.

— Чтожъ не говоришь ничего? — повторилъ старый Мамонъ.

— Батюшка, я умираю, — произнесъ жалобно сынъ.

— Умирай, да радуйся, что отплатили ворогу своему.

Ничего не зная, не подозрѣвая ничего, Анастасія думала только о восторгахъ любви. Самая память объ отцѣ посѣщала ея душу, какъ сладкое видѣніе. Не въ гробу мертвецомъ представлялся онъ ей, а живой, съ улыбкою, съ благословеніемъ, какъ бы говорилъ: «видишь, Настя, я отгадалъ, что ты любишь Антона; живите счастливо, буди надъ вами благословеніе Божье!» Добрый отецъ, онъ веселится теперь между ангелами и любуется благополучіемъ дѣтей своихъ.

И въ это самое-то время мамка, завопивъ, заголосивъ, какъ по мертвомъ, упала въ ноги къ своей питомицѣ.

— Что сталось? — спросила встревоженная Анастасія.

— Ахъ, родная ты моя, сиротинушка горемычная, — завопила мамка: — жениха твоего посадили въ

черную избу; лечилъ татарченку-царевича, да уморилъ. Не снести ему головушки.

Ударъ былъ неожиданъ. Анастасію вся задрожала и помертвѣла. Не произнося ни слова, она впала въ какую-то глубокую думу, уставивъ глаза на одинъ предметъ. Казалось, она окаменѣла въ этой думѣ и стала изваяннымъ выраженіемъ ея. Мамка умоляла ее опомниться, толкала, — она осталась все въ прежнемъ положеніи. Вдругъ глаза ея страшно заблистали, она повела ихъ кругомъ себя, судорожо захохотала и примолвила:

— Тебя подучили на смѣхъ сказать, не обманете!.. На зло вамъ, не разстанусь съ Антономъ; онъ мой суженый, мой полюбовникъ!..

Потомъ опять стала задумываться и опять впала въ прежнее окаменѣніе. Испугалась мамка. Кого не призывала она на помощь? и небесныя силы, и старушекъ-вѣдей. Шептали надъ ней, спрыскивали ее, отчитывали, — ничто не помогало. Вздумали курить ей подъ носъ, колоть ее гвоздемъ, жечь пятки — насилу очнулась.

Пришелъ братъ. Анастасія узнала его и бросилась ему со слезами на шею.

— Милый, родной ты братецъ мой, — могла она только сказать рыдая.

Она не смѣла произнести имени жениха, не только что просить о немъ; стыдъ дѣвическій, а болѣе строгій обычай запрещалъ говорить ей то, что у ней было на душѣ. Ей, дѣвицѣ, позволено было только пл[illegible] объ отцѣ или братѣ; слезы, посвященныя дру[illegible] мужчинѣ, хоть бы и жениху, сочли бы за прес[illegible] ніе. Но въ немногихъ словахъ ея было столько ско[illegible]

столько моленія, что братъ не могъ не понять, о чемъ такъ крушилась Анастасія.

Хабаръ велѣлъ мамкѣ и всѣмъ постороннимъ выйти изъ свѣтлицы. Когда это было исполнено, сталъ пенять ей, что предается такому отчаянію при людяхъ, представлялъ, что дворчане могутъ заключить о ней худое.

— Горько тебѣ? скрѣпи сердце. Умирай подъ клещами, да молчи: такъ всегда дѣлалось въ роду нашемъ,—говорилъ онъ сестрѣ.—А тебѣ, дѣвицѣ, и подавно непристойно крушиться о женихѣ, который еще и нашего закона не принялъ.

Сдѣлавъ ей это отеческое наставленіе, началъ ласкать и утѣшать ее.

Есть надежда спасти Антона. Посланъ гонецъ въ отчину къ князю Холмскому, который просилъ, въ случаѣ какой-либо невзгоды для Антона, дать ему знать съ нарочнымъ. Сынъ Холмскаго женатъ на дочери великаго князя. Тутъ дожны помочь и заслуги воеводы, и родственныя связи... У Хабара самого лошади въ упряжи. Онъ скачетъ въ Тверь къ княжичу Ивану; княжичъ любитъ лекаря и заступится за него. Княгиня Елена Волошанка обѣщаетъ, во что бъ ни стало, спасти несчастнаго. За него хлопочутъ сильные люди: любимецъ Ивана Васильевича — дьякъ Курицынъ, самъ митрополитъ Зосимъ. Этотъ вступается за Антона, какъ за агнца, котораго теряетъ стадо Христово. Уже готова купель очищенія, а его хотятъ оторвать нея и бросить въ огонь вѣчный. Всѣ надѣются лостивить Ивана Васильевича. А если просьбы, хойства и убѣжденія не подѣйствуютъ, такъ есть средства...

Вотъ что передалъ братъ сестрѣ, а Анастасія, крѣпко обнявъ его, умоляла ѣхать скорѣе въ Тверь.

Черезъ нѣсколько дней, именно въ день Покрова Богородицы, старая женщина, готовившая скудную пищу для заключенныхъ, бросила нѣмчину въ его отдѣленіе калачъ. Мы ужъ знаемъ, что въ немъ заключалось. Это было стряпанье Анастасьиной мамки. Зато чего стоило дочери Образца склонить свою воспитательницу на такой подвигъ! Слезы, колѣнопреклоненія, обѣщанія богатыхъ даровъ и милостей по гробъ, угрозы, что себя изведетъ, — все было употреблено, чтобы достигнуть своей цѣли. Сто разъ легче сдѣлалось ей, когда она узнала объ исполненіи ея желанія. Завѣтный крестъ на груди Антона; онъ спасетъ его.

Прискакалъ князь Холмскій; умоляли онъ, сноха его — дочь великаго князя, Іоаннъ младой *листомъ*, который присланъ съ Хабаромъ, Елена, митрополитъ; многіе изъ нихъ падали грозному властелину въ ноги, — ничто не помогло.

— Коли бъ хотѣлъ я самъ, не могу, — отвѣчалъ имъ великій князь, — я далъ слово Даньяру, другу и слугѣ моему, я клялся передъ образомъ Спасителя. Ни для родного сына не отступлюсь.

Аристотеля и Андрюшу не велѣлъ пускать къ себѣ и на глаза. Чтобы не встрѣтиться съ ними, онъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Постройка Успенскаго собора остановилась Художникъ велѣлъ сказать великому князю, что «церковь не будетъ конче если не освободятъ Антона, что онъ только по прос Антона и началъ постройку ея». Ивана Василь.. отвѣтъ былъ — грозное молчаніе.

Между тѣмъ Анастасію увѣряли, что дѣла идутъ хорошо, что есть надежда...

Друзья несчастнаго не переставали однакожъ дѣйствовать, какъ могли, всѣми средствами, которыя только имѣли, чтобы спасти его. Въ этой битвѣ противъ людей и судьбы, не менѣе, если не болѣе другихъ, принималъ участіе сынъ Аристотелевъ.

Жаль было смотрѣть на Андрюшу! Онъ почти не ѣлъ, не пилъ и не спалъ. Его не иначе могли заставить подкрѣпить себя пищею, какъ напомнивъ ему, что его защита для Антона нужнѣе, чѣмъ другого кого. Онъ только дѣлалъ, что бродилъ около тюрьмы своего друга или около хоромъ великокняжескихъ. Здѣсь сторожилъ, не выйдетъ ли Иванъ Васильевичъ, не взглянетъ ли хоть въ окно. И подсмотрѣлъ-таки его разъ. Тогда, ставъ на колѣна, клалъ земные поклоны, и билъ себя въ грудь, и указывалъ на небо, на храмы Божьи, на слезы свои. Чтожъ Иванъ Васильевичъ? Спѣшилъ отвернуться.

Бродя днемъ и ночью около черной избы, какъ страстный любовникъ около жилища своей любовницы, которую содержитъ строгій отецъ или опекунъ за тридевятью замками, Андрюша думалъ иногда, что въ отверстіи одного изъ пузырныхъ оконъ тюрьмы уловилъ взглядъ милаго, драгоцѣннаго узника. Отверстіе,— сталъ онъ замѣчать,—становилось день-ото-дня больше. Наконецъ можно было различать сквозь него черты [illegible] столько знакомыя и любезныя. Тогда какую [illegible]тельную, краснорѣчивую бесѣду знаками завелъ [illegible] съ своимъ другомъ! А мѣшать этой бесѣдѣ кому [illegible] нужда! Кто хотѣлъ, могъ бы разбить себѣ го[illegible] въ виду черной избы, въ знакъ своей любви къ

одному изъ заключенныхъ, лишь бы узнику не прибавилось отъ того ни на волосъ свободы. Мальчика же и подавно не опасались.

Могъ ли не принимать живое участіе въ судьбѣ Антона добрый тверчанинъ, его мечтательный спутникъ по западнымъ землямъ и сватъ? Онъ не разъ проводжалъ малютку въ его тайныхъ путешествіяхъ и вмѣстѣ съ нимъ радовался открытію сообщенія съ милымъ узникомъ. Въ одинъ вечеръ удалось даже Андрюшѣ, ставъ на плеча старику, подсмотрѣть въ тюремное окно, что никого не было въ клѣти, кромѣ самого заключеннаго. Тутъ онъ осмѣлился протянуть ему руку сквозь желѣзную рѣшетку и отверстіе въ пузырѣ окна, осчастливленъ пожатіемъ дружеской руки, и успѣлъ сказать ему: «завтра день великій... жди меня». Болѣе ничего не имѣлъ онъ времени сказать и ничего услышать отъ Антона въ отвѣтъ. Кто-то вошелъ въ тюремную клѣть.

Да, завтра былъ день великій для Антона. Друзья его знали, что старый царевичъ-татаринъ вышелъ изъ ужасной летаргіи, въ которую погрузила его смерть сына, и готовился за голову его требовать у Ивана Васильевича примѣрнаго мщенія. Завтра, во что бы ни стало, надо было спасти жертву его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЗВЯЗКА

Лампады тихой свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ влажны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ.
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой, день только, день одинъ.
«А. Шенье.» — *Пушкинъ.*

«— День великій?.. — говорилъ самъ съ собою Антонъ. — Неужели день прощенія, милости?.. Можетъ быть и казни!.. Это скорѣй. Приговоры Іоанна роковые: громы, падающіе съ неба, не возвращаются. Можетъ быть, друзья мои рѣшились спасти меня? Но какъ? съ какими пожертвованіями, съ какими условіями? Пускай этотъ день будетъ вполнѣ великимъ», — сказалъ онъ, встрѣчая утро, и снова просилъ себѣ духовника.

Имѣли жестокость отказать, или, что все равно, молчали.

урицынъ не приходилъ за письмами. Чтожъ по-
ло? Онъ не обманетъ, если только есть возмож-
.. Онъ подкопается подъ основаніе тюрьмы, най-
орогу хоть черезъ трубу, если не сыщетъ дру-

гихъ путей. Въ этомъ Антонъ увѣренъ. Ужъ не потому ль не приходитъ, что есть надежда на милость великаго князя?..

Надежда!.. Боже великій! какъ при этомъ словѣ сердце забилось сильнѣе, кровь живѣе заструилась! какъ при этомъ словѣ выступили изъ мрака всѣ милые люди съ ласкою, со всѣми дарами жизни, и окружили его!

О! постойте, подождите хоть немного, милые призраки, у изголовья несчастливца, заставьте его забыть на этотъ день желѣза, черную избу, стоны товарищей его заключенія; очаруйте его, дорогіе гости, своими ласками, подарите его еще однимъ земнымъ праздникомъ, можетъ быть послѣднимъ на порогѣ въ вѣчность...

Нѣтъ, они пришли на мигъ, и тотчасъ убѣжали, испуганные тоскою неизвѣстности.

Какую тяжкую полосу вытянули часы до вечера!

Никто не является. Антонъ на стражѣ у окна...

Прислушивается... никого! Тихо, будто на грани міра.

Невольно взглянулъ онъ на стѣну... При слабомъ свѣтѣ ночника роковыя имена несчастливцевъ, которыхъ онъ въ этой тюрьмѣ смѣнилъ и которые ужъ исчезли съ земли, выступили изъ полумрака и бросились ему въ глаза. Краснорѣчивыя надгробныя надписи! Почему жъ и ему не поставить себѣ такого жъ памятника? Можетъ быть, въ его клѣть придетъ скоро новый жилецъ и станетъ также пробѣгать эти стр[illegible] Онъ будетъ тогда не одинъ, онъ окружитъ себя [illegible] мействомъ былыхъ товарищей, и поведетъ съ [illegible] сердечную бесѣду.

Антонъ сыскалъ гвоздь и начерталъ на стѣнѣ четыре слова: «liebe Mutter, liebe A...», прощальныя съ землею слова, или, что все равно, съ тѣми, кого не было для него дороже на землѣ. Писавъ ихъ, онъ обливался слезами, какъ будто вырывался изъ объятій милой матери, милой невѣсты, чтобы никогда ихъ не увидѣть.

Впослѣдствіи надъ этими словами задумывался вѣнчанный внукъ Іоанна, заключенный въ томъ же отдѣленіи черной избы; часто искалъ злополучный Димитрій Ивановичъ ключа къ этимъ іероглифамъ. Только сказочникъ Аѳоня могъ объяснить ихъ, разсказавъ ему повѣсть о заключенномъ. Недаромъ же Антонъ написалъ четыре слова на родномъ языкѣ: они послужили къ прекрасной тризнѣ по немъ, совершенной черезъ нѣсколько лѣтъ устами добраго старца и сердцемъ юнаго узника, который не зналъ своихъ преступленій.

Вдругъ шорохъ за окномъ... Антонъ бросился къ нему... прислушивается... Кто-то осторожно цѣпляется по стѣнѣ... глазъ заблисталъ въ отверстіи окна, и потомъ смѣнила этотъ глазъ маленькая рука. Она держала пилу и свернутую бумажку. Антонъ схватилъ то и другое, спряталъ пилу за пазуху, и прочелъ съ трудомъ, въ ужасномъ волненіи, слѣдующія строки, прыгавшія и двоившіяся въ глазахъ: «Завтра хотятъ выдать тебя головою татарамъ. Нынче ночью ты долженъ бѣжать. Спили желѣзныя рѣшетки: стража тебѣ — помѣшаетъ. Въ окно, и къ занеглинной мельницѣ! мъ будетъ ожидать тебя лошадь и проводникъ. Отъ го получишь оружіе и деньги. Далѣе, по пути, князь лмскій и Хабаръ разставили въ разныхъ мѣстахъ ихъ лошадей и дворчанъ. Они выпроводятъ тебя до

литовской границы. Спасайся въ свое отечество. Прощай, милый, незабвенный другъ, помни, что есть на Руси люди, которые тебя много, очень много любятъ и будутъ только тогда счастливы, когда узнаютъ о твоемъ счастіи; не забудь и маленькаго друга своего Андрея. Подай тебѣ Господи время и возможность спастись! До тѣхъ поръ не буду покоенъ. Еще прощай, милый Антонъ!»

Душа узника расцвѣла; радость заблистала въ глазахъ его. Онъ слышалъ ужъ свѣжій воздухъ, видѣлъ поля, небо, все это такое легкое, широкое, раздольное... Но лишь только мелькнули первыя минуты восторга, пробужденнаго мыслью о спасеніи, о свободѣ, эгоизмъ далъ мѣсто другому чувству. Куда бѣжитъ онъ? Въ Богемію. Правда, онъ найдетъ тамъ свое отечество, безопасность, мать, нѣжно любимую; но найдетъ ли то, чѣмъ жизнь его красилась, найдетъ ли Анастасію? Что станется съ нимъ безъ нея? Изноетъ съ тоски. И здѣсь, въ Москвѣ, какія будутъ слѣдствія его побѣга? Не пострадаютъ ли тюремные сторожа, дѣти боярскія? Можетъ статься, и друзья его? За него будутъ казнимы, прольется невинная кровь. Нѣтъ, нѣтъ, никогда не рѣшится онъ жертвовать для своей безопасности не только друзьями, но и сторонними, хотя бы послѣднимъ изъ тюремныхъ сторожей. За него никто не долженъ страдать. Господь осудилъ его; онъ выпьетъ чашу одинъ.

Съ одной стороны, міръ звалъ его къ себѣ, съ другой — высокое христіанское чувство приказ[ывало] ему не слушать голоса этого обольстителя. Голов[а] горѣла, сердце замирало... Надо было однакожъ [ре]шиться... Онъ рѣшился.

Первымъ его дѣломъ было сжечь письмо Андрюшино. Онъ не отдалъ ему пилы назадъ, чтобы вдругъ не огорчить его, но поспѣшилъ написать на лоскуткѣ бумаги: «Знаю, какая участь можетъ постигнуть тѣхъ, кому поручена голова моя. Совѣсть и Господь запрещаютъ мнѣ воспользоваться средствами спасенія, которыя мнѣ предлагаютъ. Я спасусь, но могутъ погибнуть мои ближніе. Благодарю друзей своихъ, благодарю тебя, милый Андрюша. Воспоминаніе о вашей дружбѣ усладитъ для меня послѣднія мои минуты. Прощайте, обнимаю васъ крѣпко, крѣпко. И *тамъ* я буду близко отъ васъ». Написавъ эти строки и схвативъ приготовленныя къ матери письма, онъ кашлянулъ у отверстія.

— Что тебѣ? — проговорилъ знакомый голосъ.

— Твою руку, — отвѣчалъ онъ.

Маленькая рука опять появилась въ отверстіи. Антонъ прижалъ ее къ губамъ своимъ и вложилъ въ нее свою посылку. Принимая посланіе, Андрюша чувствовалъ, что на руку его капали слезы.

«Что бы онѣ значили?» — думалъ онъ съ замираніемъ сердца, удерживая руку своего друга, спѣшилъ также расцѣловать ее и потомъ спустился съ плечъ добраго тверчанина, который и нынѣ служилъ ему живою лѣстницей.

Загадка, его мучившая, должна была разрѣшиться дома, при свѣтѣ огня.

Чтобы не впасть въ искушеніе, Антонъ забросилъ ...кно пилу, — послѣднее орудіе спасенія!.. Кон...!..

Почти всю ночь пробылъ узникъ на молитвѣ. ...стно было ему разставаться съ этимъ міромъ; но

мысль, что онъ въ чистотѣ сдаетъ свою земную одежду, что любовь и дружба провожаютъ его такими искренними, живыми изъясненіями, облегчала для него путь креста.

Въ полночь онъ началъ засыпать. Ему казалось, будто онъ во снѣ слышитъ рыданія у окна своего. (Это рыдалъ Андрюша, прочитавъ отвѣтъ узника). Но Антона такъ неугомонно, такъ сладко тянуло ко сну, что онъ не имѣлъ силъ превозмочь его и проспалъ на своемъ жесткомъ ложѣ до зари.

Вдругъ... слышитъ шумъ, тревогу...

— Гдѣ нѣмчинъ?—кричатъ голоса нечистымъ русскимъ языкомъ, — великій князь выдалъ намъ его голову. Подавайте нѣмчина.

И вслѣдъ затѣмъ вторглось въ его клѣть нѣсколько татаръ, атлеты наружностью, съ глазами, кипящими гнѣвомъ, бросились на него, повалили его и, положивъ ему колѣно на спину, связали руки назадъ.

Напрасное насиліе! Антонъ не противился.

— Иду, куда хотите, — сказалъ онъ съ твердостью, — объ одномъ только умоляю именемъ отца вашего, вашей матери, убейте меня скорѣй, только не мучьте.

— Собакѣ будетъ и собачья смерть, — кричали татары, — не жалѣлъ ты нашего царевича.

— Вотъ тебѣ за племянника.

— Вотъ за родного.

— Вотъ за царевича нашего.

И удары сыпались на несчастнаго, по чемъ попало; кто билъ его кулакомъ, кто рукоятью ножа.

Около казеннаго двора собрались во множестве конные и пѣшіе татары. Они встрѣтили узника

тельствами, криками, хохотомъ. Такъ сонмище сатанинское привѣтствуетъ свою жертву у входа въ адъ.

Ужасная процессія потянулась по набережной, по Великой улицѣ, къ Москворѣцкому мосту. Толпы народа начали сноваться вслѣдъ за ней. Казалось, надо бы ожидать, что чернь присоединитъ свои оскорбленія къ тѣмъ, которыми татары угощали свою жертву: напротивъ, русскіе, смотря на молодость, красоту, благородный видъ Антона, слыша, что онъ готовился принять русскій законъ, жалѣли о немъ и бранили татаръ; многія женщины плакали.

Близъ Константино-еленовскихъ воротъ, князь Холмскій, Аристотель и Хабаръ встрѣтили процессію. Они бросились къ начальникамъ ея и предлагали имъ богатый выкупъ, чтобы они отпустили своего плѣнника. Къ друзьямъ Антона присоединилась молодая, прекрасная женщина: она положила въ складчину ихъ золотую цѣпь, монисты и другія богатыя женскія украшенія. Это была Гаиде.

Поколебались было нѣкоторые изъ татаръ; но родственники Каракачи не согласились. Наконецъ друзья несчастнаго, усиливая свои дары, могли только убѣдить ихъ повременить казнью хоть на нѣсколько мгновеній.

Ждали еще снова милости отъ Ивана Васильевича. Къ нему пошелъ Андрюша; Андрюшу, во что бъ ни стало, обѣщалъ Курицынъ пропустить къ великому князю.

Чтобы, въ случаѣ прощенія, скорѣй передать его споряднтелямъ казни, Хабаръ поскакалъ на Константино-еленовскую улицу: тамъ онъ сталъ ожидать

вѣстника. Аристотель, между тѣмъ, пробрался къ осужденному, утѣшалъ и успокаивалъ его.

Недаромъ далъ слово Курицынъ,—Андрюша былъ ужъ у ногъ властителя, обнималъ ихъ, обливалъ слезами. Сначала не могъ онъ ничего говорить.

Какъ перемѣнился маленькій любимецъ великаго князя съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ его! Куда дѣвались румянецъ въ лицѣ, живость въ глазахъ? Все это смѣнили истома, мертвизна; глаза впали, лицо свело, губы запеклись, будто подернуло ихъ землею.

— Что тебѣ?—спросилъ властитель, невольно смущенный.

— Помилуй, государь; прости Антона-лекаря,—говорилъ Андрюша голосомъ, въ которомъ изливалась вся душа его.—Видитъ Богъ, онъ не виноватъ; злодѣи подмѣнили лекарство. Я знаю его, я ручаюсь за него, онъ не сдѣлаетъ худого дѣла. Помилуй его, мой царь, мой отецъ! Будь великодушенъ. Пойду къ тебѣ по гробъ въ кабалу. Сдѣлай изъ меня что хочешь, палатнаго мастера, каменщика, плотника; чѣмъ хочешь, всѣмъ буду для тебя. Буду служить тебѣ вѣрнымъ рабомъ, пока останется капля крови. Посылай меня на какое дѣло тебѣ только вздумается, на ратное, на смерть; заточи меня вмѣсто Антона, но только помилуй его. Буду вѣчно Господа молить за тебя!

Въ помощь краснорѣчивому стряпчему пришла Софья Ѳоминишна изъ другой горницы, изъ которой услыхала жалобныя моленія, раздиравшія душу — также стала убѣдительно просить великаго кн помилованіи лекаря. Въ этомъ случаѣ она не по зла на Антонѣ за оскорбленіе брата ея А Ѳомича.

— Добро, — сказалъ тронутый властитель, — ради васъ милую Антона-лекаря. Курицынъ, — прибавилъ онъ, обратясь къ своему дьяку, — пошли боярскихъ дѣтей именемъ моимъ освободить лекаря отъ татаръ и позови ко мнѣ Даньяра. Авось, уломаю его.

Вскрикнулъ Андрюша отъ радости... всталъ... опять палъ въ ноги Ивану Васильевичу, цѣловалъ ихъ, и быстрѣе молніи полетѣлъ изъ хоромъ великокняжескихъ. Дворецкаго, который пытался было остановить его въ переходахъ, сбилъ онъ съ ногъ, забывъ гдѣ-то свою шапку, бѣжалъ съ обнаженною головой, какъ сумасшедшій, по площадямъ и улицамъ.

На Константино-еленовской улицѣ не было уже Хабара... Неужли?..

Сердце у Андрюши замерло. Испуганный, задыхаясь, онъ упалъ... старался перевести духъ, поднялся... опять побѣжалъ и опять упалъ... хотѣлъ что-то закричать, но осиплый голосъ его произносилъ непонятныя слова; хотѣлъ поползти и не смогъ... Силы, жизнь оставляли его. Онъ бился по замерзлой землѣ; казалось, онъ съ кѣмъ-то боролся... и наконецъ, изнемогши, впалъ въ безчувственность.

Въ такомъ состояніи нашелъ его Аристотель; онъ и самъ походилъ на безумнаго.

— Ужъ поздно!—сказалъ онъ гробовымъ голосомъ, поднялъ умирающаго сына, взвалилъ его себѣ на плечо и повлекся съ нимъ, — и самъ не зналъ куда. Съ этою ношей бродилъ онъ какъ тѣнь, цѣпляясь за ла- и заборы. Кто-то изъ знакомыхъ сжалился надъ чи и привелъ ихъ домой.

Да, ужъ было поздно. Видѣли, какъ прискакалъ своимъ царевичъ Даньяръ, слышали, какъ онъ сер-

дился на нихъ и отдалъ грозный приказъ докончить несчастную жертву; видѣли, какъ татары повлекли Антона съ берега подъ мостъ, на ледъ замерзшей рѣки, видѣли, какъ Антонъ поклонился народу, освобожденный отъ узъ, перекрестился, прижалъ что-то къ груди своей, и какъ потомъ татаринъ... поднялъ высоко, торжественно за густые, свѣтлые кудри бѣловосковую голову...

И въ то же самое время солнце такъ играло на небѣ!

Собравъ смертные останки, Хабаръ и тверчанинъ Аѳоня ночью похоронили ихъ у «Антонова двора, за Лазаремъ святымъ».

Вотъ за чѣмъ пріѣзжалъ Антонъ Эренштейнъ на Русь! Да еще за тѣмъ, чтобы оставить по себѣ слѣдующія почетныя строки въ исторіи: «*Врачъ нѣмчинъ Антонъ пріѣха (въ 1485) къ великому князю; его въ великіе чести держалъ великій князь; врачева же Каракачу, царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же великій выдалъ его «татарамъ»... они же свели его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножомъ, какъ овцу*».

Что сдѣлалось съ Анастасіей? Съ каждымъ днемъ въ глазахъ и на душѣ ея стало болѣе и болѣе темнѣть, такъ что скоро все слилось для нея въ ужасный мракъ. Антонъ сталъ являться къ ней и звать съ собою.

— Приду, скоро приду, милый, суженый мой — говорила она въ помѣшательствѣ.

Страдала, томилась, сохла, наконецъ не вынесла... наложила на себя руки.

Не спрашивайте меня, какъ это было.

Вы знаете по исторіи, что казнь врача привела въ ужасъ всѣхъ иностранцевъ, жившихъ тогда въ Москвѣ, что Аристотель бѣжалъ было въ свою землю, что «князь великій пойма его и, ограбивъ, посади на Онтоновѣ дворѣ за Лазаремъ святымъ», что художникъ исполнилъ обѣтъ свой—докончилъ храмъ Успенія Пресвятой Богородицы. Но что послѣ сдѣлалось съ нимъ, съ сыномъ его, куда слѣдъ ихъ дѣвался,—нигдѣ не отыщете. Напрасно сердце ваше спрашиваетъ, гдѣ лежитъ прахъ ихъ... Богъ вѣсть!

Грустно, очень грустно.

Вы, конечно, не спросите меня о будущности Хабара-Симскаго. Сердцу каждаго русскаго должны быть очень знакомы освобожденіе Нижняго-Новгорода отъ враговъ, спасеніе *нашей* чести въ Рязани, осажденной татарами при Василіи Іоанновичѣ, и другіе подвиги знаменитаго воеводы.

Мы забыли сказать, что въ день казни Антоновой родился Іоанну внукъ, Дмитрій Ивановичъ.

Думаемъ, нужно еще прибавить къ заключенію нашей повѣсти, что мѣсто лекаря Антона при дворѣ великаго князя заступилъ, по рекомендаціи Поппеля, *мистра* Леонъ, родомъ жидовинъ; что этотъ мейстеръ лечилъ и залечилъ Іоанна младого и за то казненъ всенародно на Болвановкѣ, за Москвой-рѣкой. Объ этомъ никто не жалѣлъ: по дѣломъ была вору мука!

Перенесемся теперь въ нѣмецкія земли.

Поппель, возвратясь ко двору своего государя, спѣлъ обрадовать дядю вѣстью о смерти его однофальца.

— Несчастный!—закричалъ баронъ внѣ себя,—это

былъ сынъ мой. Я убійца его. Проклинаю тебя вмѣстѣ съ собою!

Онъ спѣшилъ разсказать встрѣчному и попереч ному повѣсть о рожденіи Антона и свои злодѣянія. Вскорѣ монастырь заключилъ его въ стѣнахъ своихъ. Въ тотъ же монастырь послѣдовалъ за нимъ новый отшельникъ: это былъ Антоніо Фіоравенти. Можно судить, какова была ихъ первая встрѣча. Долго еще встрѣчались они каждый день въ переходахъ монастырскихъ, униженно кланялись другъ другу и поспѣшали у подножія креста смывать слезами глубокаго раскаянія кровь невинной жертвы, которою были запятнаны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОПЯТЬ ВЪ БОГЕМІИ

Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка.

Вы помните, конечно, замокъ у Бѣлой горы, на берегу Эльбы, хоть и давно разстались съ нимъ. Вотъ безъ малаго черезъ три года, какъ мы побывали тамъ, входимъ опять на дворъ, принадлежащій этому бѣдному замку.

Прекрасный осенній день — замѣтьте въ Богеміи — склоняется ужъ къ вечеру и накидываетъ розовое покрывало на небо, на воды, на всѣ предметы. И замокъ въ огняхъ, будто праздникъ въ немъ. Все твореніе, проникнутое какимъ-то упоительнымъ спокойствіемъ, дышитъ такъ легко, такъ сладостно. На дворѣ замка маститый вязъ, еще прекрасный, несмотря, что старость и осень разубираютъ его, привлекъ къ себѣ юную виноградную лозу, которая крѣпко его имаетъ, вьется въ ласковыхъ побѣгахъ по вѣтвямъ бираетъ ихъ своими гроздіями, жарко пылающими послѣднихъ лучей солнца. На одномъ суку повѣ колыбель, вся въ цвѣтахъ. Старикъ, сѣдовласый, ный, сухощавый, съ нѣжною заботливостью ка-

чаетъ ее, сидя на скамейкѣ. Но ребенокъ закричалъ, и старикъ спѣшитъ раздвинуть занавѣски, беретъ его къ себѣ на руки, гулитъ и няньчитъ, пока не пришла мать. Вотъ молодая женщина принимаетъ сладкое бремя отъ пѣстуна, садится также подъ вязомъ и начинаетъ кормить дитя грудью. Взоры ея то смотрятъ съ любовью на ребенка, то съ умиленіемъ встрѣчаютъ двухъ милыхъ существъ, которыя подходили къ вязу и недалеко отъ него остановились. Одинъ—молодой, статный, румяный крестьянинъ или мызникъ (судя по одеждѣ его, отличающейся отъ крестьянской нѣкоторыми выгодными оттѣнками); другой—дитя, лѣтъ двухъ. Между ними завязался споръ, и мать угадываетъ, что побѣда останется на сторонѣ послѣдняго. Дитя, весь покраснѣвъ, хочетъ, во что бъ ни стало, тащить заступъ, который несъ молодой крестьянинъ, отецъ маленькаго бунтовщика, идя съ полевой работы. Отцу хотѣлось бы угодить ему, и между тѣмъ онъ боится, чтобы ноша не по силамъ не сдѣлала ему вреда. Наконецъ улаженъ миръ: малютка поставилъ на своемъ, — онъ тащитъ заступъ, но отецъ привязалъ къ нему свою подвязку, на которой держитъ всю тяжесть орудія. Этотъ споръ и побѣда чрезвычайно забавляютъ старика и молодую женщину. Вся эта картина облита розовымъ колоритомъ вечерней зари.

Здравствуйте, старинные друзья мои, Фрицъ, Якубекъ и Любуша! Вотъ и семья ваша прибыла. Видно по всему, что вы живете довольны, счастливы. Вы искали этого счастія за морями, вы нашли его около себя. Слава Богу, даже имени страстей не знали! кипѣла отъ нихъ кровь ваша, не терзалось ваше сердце на части, адскія муки не отбивали васъ отъ пи

отъ сна и не смущали воображенія грозными привидѣніями. Славу Богу!.. Миръ и благостыня не отойдутъ и отъ вашихъ могилъ.—Здѣсь почиваютъ *добрые* люди, скажутъ, указывая на нихъ, замѣнившіе васъ жильцы,—и странникъ помянетъ васъ благословеніемъ.

Молодая женщина, накормивъ грудью свое дитя, положила его опять въ колыбель, и старикъ опять принялся убаюкивать его. Подъ вязомъ поставленъ столъ; скоро готова вечерняя трапеза. Но прежде нежели садятся за нее, все семейство благоговѣйно творитъ молитву, и дитя, повторяя за матерью, лепечетъ благодареніе Богу за хлѣбъ насущный. Сѣли; Любуша одна не садится. Она устремила взоры на ближайшую гору, по которой идетъ дорога къ замку, и какъ-будто силится глазами поймать какой-то предметъ.

— Что ты ловишь тамъ, Любуша?—спросилъ Якубекъ. — Ужъ не корова ли сбѣжала! Пожалуй, чего добраго, отъ нея станется по прошлогоднему... дастъ мнѣ работы на ночь!

— Нѣтъ, — отвѣчала молодая женщина, — плетется съ горы какой-то странникъ, старичокъ... да, видно, очень усталъ. Не подождать ли намъ его?

Якубекъ сдѣлалъ рукою щитъ надъ глазами и, немного погодя, примолвилъ:

— И то странникъ! По одеждѣ, видно, не здѣшній. Добро, подождемъ его.

Накрыли молоко отъ мухъ, уняли нетерпѣніе малютки ломтемъ хлѣба, и стали дожидаться путника. Но такъ какъ онъ съ трудомъ тащился, то молодая женщина пошла ему навстрѣчу, привѣчала его ласковымъ словомъ и, подхвативъ за руку, помогла ему корѣе дойти до вяза.

Одежда странника была не нѣмецкая; говорилъ онъ и языкомъ, хотя понятнымъ для чеховъ, но все-таки не чешскимъ. Старикъ, прежде чѣмъ поклонился хозяевамъ, положилъ нѣсколько крестныхъ знаменій передъ иконою, вдѣланною въ небольшое дупло вяза, что очень понравилось набожнымъ чехамъ.

Они сажали его на почетное мѣсто, угощали чѣмъ только могли—и пищею тѣлесною, и ласками. Скоро все семейство очень полюбило старичка. И самъ двухлѣтній сынъ Якубка, сначала дичившійся его, вѣроятно потому, что онъ былъ кривой, черезъ нѣсколько времени подошелъ къ нему и сталъ просить у него посоха на лошадку.

И была важная причина, что жители замка особенно полюбили странника: онъ былъ русскій, онъ пришелъ изъ Москвы.

Вы угадаете, что это былъ тверчанинъ Аѳанасій Никитинъ. Онъ ходилъ въ страны на восходъ солнечный, ему хотѣлось побывать и на западѣ: вотъ и пришелъ онъ... Правда, не одно любопытство привлекло его въ Богемію; онъ несъ къ матери Антона одно изъ писемъ отъ покойника.

Когда узнали, что странникъ русскій, Фрицъ, Якубекъ и Любуша засыпали его вопросами о молодомъ ихъ господинѣ.

— Боже мой! изъ Руси, изъ Москвы!..—говорили они.—Да если бъ мы знали, что у насъ будетъ такой дорогой гость, такъ вышли бы къ тебѣ навстрѣчу въ Липецкъ и понесли бъ тебя на рукахъ своихъ!

Но странникъ, прежде нежели отвѣчалъ на и многочисленные вопросы, самъ спросилъ ихъ, гдѣ боярыня, матушка господина Антона

— Тамъ, — отвѣчалъ Фрицъ, указывая на небо.

Старикъ перекрестился съ умиленіемъ и примолвилъ:

— Слава Богу!.. Я несъ было ей вѣсточку отъ сынка... да они ранѣе свидѣлись, ранѣе переговорили другъ съ другомъ.

Извѣстіе о смерти молодого господина глубоко тронуло добрыхъ обитателей замка. Вспоминали его прекрасную наружность, прекрасную душу, его послѣднее посѣщеніе замка, означенное разными дѣлами добра, благословляли его за счастіе, которымъ наслаждалось черезъ него все семейство Фрица, вспоминали и отъѣздъ молодого господина въ Московію...

— Какъ-будто чувствовалъ, что не воротится, — говорилъ Якубекъ, прерывая свои слова рыданіями: — «придется ли намъ свидѣться», молвилъ онъ въ Липецкѣ, когда я провожалъ его... Недаромъ сердце у меня тогда оторвалось! Хотѣлъ бы еще одинъ разикъ взглянуть на него! Кажись, легче бы было.

— Благодареніе Богу, что госпожа баронесса умерла прежде его, — сказалъ Фрицъ, — а то бъ измучилась, бѣдная, при концѣ своемъ!..

— А когда боярыня кончила вѣкъ свой? — спросилъ странникъ.

— Вотъ будетъ скоро два года, — отвѣчалъ Фрицъ. — Была здоровехонька и спокойна... весела нельзя сказать, потому что веселья она не видала давно, очень давно... Вдругъ, безъ всякой причины, стала грустить, да задумываться, да метаться... видишь, добрый человѣкъ, съ того только, что приснился ей нехорошій сонъ о сынкѣ... «Недаромъ!» говорила она: «что-нибудь да худое съ нимъ дѣется». Я уговаривать ее, какъ зналъ мой умишка, а пуще любовь и предан-

ность къ ней; я къ ней отца Лаврентія съ церковными увѣщаніями, нѣтъ, милостивая госпожа стояла только на одномъ, что съ сынкомъ сдѣлалось худое. Томилась да томилась, да и слегла въ постель. Вотъ разъ, утромъ, приносятъ къ ней черезъ жида Захарія—чай, знаешь, видалъ его на Руси?—вотъ приносятъ къ ней письмо отъ молодого господина. Надо было видѣть, что съ нею тогда сдѣлалось. Прежде и руку-то поднимала съ трудомъ, а тутъ сама поднялась на постели, да стала прижимать письмо къ сердцу и плакать... О, это были слезы, какими и не на этомъ свѣтѣ дай Богъ намъ плакать! Всѣхъ насъ позвала къ себѣ, и всѣмъ показывала письмо, а радость такъ и блистала въ глазахъ ея, щеки такъ и пылали, какъ будто у молодой дѣвушки. Вотъ убралась она въ свое лучшее платье — тутъ были и соболи, что прислалъ ей господинъ Антонъ — и позвала отца Лаврентія читать письмо. И читалъ онъ ей, какъ счастливо живетъ молодой господинъ, и какъ любитъ его молодая, прекрасная супруга, и какъ государь-король московскій жалуетъ его своими милостями. Чтожъ, добрый человѣкъ? не снесла долго своей нечаянной радости... черезъ три дня отдала Богу душу. И какъ стала умирать, все держала письмо у груди. Такъ съ нимъ и похоронили ее.

Разрывалась грудь странника при слушаніи этого разсказа; нерѣдко утиралъ онъ кулакомъ слезы, катившіяся невольно одна за другою. Онъ не разочаровалъ обитателей бѣднаго замка насчетъ благополучія Антона; онъ не хотѣлъ принять на душу этого грѣха. Напротивъ, старался еще болѣе скрасить счастливую жизнь дворскаго лекаря на Руси, и прибавилъ,

онъ еще недавно и умеръ. А самъ, разсказывая все это, не могъ не плакать...

Онъ прогостилъ недѣли съ двѣ у своихъ новыхъ друзей, словно въ родной семьѣ, хотѣлъ было идти еще далѣе на западъ, да не пошелъ... что-то сгрустнулось по Руси.

Обитатели замка провожали его, какъ будто вновь провожали на Русь своего молодого господина. Долго стояли они на перекресткѣ дорогъ, пока онъ совсѣмъ скрылся изъ виду; долго еще были рѣчи о немъ въ благословенной семьѣ.

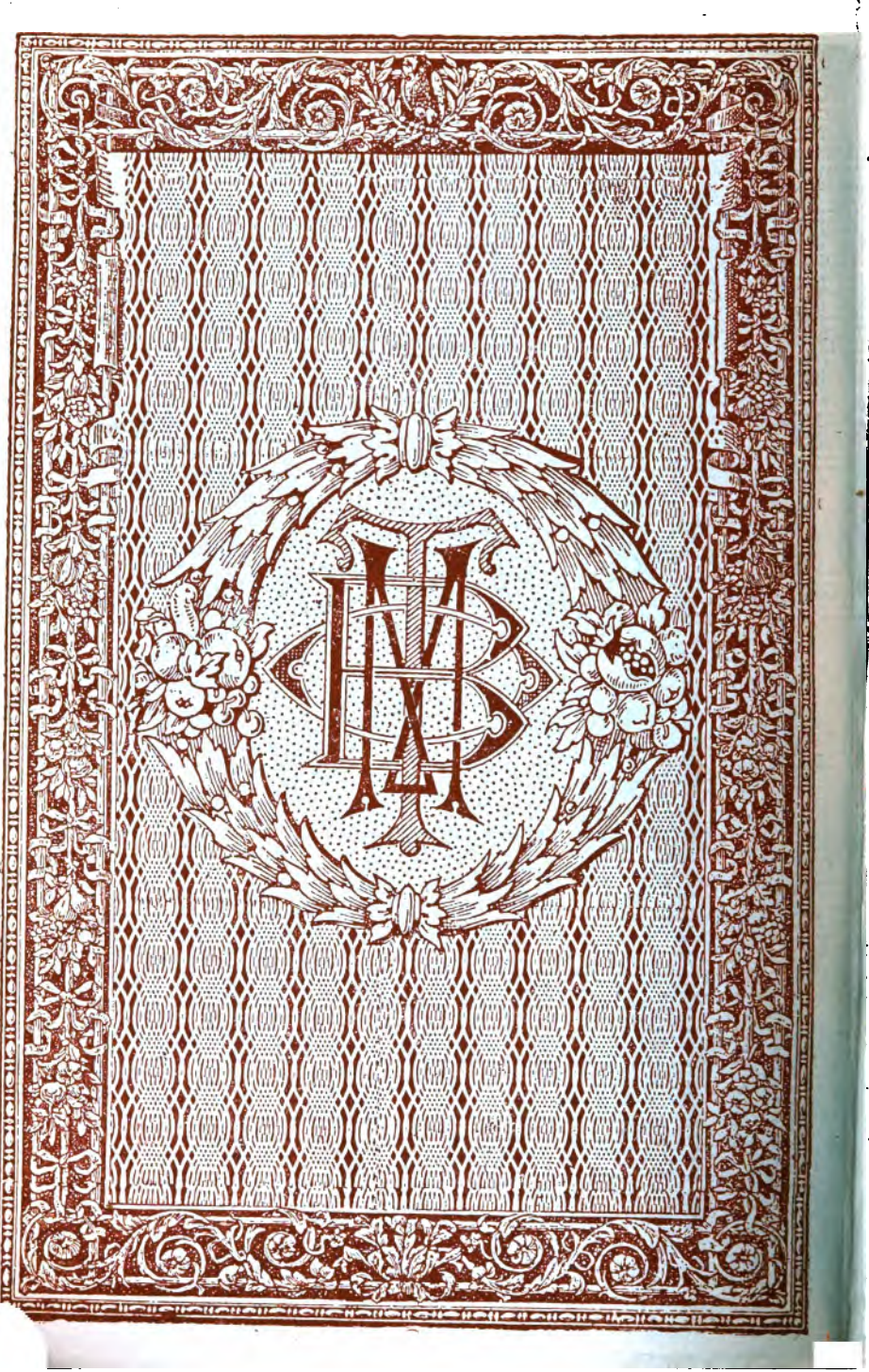
КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА

СТР.

БАСУРМАНЪ

Часть третья и четвертая 1



This book
the Library or
stamped below.
A fine of five cent
by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

3 2044 015 590 409

DUE OCT 9 '47
DUE OCT 23 '47 A
DUE OCT 10 '49
SEP 21 '55 H

STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED